

РУССКІЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

КНИГА 6.

1920.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.

Іюнь 1920 г.

Непремѣнный Секретарь академикъ Сергій Ольденбургъ.

Памяти академика А. С. Лаппо-Данилевского
(† 7 февраля 1919 г.).

Очеркъ развитія русской исторіографіи ¹⁾.

ВВЕДЕНІЕ.

Общечеловѣческое стремленіе къ чистому знанію и оцѣнкѣ его содержанія лежало, конечно, въ основѣ того умственнаго движенія, которое обнаружилось, между прочимъ, и въ русской исторіографіи. Такое движеніе могло, однако, развиться лишь въ тѣсной связи съ русскимъ народнымъ самосознаніемъ, устремленнымъ на наше прошлое: оно преимущественно побуждало его представителей къ научной обработкѣ того, что сохранилось въ памяти русскаго народа о его „бытахъ и дѣяхъ“, и привело ихъ къ болѣе или менѣе цѣльному пониманію его исторіи.

Исторіографическій процессъ подобнаго рода совершался постепенно: развитіе русской исторической науки становилось все болѣе непрерывнымъ, хотя и нарушалось иногда случайными въ отношеніи къ нему событіями; тѣмъ не менѣе, въ виду своей сложности, оно продолжало оставаться многообразнымъ: русскіе мыслители, писатели и ученые часто расходились въ пониманіи основныхъ задачъ Русской исторіи и придерживались различныхъ точекъ зрѣнія на ея ходъ; ихъ взгляды обусловили образованіе нѣсколькихъ школъ и направленій въ нашей исторіографіи: не будучи въ состояніи сразу охватить историческую истину и выработать общепризнанную схему нашей эволюціи, они постепенно возникали, боролись и смѣняли другъ друга.

Такая смѣна соответственно отражалась въ періодахъ развитія русской исторической мысли: господство того, а не иного историче-

¹⁾ Настоящій „Очеркъ“ предназначался А. С. Лаппо-Данилевскимъ для англійскаго изданія; среди рукописей автора сохранились введене, глава первая и начало второй главы „Очерка“. Ред.

скаго интереса или теченія придавало каждому изъ нихъ свой особый отпечатокъ. Вообще, начиная приблизительно съ конца XI вѣка, русская, исторіографія отличалась преимущественно традиціоннымъ характеромъ лѣтописнаго свода; съ XVII-го вѣка она стала принимать видъ болѣе сложной компиляціи, притязавшей на ученость и на приукрашенный стиль; послѣ реформъ начала XVIII-го вѣка она нѣсколько усвоила себѣ начала критики и требованія прагматическаго изложенія; въ первыя десятилѣтія XIX-го вѣка она приобрѣла, наряду съ критическимъ аппаратомъ, научно-литературный отгвнокъ; съ 1830-хъ годовъ она обнаружила болѣе сознательное стремленіе къ цѣльному построению нашего прошлаго, основанному частью на философскихъ предпосылкахъ, частью на началахъ строго научнаго изслѣдованія, благодаря которому ей удалось, наконецъ, достигнуть современнаго намъ высокаго уровня своего развитія ¹⁾.

I.

Въ средніе вѣка религія господствовала надъ остальными проявленіями культуры, и церковь подчиняла своему руководительству работу научной мысли. Такое „умоначертаніе“ должно было, конечно, отразиться и на византійской и на старѣйшей русской исторіографіи: православная точка зрѣнія замѣтно обнаруживалась въ пониманіи нашего прошлаго, особенно съ того времени, когда краткія погодныя записи или календарныя замѣтки современниковъ о важныхъ съ ихъ точки зрѣнія событіяхъ стали перерабатываться въ лѣтописные своды.

Подобно византійскимъ хронистамъ, составитель нашей первоначальной лѣтониси охотно рассуждалъ, на примѣръ, о „великомъ Промыслѣ Божиѣмъ“ и о дьяволѣ, твердо вѣрилъ въ чудеса и знаменія, подробно рассказывалъ объ участіи ангеловъ и бѣсовъ въ

¹⁾ Главнѣйшія пособія по русской исторіографіи: *К. Бестужевъ-Рюминъ*, Русская исторія, С.-Пб. 1872 г., вып. I, сс. 1—246. *М. Коллосичъ*, Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ, С.-Пб. 1884 г., 3-е изд. 1901 г. *В. Иконниковъ*, Опытъ русской исторіографіи, Кіевъ, 1891 г. и 1908 г., т. I въ 2-хъ книгахъ и т. II въ 2-хъ книгахъ. *П. Миллюковъ*, Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX ст., изд. 3-е, СПб. 1913 г. *Д. Базалый*, Русская исторіографія, Хар. 1911 г. Краткое обзорніе: *П. Миллюковъ*, Источники русской исторіи и русская исторіографія, въ Словарѣ Брокгауза и Ефрона и въ изданномъ при немъ сборникѣ „Россія“, С.-Пб. 1900 г., сс. 430—446.

дѣлахъ человѣческихъ, часто прибѣгалъ къ религіозно-нравственнымъ назиданіямъ читателей, широко пользовался отдѣльными случаями для того, чтобы говорить о душевномъ спасеніи в т. п.; онъ придавалъ также большое значеніе исторіи православной церкви, внимательно слѣдилъ за событіями, касавшимися своего монастыря в т. п. Большинство лѣтописцевъ, разумѣется, придерживалось авалогичныхъ взглядовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, однако, древне-русская лѣтопись уже начинала отражать въ себѣ мірскіе, преимущественно политическіе интересы того времени: монастыри, въ которыхъ работали составители нашихъ древнихъ лѣтописныхъ сводовъ, находились болѣею частью въ нѣкоторой зависимости отъ князей, при которыхъ они писали, и отчасти сообразовывались съ ихъ политикой; впрочемъ, въ другихъ сводахъ, возникавшихъ въ условіяхъ вольной городской жизни, соответственно мѣнялся и характеръ лѣтописанія, болѣе склоннаго отмѣчать событія, касавшіяся ея благосостоянія ¹⁾.

Древнѣйшія попытки изобразить исторію „Русской земли“ возникли въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, вѣроятно, въ концѣ XI и въ началѣ XII столѣтій: Кіево-печерскій лѣтописный сводъ, составленный по распоряженію игумена Іоанна и, надо думать, значительно переработанный Несторомъ въ извѣстную „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, легъ въ основаніе послѣдующихъ трудовъ подобнаго рода; они слагались подъ нѣкоторымъ влияніемъ византійской и южно-славянской письменности и свидѣтельствуютъ о зародившемся при княжескихъ дворахъ, въ литературныхъ кругахъ того времени, интересѣ къ исторіи родной земли, но еще очень далеки отъ научной ея обработки.

Въ самомъ дѣлѣ, предполагаемый составитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, „блаженный“ черноризецъ Феодосѣевъ монастыря Печерскаго—Несторъ пользовался не только народными преданіями, которыми онъ оживилъ свое этнографическое введеніе и свои рассказы объ Олегѣ, Ольгѣ и Владимірѣ, но и литературными источниками; онъ произвелъ, напримѣръ, систематическую выборку изъ хроники Амартола и его продолжателя (въ болгаро-славянской редакціи), а также всѣхъ извѣстій, относящихся къ Руси и Болгарамъ, и займ-

¹⁾ В. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, Кіевъ, 1908, г. II (въ двухъ книгахъ); авторъ даетъ здѣсь обширное обзорнѣе русскаго лѣтописанія вплоть до его упадка въ XVII—XVIII в.в. На мірскомъ или „общественномъ, преимущественно дружинномъ, городскомъ характерѣ“ лѣтописи настаиваетъ Н. Забѣлина, Исторія Русской жизни, т. I, изд. 2-е, сс. 545—568.

ствоваль изъ Хронографа свидѣнiя, нужныя ему для того, чтобы попытаться связать исторiю славянъ съ мировыми событiями; противъ того, онъ пользовался „словесами“ современниковъ и житiями, договорами съ греками и другими источниками. Въ погодное изложенiе преимущественно церковныхъ и политическихъ событiй того времени, доведенное до 11 февраля 1111 года, Несторъ вмѣстѣ иногда настроенiе, которое придавало имъ известную цѣльность и колоритность; таковы, напримѣръ, его живые рассказы о борьбѣ Кieва съ степью, о нашествiи половцевъ на Печерскую обитель и ея разгромѣ, о княжескихъ сѣздахъ въ Увѣтичахъ и Долобскѣ и т. п. Вѣсть съ национальнымъ чувствомъ, согрѣвавшимъ его изложенiе, лѣтописецъ обнаруживалъ иногда болѣе определенное отношенiе къ политическимъ дѣламъ своего времени: подъ влиянiемъ ихъ оцѣнки онъ, конечно, впадалъ въ тенденциозность, но получалъ также возможность соответственно группировать исторические факты; въ новѣсти о призванiи варяговъ Несторъ развивалъ, напримѣръ, мысль о тождествѣ ихъ съ Русью и о варяжскомъ происхожденiи Кieвскаго княжескаго дома; возможно также, что онъ впадалъ въ современныя ему событiя въ духѣ благожелательномъ къ Святославу Изяславовичу¹⁾.

Послѣдующiя редакци „Новѣсти временныхъ лѣтъ“, возникшия также въ Кieвѣ, но имѣвшия болѣе широкое распространенiе, отличались тѣми же типическими чертами старинныхъ „анналь“ и, по задачамъ и прѣмамъ все еще простаго и безыскусственнаго лѣтописанiя, едва ли внесли что-либо существенно новое въ нашу исторiографiю; впрочемъ, онѣ, конечно, дополняли прежнюю редакци новыми матеріалами и видоизмѣняли ее соответственно новымъ политическимъ тенденциямъ, всего болѣе благопріятствовавшимъ Владимиру Мономаху.

¹⁾ Старинное лѣтописанiе развивалось также въ другикъ русскихъ земляхъ, причѣмъ получало здѣсь болѣе мѣстный характеръ; важнѣйшия изъ такихъ лѣтописей относятся къ тѣмъ землямъ, которыя находились въ болѣе оживленныхъ сношенiяхъ съ западно-европей-

¹⁾ А. Шахматовъ, Несторъ лѣтописецъ, въ Запискахъ Научнаго Товарищества имени Шевченко, т. СХУІІ—СХУІІІ (1914 г.), сс. 31—53. „Новѣсть временныхъ лѣтъ“, по предположенiю автора, была составлена (или закончена?) въ 1112 году. См. еще А. Шахматовъ, Новѣсть временныхъ лѣтъ, Петр. 1916 г., т. I, сс. I—XLI. Редакци Нестора сохранилась въ Лаврентьевскомъ спискѣ.

скими центрами, а именно: къ Новгородской и Псковской, Волынской и Галицкой.

Киевская письменность, вѣроятно, оказала нѣкоторое влияние на Новгородскую, что отразилось и на лѣтописномъ дѣлѣ, зародившемся въ Новгородѣ, можетъ быть, уже при епископѣ Юліанѣ († 1090 г.): начало собственно Новгородской лѣтописи Гервага Волты и его преемниковъ приблизительно совпадаетъ съ окончаніемъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ въ третьей ея редакціи, статьи которой отчасти попали въ составъ 1-ой Новгородской лѣтописи по синодальному списку; другіе ея списки младшаго извода также содержатъ заимствованія изъ Начальнаго свода, статьи котораго въ соединеніи съ статьями „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ встрѣчаются еще въ 4-ой Новгородской лѣтописи. Различныя своды 1-ой Новгородской лѣтописи повѣствуютъ о судьбахъ господина Великаго Новгорода, что и придаетъ нѣкоторое единство ихъ содержанію: составители ихъ слѣдили за церковною и торговою его жизнью, за борьбою между его большими и меньшими людьми и политическими партіями, а также за его столкновеніями съ князьями, часто возникавшими изъ за соображенія „воли Новгородской“, и т. н. Въ виду мѣстнаго характера старѣйшихъ Новгородскихъ сводовъ авторы ихъ обнаруживаютъ иногда свои мѣстные патриотическіе интересы, но они лишь изрѣдка высказываютъ сѣтованія на внутреннія усобицы или враждебныя чувства къ Москвѣ; въ большинствѣ случаевъ изложеніе ихъ отличается, напротивъ, сухостью и краткостью разсказа. Такія настроенія болѣе замѣтно проступаютъ въ позднѣйшихъ Новгородскихъ лѣтописяхъ, содержащихъ, между прочимъ, описаніе паденія Великаго Новгорода и послѣдующаго его „плѣненія“. Псковскія лѣтописи, зависѣвшія въ довольно значительной степени отъ Новгородскихъ, также представляли аналогичныя съ ними, хотя и ярче выраженныя черты мѣстныхъ лѣтописей; псковскія лѣтописцы едва ли не въ большей мѣрѣ выдвигаютъ, напримѣръ, исторію самого Пскова и придаютъ ей болѣе свѣтскій характеръ: они обращаютъ особенное вниманіе на то, что имѣло отношеніе къ псковичамъ и ихъ свободнымъ учрежденіямъ, причемъ обнаруживаютъ иногда явное сочувствіе къ „меньшимъ людямъ“ въ ихъ борьбѣ съ „большими“, не скрываютъ своего недовольства къ Новгороду и враждебнаго отношенія къ Москвѣ, чинившей насиліе надъ Псковомъ, и т. п. Патриотическое настроеніе Новгородскихъ и псковскихъ лѣтописцевъ проявлялось, конечно, и въ тѣхъ случаяхъ, когда они описывали борьбу своихъ вольныхъ городскихъ общинъ съ вѣшними врагами: литовцами, шведами и нѣмцами.

Киевскія лѣтописи проникли также въ Волинскую и, вѣроятно, въ Галицкую землю; здѣсь возникла, однако, особая Галицко-Волинская лѣтопись: она обнимаетъ мѣстные событія, происходившія частью въ Галичѣ при Данилѣ, частью во Владимірѣ при Василькѣ (съ его сыномъ Владиміромъ), и, надо полагать, потерпѣла нѣсколько измѣненій. Галицко-Волинская лѣтопись, болѣе свѣтская по своему характеру, уже отступаетъ отъ строго хронологическаго способа изложенія: прерываемое иногда, такъ-же, какъ и въ другихъ лѣтописяхъ, отдѣльными сказаніями, оно получаетъ здѣсь большую связность, по крайней мѣрѣ относительно событій, случившихся въ теченіе ближайшихъ другъ къ другу лѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Галицко-Волинская лѣтопись отличается большей яркостью своихъ характеристикъ и большей живостью своихъ разсказовъ, причемъ обнаруживаетъ также большую склонность къ образной и живописной рѣчи, которую она пытается облечь въ литературныя формы.

Такимъ образомъ, русское лѣтописаніе зародилось въ Киевѣ и распространилось во многихъ другихъ областяхъ, гдѣ оно стало пріобрѣтать все болѣе мѣстный характеръ ¹⁾.

Дальнѣйшее его развитіе связано съ попытками объединенія такихъ данныхъ въ болѣе обширныя общерусскія своды. Старѣйшій изъ нихъ былъ составленъ во Владимірѣ и, вслѣдъ затѣмъ, отра-

¹⁾ Въ числѣ мѣстныхъ лѣтописей можно указать еще на сѣверно-русскія лѣтописи: Ростовскую, Переяславскую и Тверскую, отличающуюся официальнымъ характеромъ и вошедшую въ составъ сборника, получившаго отъ нея свое названіе; дагѣ областныя лѣтописи, въ которыхъ, кромѣ исторіи о Казанскомъ царствѣ, въ сущности, представляющей скорѣе сказаніе, можно отнести лѣтописи: Архангельскую, которая, поведенію, служила источникомъ для Двинской и Устюжской, также Нижегородскую, лѣтописи сибирскія и малороссійскія и т. п.; наконецъ, лѣтописи отдѣльныхъ архіерейскихъ кафедръ, монастырей, церквей и т. п. Краткое обзореніе повѣстей и сказаній того времени, а также житій, имѣвшихъ въ виду, впрочемъ, скорѣе назидательныя, чѣмъ собственно историческія цѣли, см., напримѣръ, въ сочиненіи *Е. Голубинскаго*, *Исторія Русской Церкви, періодъ второй*, т. II пол. 2, въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древп., 1916 г., кн. IV, сс. 168—190, 195—204. Къ XIII вѣку относятся также тѣ сказанія Симона и Поликарпа о подвижникахъ Печерскаго монастыря, которыя вошли въ составъ Печерскаго патерика, извѣстнаго въ разныхъ редакціяхъ: старѣйшей Арсеньевской (1406 г.), наиболѣе типичной—Касіановской второй. (1462 г.) и другихъ; см. Патерикъ Киевскаго Печерскаго монастыря, изд. Археограф. Комм., С-Пб. 1911 г., сс. 73, 90, 179, 196. Ср. *Д. Абрамовичъ*, *Исслѣдованіе о Киево-Печерскомъ Патерикѣ*, С-Пб. 1902 г., сс. 32—35 и др.

ялся въ московскихъ лѣтописяхъ XV-го вѣка; въ Москвѣ появился также новый изводъ общерусскаго свода 1423 года, вскорѣ соединившійся въ Новгородѣ съ Софійскимъ временникомъ. Послѣдующее все болѣе официальное московское лѣтописаніе преимущественно основывалось на Софійской лѣтописи; она оказала замѣтное вліяніе, наиримѣръ, на Воскресенскій сводъ, писанный, впрочемъ, въ духѣ, сочувственномъ Москвѣ. По мѣрѣ ея возвышенія московскіе лѣтописные своды возрастали въ объемѣ и сложности: наиболее известными изъ нихъ въ XVI вѣкѣ стали „Никоновская“ лѣтопись и Степенная книга. Сводный характеръ Никоновской лѣтописи, возникшей, вѣроятно, послѣ принятія Іоанномъ Грознымъ царскаго титула, при известномъ митрополитѣ Макаріи, наглядно обнаруживается въ разнообразіи ея источниковъ: составитель свода пользовался, кромѣ начальной лѣтописи въ редакціи Сильвестра, и хронографомъ, изъ котораго онъ обильно черпалъ византійскія, болгарскія и сербскія извѣстія, и Полихрономъ, и Софійскимъ временникомъ, и Воскресенской, и нѣкоторыми другими лѣтописями; въ свое изложеніе онъ включилъ также многія повѣсти и сказанія, посланія и грамоты и т. п. Такое разнообразіе источниковъ понадобилось составителю для того, чтобы дать довольно подробную исторію Московскаго княжества, въ особенности начиная съ княженія Дмитрія Ивановича, прозваннаго Донскимъ за побѣду на Куликовомъ полѣ, и до войны Іоанна Грознаго съ Ливоніей, не упуская изъ виду, однако, различныхъ событій, касавшихся Тверскаго, Нижегородскаго, Рязанскаго и другихъ земель; въ виду официального характера свода, впрочемъ, не совсѣмъ выдержаннаго, и обилія матеріаловъ, компилятору ихъ пришлось выбирать важнѣйшія, по его мнѣнію, событія, сглаживать характерныя выраженія отдѣльныхъ лѣтописныхъ сказаній и т. п. Въ Никоновскомъ сводѣ, повѣствованіе котораго приурочено къ княженіямъ московскихъ князей, какъ видно, можно усмотрѣть уже слѣды нѣкоторой литературной обработки и кое-какіе приемы украшеннаго стиля.

Въ то же время, при дворѣ митрополита Макарія, а можетъ быть и при его ближайшемъ участіи, появилось другое историческое сочиненіе, известное подъ названіемъ „Степенной книги“: она въ еще большей мѣрѣ отражаетъ политическую теорію московскаго православнаго царства, съ точки зрѣнія которой составители ея, вѣроятно, трудившіяся подъ руководствомъ митрополита Макарія, значительно переработали преимущественно позднѣйшіе лѣтописные своды, повѣсти, сказанія, житія и другіе источники, памятники народной словесности,

послания, грамоты и т. п. Съ такой тенденціозной политическою точкою зрѣнія митрополитъ Афанасій и другія лица, напримеръ, некоемъ священникѣ Василіи, участвовавши въ составленіи Степенной книги, попытались изобразить „родословное коренное дѣло иже благочестиво державствующи въ Русской Землѣ“; они воспользовались известной легендой о пророчествѣ апостола Андрея въ той издѣланной ея редакціи, которая соединяетъ поставленіе креста, образованнаго „святеннаго чина начале“, съ водруженіемъ жезла, знаменовавшаго „самодержавное царное скипетроуправленіе“ въ Россіи; они ссылались на сказаніе, выводившее происхожденіе Рюрика отъ кесаря Августа (черезъ посредство Пруса); они изображали самого Рюрика и его преемниковъ „самодержавцами“, власти которыхъ никто не можетъ противиться, и они разсказывали о принятіи Владимиромъ Мономахомъ дадемы и вѣнца Константина Мономаха, переводившемъ славу греческаго царства на „русскаго царя“; они возводили къ той же традиціи „московское господоначалство“ и представляли уже Юрія Владиміровича Долгорукаго „обновителемъ первоначальнаго скипетродержанія благочестиваго царствія“; они молчаливо исходили изъ известной теоріи о перенесеніи центра православнаго царства въ Москву—третій Римъ, для того, чтобы возвеличить власть „крѣпкихъ поборниковъ православія“—московскихъ царей, и изображали благодаренную славу ихъ царства, проявившуюся и въ исторіи русской церкви съ ея святынями и святыми, и т. п. Такая православно-политическая тенденція вносила много чудеснаго и баснословнаго въ Степенную книгу и налагала особую печать на способы расположенія и изложенія собранныхъ въ ней матеріаловъ. Въ виду главной своей цѣли редакторъ ея сосредоточилъ свое изложеніе на исторіи „царскаго родословія“ по его степенямъ, начиная съ „сродника“ кесаря Августа и основателя рода—равноапостольнаго „блаженнаго царя“ и великаго князя Владимира, утвердившаго православную вѣру на Руси, вилочая основателя Московскаго княжескаго дома Данила Александровича и кончая „благовѣчнымъ“ самодержцемъ всея Руси—Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ; „чудныя же повѣсти“, накія редакторъ могъ собрать о нихъ, вромѣ „житія святой Ольги“, отыскивающаго сборникъ, онъ развѣстилъ по образовавшимся такимъ образомъ семнадцати степенямъ подъ особыми заголовками. Редакторъ сборника позаботился также о томъ, чтобы придать ему нѣкоторое стилистическое единство и снабдить его риторическими приправами. Степенная книга высоко цѣнилась современниками и пользовалась широкимъ распространеніемъ въ русской письменности, причѣмъ

подвергалась равнымъ дополненіямъ и передѣлкамъ; нѣкоторыя изъ списковъ Степенной книги доводятъ связное изложеніе до 1676 г., другіе содержатъ позитивныя приписки до 1727 года; обращеніе такихъ списковъ и передѣлокъ продолжалось еще долѣе—вплоть до XIX вѣка¹⁾.

Вообще, завершая собою лѣтописный періодъ нашей исторіографіи Степенная книга послужила также источникомъ дальнѣйшаго ея движенія: при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были даже учреждены особыя „Записной приказъ“, которому поручено было „составлять степенни и грани царственыя“, начиная съ царя Федора Ивановича и кончая „нынѣшнимъ“ 7166 (1657—58) годомъ, т. е. продолжать Степенную книгу до времени царя Алексѣя Михайловича²⁾. Хотя задача, возложенная на Записной приказъ, едва ли была выполнена во всей ея широтѣ, но самая мысль о продолженіи Степенной книги получила нѣкоторое осуществленіе въ позднѣйшемъ империальномъ трудѣ: дѣятъ Разряднаго приказа Федоръ Грибодовъ составилъ по заказу правительства „исторію, сирѣчь повѣсть или сказаніе вкратцѣ о благочестно державствующихъ и свято пожившихъ богоугодныхъ царяхъ и великихъ князяхъ, иже въ Россійстѣхъ земли богоугодно державствующихъ“; въ своемъ сочиненіи, названномъ, въ одней

¹⁾ Н. С. Р. Л., т. XXI, сс. 7, 20, 41, 73, 188, 191, 376, 435, 504, 527, 649, 652, 666—671 и др. Въ Степенной книгѣ можно встрѣтить также перекрестныя ссылки, связывающія отдѣльныя ея части, см., напримѣръ, П. С. Р. Л., т. XXI, с. 463 и др. Ср. отзывъ о Степенной книгѣ въ „Преніи о вѣрѣ“, въ Чт. М. О. И. и Др. 1892 г., кн. II, с. 17. Отч. Имп. Публ. Библ. за 1904 г., С.-Пб. 1911 г. с. 62. © переработкѣ житій для Степенной книги см. В. Ключевскій, Древнерусскія житія святыхъ, М. 1871 г., сс. 242—249. Тотъ же процессъ объединенія русскихъ земель подъ главенствомъ Москвы отразился и въ извѣстныхъ „Великихъ Мняеихъ-Четьихъ“, возникшихъ благодаря попеченіямъ того же митрополита Макарія; эта обширная патрологія содержитъ разнообразныя произведенія древней письменности, касающіяся жизни и дѣятельности святыхъ, преподобныхъ и отцовъ Православной церкви, греческихъ и русскихъ, ихъ подвиговъ, трудовъ, мученій и т. п., въ древнихъ славянскихъ переводахъ или русскихъ передѣлкахъ, оригиналахъ и т. п.; см. изданіе Археографической Комиссіи, начатое въ 1862 году.

²⁾ С. Блюкоровъ, Изъ духовной жизни Московскаго общества въ XVII в., М. 1903 г., сс. 53—84. Ср. еще Чт. М. О. И. и Др. 1896 г., кн. IV, смѣсь, сс. 4—6; 1899 г., кн. II, смѣсь, с. 45. Какія-то лѣтописныя работы велись нѣсколько позднѣе въ Оружейномъ приказѣ: 169 г. февраля 8 Андрей Гомулинъ писалъ здѣсь лѣтопись два дня, „а корму государева жалованья по два алтына 2 деньга“ (Моск. Отд. Дворц. Арх. 169 г., № 271); впрочемъ, подъ выраженіемъ „писалъ“ можно разумѣть „рисовалъ“ и т. п.

официальной записки, „Степенной книгой благовѣрнаго и благочестиваго рода Романовыхъ“; авторъ связывалъ его съ старой династіей, происшедшей отъ кесаря Августа: онъ хотѣлъ рассказать о томъ, „откуда въ Велѣцкѣ Россіи ихъ великихъ и благочестивыхъ и святопомазаныхъ государей царей Богомъ насажденный корень прозябе и израсте и процвѣте“, и въ самыхъ напыщенныхъ выраженіяхъ прославлялъ россійскихъ государей вплоть до царя Алексѣя Михайловича, а въ распространенной редакціи и до царя Федора Алексѣевича. Возможно, что эта официальная и краткая исторія царскаго рода, „взятая на верхъ“ по ея составленіи Федоромъ Грибоѣдовымъ, была предназначена, главнымъ образомъ, для назиданія царскихъ дѣтей; впрочемъ, довольно значительное число ея редакцій и списковъ свидѣтельствуетъ, что она пользовалась нѣкоторымъ распространеніемъ и за предѣлами царскаго двorca ¹⁾.

Такимъ образомъ, прежніе лѣтописные своды стали постепенно пережидаться въ компилятивныя историческія сочиненія, явно окрашенные политическими тенденціями. вмѣстѣ съ тѣмъ официальныя или офиціозныя записки о военныхъ походахъ, назначеніяхъ, службахъ и т. п. начали переходить изъ лѣтописей въ разрядныя книги, а болѣе свободныя формы историческаго разсказа продолжали развиваться въ историческихъ сказаніяхъ и повѣстяхъ, выдѣлившихся изъ лѣтописныхъ сборниковъ и представлявшихъ самостоятельныя попытки болѣе послѣдовательнаго изложенія отдѣльныхъ событій или цѣлыхъ эпохъ русской исторіи; особенно много сказаній возникло по поводу нашествія татаръ въ Русскую землю и Смутаго времени Московскаго государства; таковы, напримѣръ, извѣстныя сказанія о Мамаевомъ побоищѣ и о взятіи Казани, довольно сложный по своему составу сборникъ повѣстей и замѣтокъ о времени правленія Бориса Годунова и его преемникахъ, популярное „сказаніе“ Авраамія Палицына объ осадѣ Троицкаго монастыря и т. п. ²⁾. Нѣкоторыя изъ произведеній подобнаго рода получили характеръ историческихъ записокъ современниковъ, уже не чуждыхъ прагматическихъ и литературныхъ приемовъ

¹⁾ Ф. Грибоѣдовъ, Исторія о царяхъ и великихъ князьяхъ земли Русской, изд. въ Памяти Древней Письменности, подъ ред. С. Платонова и В. Майкова, С.-Пб. 1896 г., № СХХІ.

²⁾ Е. Голубинскій, Оп. cit., т. II, полов. 2, сс. 195—204. С. Платонова, Древне-русскія сказанія о Смутаго времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ, С.-Пб. 1888 г., сс. 1—81 и др.

повѣствованія. Въ своей „Исторіи о великомъ князѣ Московскомъ“ образованный князь А. М. Курбскій попытался, на примѣръ, рассказать, какимъ образомъ „добрый и нарочитый царь“ Иванъ Васильевичъ Грозный „отринулъ отъ себя всѣхъ предобрыхъ и разумныхъ мужей“ и превратился въ „лютаго и безчеловѣчнаго“: онъ пренебрегъ ихъ совѣтомъ и окружилъ себя ласкателями, что способствовало его нравственному паденію и водворенію жестокой эпохи ~~вадней~~ жгребившей много „боярекихъ и дворянскихъ родовъ“¹⁾. Больше широкую цѣль поставилъ себѣ дьякъ Иванъ Тимофеевъ, служившій въ разныхъ городахъ Московскаго государства до конца 1620-хъ годовъ. Съ своей православно-обрядовой и морализирующей точки зрѣнія Иванъ Тимофеевъ попытался объяснить причины Смутаго времени: грѣхи правителей, нарушившихъ Богомъ данныя „древніа благоустановленія“ и отцовскія преданія, повели къ ослабленію въ ихъ подданныхъ духа повиновенія, что и повлекло за собою бѣдствія Смуты; сами правители возвели „худородныхъ“ на степень благородныхъ и приблизили къ себѣ „шептателей“, склонявшихъ ихъ своими „ложными глаголами“ къ разнымъ преступленіямъ; съ своей стороны подданные не находили въ себѣ никакого „мужества“ и твердости для того, чтобы противодѣйствовать имъ; благодаря такимъ условіямъ царь Борисъ, побуждаемый властолюбіемъ, сталъ совершать „злодѣянія“, которыя общество встрѣчало „безсловеснымъ молчаніемъ“; такое зло требовало возмездія: оно наступило съ появленіемъ самозванцевъ, Гришки Расстриги и другихъ, получившихъ благодаря „слабости и страшивству всѣхъ“ широкій просторъ для своихъ дѣяній; они повели къ развращенію нравовъ, всеобщей подозрительности и общественной розни, подававшимъ крѣпость внутреннимъ и вѣшнимъ врагамъ; глава и сердце всего царствія—Москва была занята поляками; они владѣли ею до тѣхъ поръ, пока Нижегородское ополченіе не освободило столицу, и представитель новой династіи Романовыхъ не водворился на престолѣ²⁾. Такимъ образомъ, при изложеніи событій Смутаго времени, дьякъ Иванъ Тимофеевъ уже постепенно переходилъ отъ про-

¹⁾ Кн. А. Курбскій. Исторія о великомъ князѣ Московскомъ, изд. Археограф. Ком., С.-Пб. 1913 г., т. 2, 187—194 и др.

²⁾ Р. И. Б. т. XIII, изд. 2, ст. 261—472. По предположенію С. Ѳ. Платонова, дьякъ И. Тимофеевъ писалъ свой Временникъ между 1616—1619 г. г., см. С. Платоновъ, *Ор. сіт.*, сс. 163—166. Ср. еще П. Васенко, Дьякъ Иванъ Тимофеевъ, авторъ „Временника“, въ Ж. М. Н. Пр. 1908 г., мартъ, отд. II, сс. 88—121. А. Яковлевъ, „Безумное молчаніе“, въ Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому, М. 1909 г., сс. 659—663 и др.

виденциалистической точки зрѣнія на ихъ смыслъ къ прагматическому изложенію существовавшей между ними связи; самъ онъ, однако, съ трудомъ справляясь съ исполненіемъ такой задачи, что отчасти отразилось и въ вѣдѣннѣ тяжеломъ вычурномъ языкѣ, вѣроятно, послужившемъ однимъ изъ существенныхъ препятствій къ широкому распространенію его сочиненія.

Въ историческихъ очеркахъ и характеристикахъ поддѣлного рода, какъ видно, уже обнаруживались зачатки болѣе развитого пониманія нашего прошлаго; научная его разработка, однако, все еще отсутствовала; она стала слегка проявляться лишь въ переходную эпоху преобразованій.

II.

Исключительное господство религіозной догмы какъ наукой, приводившее къ схоластицѣ, стало постепенно надать въ новое время; такой процессъ наступилъ въ Россіи гораздо позднѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы: подъ вліаніемъ гуманизма и некоторые изъ русскихъ любителей просвѣщенія, напримѣръ, Петръ Могила и другіе, стали уже придавать нѣсколько болѣе самостоятельное значеніе науцѣ; въ связи съ тѣмъ же теченіемъ Евфимій Славенецкій, при исправленіи богослужебныхъ книгъ, прибѣгалъ къ ное-казимъ приемамъ критики текста. Слабые признаки новаго умственнаго движенія обнаруживались, конечно, въ Киевской Руси раньше, чѣмъ въ Московской, что легко замѣтить и въ области историческихъ работъ. Бывшій учитель Киевской академіи—Феодосій Сафоновичъ мотивировалъ, напримѣръ, составленіе своей „хроники“, собранной изъ „стародавнихъ лѣтописцевъ“ и законченной въ 1672 году, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что хотѣлъ содѣйствовать распространенію знанія о прошломъ своей отчизны, тамъ какъ людей, не знающихъ своего происхожденія [„роду“], „за глупыхъ почитаютъ“. Аналогичный взглядъ былъ развитъ въ предисловіи къ „Исторической книгѣ“, составленной по повелѣнію царя Феодора Алексѣевича; авторъ предисловія, вѣроятно, написаннаго на основаніи какого-нибудь западнаго образца, ссылается на мнѣнія Фукидида и Полибия, Тацита и Цидерона объ исторіи; на известныя правила Діонисія Галикарнасскаго и т. п.; онъ противопоставляетъ историографію лѣтописанію, которое представляется ему

„несовершеннымъ описаніемъ“, сдѣланнымъ „не по обычаю историческому“; самъ онъ, напротивъ, признаетъ необходимымъ слѣдовать такому „обычаю“ и пытается выяснитъ понятіе объ исторіи и важнѣйшія задачи и приемы историческаго изслѣдованія: исторія даетъ знаніе прошедшаго, на основаніи котораго можно предвидѣть будущее, и такимъ образомъ является „учительницей житія“; въ виду указанной цѣли историкъ устанавливаетъ истину, а не довольствуется „баснословіемъ“ и основываетъ свое повѣствованіе на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, а не довѣряетъ слухамъ; онъ также „советелится добру“ и „сонечалуется“ злу, „бережно“ хвалитъ добродѣтели и осуждаетъ злодѣянія; историкъ примѣняетъ вышеизложенныя формальныя требованія къ разнородному матеріалу: онъ описываетъ земли и страны, въ которыхъ народы жили и дѣйствовали, рассказываетъ о ихъ происхожденіи, а также о ихъ „обычаяхъ и дѣлахъ“ и вспоминаетъ, когда именно они случились; при ихъ изложеніи историкъ соблюдаетъ, кромѣ того, извѣстныя правила историческаго искусства, также нужныя для того, чтобы произведеніе его получило исторіографическое значеніе. Впрочемъ, общія положенія, появившія въ введеніи къ „Исторической книгѣ“, были, разумѣется, еще очень далеки отъ дѣйствительности: компиляторы того времени почерпали свою ученость большею частью изъ польской литературы, снова подпавшей подъ гнетъ схоластики; направленіе подобнаго рода, тѣсно связанное съ риторикой, вносило ложныя приемы историческаго повѣствованія, сморще мѣшавшіе, чѣмъ способствовавшіе развитію научныхъ методовъ историческаго построенія. Хронографы послѣдней редакціи и нѣкоторые изъ позднѣйшихъ русскихъ лѣтописей, напимѣръ, Густынская, уже прибѣгали къ заимствованіямъ изъ польскихъ хроникъ Длугоша, Бѣльскаго, Стрыйковскаго и Кромера; такая склонность, особенно замѣтная въ историческихъ произведеніяхъ южно-русской письменности, не чужда и сѣверно-русской: въ вышеуказанномъ предисловіи къ исторіи происхожденія Московскаго народа сообщается, что она должна была быть составлена не только на основаніи славянскихъ и русскихъ лѣтописцевъ, но и еллинскихъ и латинскихъ, и цольскихъ¹⁾.

Вмѣстѣ съ болѣе научнымъ пониманіемъ задачъ историческаго дѣписанія прѣжнее національное чувство, побуждавшее къ изу-

¹⁾ Е. Замысловскій, Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, С-Пб. 1871 г., прилож., сс. XXXV—XLII.

представляло опыт гораздо болѣе полного изложенія общаго хода Русской исторіи ¹⁾.

Въ эпоху преобразованій, когда Манькевичъ приступилъ къ составленію своего труда, условія историческаго дѣянія уже нѣсколько измѣнились, и предъявляемые ему требованія замѣтно повысились. Самъ Манькевичъ едва ли успѣлъ, однако, освоиться съ ними: его „Ядро“ по своимъ приемамъ все еще довольно близко стоитъ къ Синописю. Современники причисляли Манькевича къ

О спискахъ съ Синописа перваго и послѣдующихъ изданій, см., напримѣръ, Описание рукописей *Ф. Толстова*, составленное *К. Калайдовичемъ* и *П. Строевымъ*, Отд. II, №№ 79, 140, 158, 189, 257. Отч. Рум. Муз. 1914 г., М. 1916 г., с. 55; Описание Киевскихъ рукописныхъ собраній *Н. Петрова*, в. II, с. 114, № 359; с. 115, № 363; с. 158, № 478; с. 251, № 546; в. III, с. 104, № 311. Отчетъ В. И. Срезневскаго, С.-Пб. 1914 г., сс. 207—208 и др. Списки также дѣлались до середины XIX вѣка иногда съ отдѣльныхъ частей Синописа; рукопись библиотеки Москов. Общ. Ист. и Древн. XVIII в. содержитъ, напримѣръ, выписки изъ Синописа, которыя начинаются лишь со „второго бусурманскаго прихода подъ Чигиринъ“; см. Описание *Е. Соколова*, въ Чт. М. О. И. п. Др. 1906 г., кн. I, с. 193, № 392. Списки дѣлались въ разныхъ мѣстахъ: одинъ изъ нихъ „списанъ въ Козельскѣ“ въ 1733 году (*Н. Петровъ*, Описание, в. II, с. 114, № 359), другой, „четвертой четверти XVIII вѣка“, былъ приобретенъ въ Устюгѣ Великому и т. п. (*В. Срезневскій*, Свѣдѣнія о рукописяхъ, печати, изд. и друг. предмет., поступ. въ Русск. Отдѣл. Библ. И. А. Н. въ 1902 г., С.-Пб. 1905 г., сс. 127—128; ср. сс. 99, 182; Свѣдѣнія... за 1904 г., С.-Пб. 1907 г., сс. 168—169, 171). Число изданій Синописа опредѣляется слѣдующимъ образомъ: Киевскихъ XVII вѣка (1674, 1678 и 1680 гг.)—3 и XIX вѣка (1823, 1836 и 1861 гг.)—3; Петербургскихъ (1714, 1718, 1736 и слѣдующихъ годовъ), судя по предувѣдомленію къ изданію 1836 г., гдѣ сказано, что Академія, послѣ изданія 1736 года, повторала его 18 разъ, —21; кромѣ того, упоминаются: изданіе Виленскаго братства (*С. Голубевъ*, Киевск. митроп. Петръ Могіла и его сподвижн., К. 1883. т. I, гл. VI), и переводъ И. Коневича на латинскій языкъ; всего: $6 + 21 + 1 + 1 = 29$. Синописъ оказалъ влияние и на Хиландарскаго проигумена Паисія, составителя исторіи болгаръ, появившейся въ 1762 году, о чемъ см. *В. Иконниковъ*, Опытъ, т. II, кн. I, с. 104.

¹⁾ (*А. Манькевичъ*), Ядро Россійской исторіи, М. 1770 г., изданное Г. Ф. Миллеромъ съ его предисловіемъ. Издатель приписалъ его составленіе князю Андрею Яковлевичу Хилкову (сс. 1—5 нenum.) и даже посвященіе Петру Великому, встречающееся въ нѣкоторыхъ спискахъ, называлъ „его приношеніемъ“; между тѣмъ уже митрополитъ Евгений (Болховитиновъ) обратилъ вниманіе на то, что посвященіе, приложенное къ „давнимъ спискамъ“ „Ядра“, подписано буквами А. М., и замѣтилъ: „посему нѣкоторые полагаютъ, что книга сія сочинена не самимъ Хилковымъ, а секретаремъ его или переводчикомъ“ (*Митр. Евгений*, Словарь русск. свѣтск. писат., т. II, сс. 238—239); вслѣдъ затѣмъ П. Строевъ и К. Калайдовичъ, при описаніи рукописей графа *Ф. Толстова*, обнаружили, что имя сочинителя „Ядра“, дѣйствительно, было А. Манькевъ; А. Востоковъ пришелъ къ такому же выводу при ош

польской націи“¹⁾; во всякомъ случаѣ онъ былъ, видимо, знакомъ съ польской исторической литературой, оказавшей влияние и на Сякопса; подобно его составителю, онъ широко воспользовался хроникой Стрыйковского, что и придало „Ядру“, въ баснословной его части, довольно значительное сходство съ *Синонсимомъ*: онъ также признавалъ „Мосоха Яфетовича“ родоначальникомъ славянскихъ народовъ, въ томъ числѣ „русскихъ и московскихъ“, также производилъ ихъ прозвище „отъ той великой славы“, которую „сіи Мосоховы“ наслѣдницы воинскою храбростью и мужествомъ заслужили; также доверчиво разсказывалъ о грамотѣ Александра Великаго, данной

санин рукописи Румянцевскаго музея № ССLXX; см. *П. Строевъ* и *К. Калайдовичъ*. Описание рукописей графа Ѳ. Толстова, т. 27, и *А. Востоковъ*, Описание русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума, М. 1842. с. 391. Ни одинъ изъ нихъ не сослался, однако, на документъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ личности сочинителя „Ядра“, а именно на прошеніе Алексѣя Манкіева о прибавкѣ ему жалованія за полное терпѣніе, за усердную службу и за сочиненіе книжицы „Ядро Россійской исторіи“, 1723 г. мая 8, хранимое въ Приказныхъ Дѣлахъ новыхъ лѣтъ Московскаго Главн. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и напечатанное *кн. М. Оболенскимъ* въ статьѣ: Свѣдѣнія объ авторѣ „Ядра Россійской исторіи“, въ Библ. Зап. 1858 г., сс. 38—39, а затѣмъ и *И. Токмаковымъ* въ „Матеріалахъ для исторіи русской и иностранной бібліографіи“, въ журн. „Бібліографъ“, 1886 г., июнь—июль, сс. 91—92. Научную оцѣнку труда А. Манкіева см. въ статьѣ *С. Соловьева*, Писатели русской исторіи, въ Арх. истор.-юр. свѣд. Н. Казачева, кн. II, полов. 2, отд. III, сс. 3—15.

¹⁾ Бібліогр. Зап. 1858 г., ст. 38. Въ письмѣ къ А. Манкевичу отъ 16/27 февраля 1717 года князь Куракинъ замѣчаетъ: „понеже вы націи Польской“; и пакетъ съ нисѣмомъ адресовалъ „à monsieur. monsieur Mankeevitz gentil-homme Polonais“; въ бібліотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, подъ № 163, хранится одна изъ книгъ, принадлежавшихъ А. Манкевичу, съ надписью: „ex libris Alexij Mankeevitz“. Въ виду вышеприведенныхъ показаній *кн. М. Оболенскій* полагалъ, что форма написанія нашего писателя была: „Makewicz“,—предположеніе, вызвавшее поправку А. Красовскаго, который призналъ болѣе соответствующимъ духу польскаго языка написаніе: „Makiewicz“ и склонялся къ выводу, что наиболѣе правильнымъ было бы писать „Mankiewicz“; см. *кн. М. Оболенскій*, Op. cit., ст. 35—36; *А. Красовскій*, Дополнительная замѣтка, тамъ же, ст. 603—604. Впрочемъ, въ томъ же письмѣ *кн. Куракинъ* вспоминаетъ, что онъ, уже до Шведской войны и во всякомъ случаѣ до 1704 г., былъ въ „домѣ вашемъ“ въ Ярославлѣ. Судя по приказной справкѣ отъ 22 февраля 1720 года и вышеуказанному прошенію самого А. Манкевича отъ 8 мая 1723 года, онъ звалъ, кромѣ русскаго, языки: польскій, латинскій и шведскій. Въ числѣ книгъ, оставшихся послѣ А. Манкевича, значится, между прочимъ, „книжка маленькая Эпиктета Энхиридіонъ, писанная по латыни и словенски, его, умершаго, руки переводъ“. А. Манкевичъ скончался 6 мая 1723 года; см. *кн. М. Оболенскій*. Op. cit., ст. 3, 35—37.

славянъ, и кончается княженіемъ Михаила Всеволодовича; о другихъ земляхъ авторъ говоритъ, лишь посколькѣ онѣ имѣли отношеніе къ основному предмету его повѣствованія; сообщая краткія свѣдѣнія о Галицкомъ княжествѣ, онъ заявляетъ, напримѣръ, что предлагаетъ ихъ „того ради, яко и Кіевское самодержавствіе перенесено бысть къ нему и отгуду не тако знаменитъ князіе кіевстїи бяху“. Слѣдующій періодъ, продолжавшійся „отъ нашествія злочестиваго Батыя“ до сверженія татарскаго ига, кажется автору гораздо менѣ заслуживающимъ вниманія: упомянувъ о разореніи „православнаго царственнаго града Кіева“ и о томъ, что всѣ князья россійскіе полтора ста лѣтъ пребывали „подъ поганскія власти игомъ“, онъ посвящаетъ ихъ характеристикѣ лишь нѣсколько строкъ и спѣшитъ перейти къ болѣ славнымъ временамъ, наступившимъ благодаря побѣдѣ Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ на Куликовѣ полѣ; авторъ подробно излагаетъ ея исторію по сказанію о Задонщинѣ (въ третьей его редакціи), причемъ отмѣчаетъ ея значеніе и для Кіевской земли, продолжавшей до того времени оставаться подъ „лютымъ“ игомъ татарскимъ. Вслѣдъ затѣмъ, составитель Синописа переходитъ къ обзорнѣю историческихъ судебъ Кіева въ періодъ литовскаго и польскаго владычества: взятый литовскимъ княземъ Гедиминомъ „царственный градъ Кіевъ“ продолжалъ оставаться подъ властью его преемниковъ до временъ короля Казимира Ягелловича, который „градъ Кіевъ и княженіе его въ воеводство премѣни“: „и отъ того времени преславное самодержавствіе Кіевское, Богу тако грѣхъ ради челоувѣческихъ попустившу, въ уничтоженіи толико приде, яко отъ царствія въ княженіе, а отъ княженія въ воеводство премѣнихся“. Возвращеніе царственнаго града Кіева „отъ древняго достоянія царскаго паки въ достояніе царское“ совершилось „изрядною милостію Божьею“ благодаря Московскому государю: подобно Дмитрію Донскому, освободившему Кіевскую землю отъ татаръ, царь Алексѣй Михайловичъ возвратилъ городъ Кіевъ въ „скипетроносныя (свои) царскія руки“ и такимъ образомъ ознаменовалъ новѣйшій періодъ его исторіи и грядущаго его благополучія; опасность, грозившая ему со стороны „ненавистника рода христіанскаго, турскаго султана“, приказавшаго „Чигирина добывать“, была также устранена благодаря подоспѣвшей отъ царя Федора Алексѣевича защитѣ со стороны московскаго войска.

Хотя составитель Синописа, какъ видно, сосредоточился на исторіи Кіевскаго княжества, однако, онъ пытался связать ее съ исторіей Москвы и разсматривалъ такую связь, въ сущности, съ точки зрѣнія

московской политической теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ постоянно настаиваетъ на преемствѣ между Кіевомъ и Москвою: „прародительское имя Мосоха“, отъ котораго, согласно его теоріи, происходили и древнѣйшіе „князья русскіе“—Кій, Щекъ и Хоривъ, утвердившіеся на берегахъ Днѣпра, „обновилось“ въ Москвѣ, гдѣ оно „востекло на высочайшій степенъ самодержавнаго царствія“; по призваніи Рюрика съ братьями, „отъ князей варяжскихъ, отъ Игоря Рюриковича прочіе князие даже до великихъ князей Московскихъ родство свое изведоша“; Владиміръ Святославовичъ, будто-бы основавшій Владиміръ на Клязьмѣ, перенесъ въ него изъ Кіева столицу или престолъ свой царскій; здѣсь она оставалась до Іоанна Даниловича, который перемѣстилъ ее изъ Владиміра въ Москву; аналогичное перемѣщеніе произошло и съ митрополичьей кафедрой: митрополитъ Максимъ Грекъ перенесъ ее, „ради татарскія обиды и непокоя“, изъ Кіева будто-бы прямо въ Москву, гдѣ и продолжали жить митрополиты кіевскіе. Такое же преемство между Кіевомъ и Москвою обнаруживается и во властвованіи. Князья Кіевскіе уже обладали полною „самодержавной“ власти, которую они получали обыкновенно по наслѣдству, а не по избранію; великая княгиня Ольга благоразумно правила всѣми Русскіими княжествами, „аки крѣпчайшій монархъ или самодержецъ“; Святославъ Игоревичъ, по смерти ея, сталъ (до раздѣла между сыновьями) „всея Россіи самодержцемъ“; Владиміръ Святославовичъ „нача писатися царемъ и великимъ княземъ и самодержцемъ Русскіимъ“ и т. д.; и хотя со временъ Святослава Игоревича „самодержавіе“ подвергалось иногда „раздѣленію“ и посягательствамъ со стороны князей, „разжигаемыхъ похотью господствованія“, однако, оно также возстановлялось, напимѣръ, при Владимірѣ Всеволодовичѣ, который междоусобіе всякое между русскіими князьями усмирилъ и въ самодержавіе привелъ. Князья Кіевскіе уже закрѣпили за собою такое званіе, опираясь на преданіе о „регалияхъ“, полученныхъ Владиміромъ Мономахомъ изъ Византіи, и преемственно передали его князьямъ Московскимъ: Владиміръ Мономахъ, которому византійскій императоръ Іоаннъ Комнинъ послалъ царскій вѣнецъ Константина Мономаха и другія регаліи, сталъ такимъ образомъ „благовѣнчаннымъ царемъ Русскія земли“ и „отселъ царемъ русскіимъ нарицатися и по немъ наслѣдники его, отъ нихъ же все то достояніе царское милостію Божіею и донныѣ при великихъ государехъ царехъ и великихъ князехъ Московскихъ и всея Россіи самодержцахъ достойно и праведно содержится“. Въ соотвѣтствіи съ окончательнымъ утвержденіемъ свѣтской власти въ „великорусскіимъ“

государствѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ“, установилась и власть духовная: православная церковь, преобразованная апостоломъ Андреемъ, водрузившимъ крестъ на горахъ Киевскихъ, получила дальнѣйшее свое утвержденіе въ Москвѣ съ установленіемъ патріаршескаго престола, и святѣйшій патріархъ Московскій сталъ „вмѣсто ветхо-римскаго пятымъ патріархомъ“.

Съ той официальной политической точки зрѣнія, какой придерживался составитель Синописа, онъ, очевидно, долженъ былъ признать Московское „самодержавство“ и притязанія Московскихъ государей на Украину: рассказывая о присоединеніи царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Малороссіи, онъ представляетъ его себѣ въ видѣ возвращенія въ его „скипетроносныя руки искони вѣчной прародительской его отчины“, которая такимъ образомъ оказалась, наряду съ другими царствами и землями, подъ „благополучною властью Московскаго государства“; онъ заканчиваетъ свое повѣствованіе превознесеніемъ его же господства и пожеланіемъ, чтобы „его царскаго пресвѣтлаго величества высокая держава царствія возвышалась, расширилась и утверждалась“ и чтобы „онъ великій государь нашъ, его царское пресвѣтлое величество, толикаго ради промышленія и попеченія своего, подъяемаго о цѣлости богоспасаемаго царственнаго своего града Кіева“ съ его святынями „всегда съ побѣдоноснымъ надъ всякими враги и супостаты одолѣніемъ“ въ мирѣ, въ тишинѣ во всякомъ благополучіи пребывалъ вмѣстѣ съ „преизящными своими царскими родами“, богомольцами, слугами и простыми людьми.

Прежнее безыскусственное повѣствованіе, свойственное древней лѣтописи, превратилось, какъ видно, въ Синописѣ въ довольно тенденціозное построеніе, не лишнее, однако, нѣкоторой цѣльности: составитель его выдвинулъ въ немъ исторію Киевскаго княжества и изложилъ ее безъ излишнихъ отступленій и подробностей, что придало его связному рассказу рельефную наглядность и движеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣтилъ главнѣйшіе періоды въ его ходѣ, не переобременяя своего текста хронологическими датами. Широкому распространенію его труда содѣйствовало также и то, что онъ писалъ довольно живо на общерусскомъ языкѣ, да и тенденція его, очевидно, пришлась по вкусу московскимъ официознымъ сферамъ: Синописѣ, попавшій въ царскую бібліотеку, сталъ также однимъ изъ наиболѣе популярныхъ учебниковъ русской исторіи; онъ выдержалъ до 29 изданій, продолжавшихъ появляться, не говоря о

множествѣ списковъ, вплоть до великихъ реформъ прошлаго вѣка¹⁾).

¹⁾ Синописисъ или краткое Собрание отъ разныхъ лѣтописцевъ о началѣ Славяно-Россійскаго народа и первоначальныхъ князехъ Богоспасаемаго града Кіева... въ святой Лаврѣ Кіево-Печерской... по благословенію пречестнаго о Христѣ господина отца Иннокентія Гизеля... изображенное типомъ въ лѣто... 1680. 1-ое изданіе относится къ 1674 г., сно было дополнено въ изданіяхъ 1678 и 1680 гг. Митр. Евгенийъ полагалъ, что „книга сія не есть собственное сочиненіе Гизелева, а сокращеніе или къ-мъ-либо другимъ при немъ и индѣ дополнено изъ Хроникъ Θεοδοσία Сабоновича“; см. *митр. Евгенийъ*, Слов. писат. дух. чина, С.-Пб. 1827 г., т. I, с. 199; тѣмъ не менѣ позднѣйшій составитель его біографіи, проф. Н. Θ. Сумцовъ, безъ всякихъ оговорокъ продолжаетъ называть Синописисъ — произведеніемъ И. Гизеля, въ которомъ онъ „обнаружилъ наклонность къ дѣятельности историографа“; см. *Н. Сумцовъ*, Иннокентій Гизель, въ *Кіевск. Стар.* 1884 г., октябрь, сс. 183, 185, 219—223. Едва ли, однако, можно признать И. Гизеля авторомъ Синописиса: онъ былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ людей своего времени, авторомъ объемистаго трактата по философіи — *Opus totius philosophiae*; о немъ см. *Н. Петровъ*, Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в., сс. 22, 84—85 и др., и, вѣроятно, въ случаѣ составленія Синописиса, счелъ бы нужнымъ подвергнуть его болѣе научно-образной переработкѣ и придать ему болѣе литературную форму; И. Гизель, правда, интересовался историческими свѣдѣніями объ Украинѣ, на прошлое которой высказалъ свой взглядъ въ известномъ своемъ письмѣ къ гетману Петру Дорошенко (*А. Ю. и З. Р.*, т. VI, № 68), и, разумѣется, знакомъ былъ съ исторіей Кіево-Печерской лавры, о чемъ свидѣльствуетъ, между прочимъ, изданный подъ его наблюденіемъ Патерикъ-Печерскій, выдержавшій при его жизни два изданія (1661 г. и 1678 г.), а также его сношенія съ Бериніемъ, которому онъ, по словамъ Лейбница, переслалъ „le catalogue des rocs, dont les corps non corrompus paraissent dans la grotte de Kiow“ (см. Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, изд. подъ ред. *В. Герье*, С.-Пб. 1873 г., с. 141). Самъ И. Гизель настаивалъ, однако, передъ Московскимъ правительствомъ на сохраненіи „вольностей“ малороссійскаго народа и малороссійской церкви, въ томъ числѣ и о „послушаніи его верховнѣйшему папѣ стуріу константинопольскому“, пользовался уваженіемъ гетмана Богдана Хмельницкаго и генеральнаго писаря Выговскаго, а также популярностью среди малороссійскаго духовенства, избравшаго его митрополитомъ и представившаго его на утвержденіе въ его санѣ константинопольскому патриарху Парфенію; вмѣстѣ съ другими дѣятелями Гизель ходатайствовалъ передъ царемъ о томъ, чтобы Кіевъ не былъ возвращенъ Польшѣ, по Андрусовскому договору, и чтобы великорусскіе ратные люди не опустошали малорусскихъ селъ и монастырей; также о томъ, чтобы на съѣздахъ и въ договорахъ москвичей съ поляками Украина „не была забыта“ и т. п. *С. Соловьевъ*, Ист. Россіи, т. XII, с. 141; *Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Малорос. Дѣла*, св. 50. И, наоборотъ, Гизель выступалъ противъ явныхъ сторонниковъ Москвы, былъ во враждебныхъ отношеніяхъ, напримѣръ, съ Брюховецкимъ и Мефодіемъ Филимоновичемъ, рѣшительно протестовалъ противъ просьбы гетмана Брюховецкаго о назначеніи въ Кіевъ митрополитомъ великоросса, заявивъ московскому послу Юанѣ Леонтьевичу, что въ такомъ случаѣ онъ вмѣстѣ съ старцами заперется въ своемъ монастырѣ (*А. Ю. и З. Р.*, т. VI, № 147) и т. п.; известно также

По объективности и широтѣ своего содержания Синописисъ стоять, однако, гораздо ниже другого произведенія русской исторической

что Кіевскій воевода кн. П. Прозоровскій подозрительно относился къ архимандриту и перехватывалъ его корреспонденцію (см. *К. Харламповичъ*, Малороссійское вліяніе на Великорусскую церковную жизнь, Каз. 1914 г., т. I, сс. 167—168, 173—174, 186, 213, 218, 342, 441—444). Вышеприведенные соображенія и факты едва ли свидѣтельствуютъ въ пользу признанія И. Гизеля настоящимъ авторомъ Синописиса, съ его явно выраженными московскими политическими тенденціями. Впрочемъ, съ своей православно-національной точки зрѣнія И. Гизель, въ сущности, довольно близко подходитъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Въ своемъ письмѣ къ герману Петру Дорошенкѣ, отъ 15 сентября 1667 года, И. Гизель указывалъ, напримѣръ, на то значеніе, какое единство Россовъ имѣло для „народовъ Россійскихъ украинскихъ“ въ прежнія времена, когда они „въ славѣ доброй, въ вѣрѣ православно-славной, въ крѣпости и во всякомъ изобиліи пребывали и всему свѣту страшны бывали“: „признать долженъ всякъ, писалъ онъ, что дѣлалось то Божіемъ помощію за державою православныхъ христіанскихъ монарховъ, великихъ князей Россійскихъ, егда имъ народъ Русскій вѣрно работалъ, а между собою никакихъ раздоровъ не имѣлъ, яко-же въ тѣ послѣднія (т. е. нынѣшнія) времена къ великому разоренію и урону Украина пришла“... И, наоборотъ, наступившую слабость Украины И. Гизель объяснялъ тѣмъ, „что тотъ нашъ народъ украинскій, зачениши между собою брань и несоудъ, сами своего добраго и мочнаго заступника, единовѣрнаго монарха, его царское пресвѣтлое величество, его-же прежде самъ на защищеніе искалъ и молилъ, и послѣ отступилъ безо всякихъ винъ и басурманомъ на христіанъ помогаешь“ (А. Ю. и З. Р., т. VI, № 68). Выступая на защиту православно-національныхъ интересовъ Малороссіи, И. Гизель готовъ былъ оказать нѣкоторыя услуги Москвѣ, поскольку онъ могъ способствовать ими защитѣ Украины отъ полковъ и басурманъ, грозившихъ ея церковной и національной независимости. Въ концѣ 1660-хъ годовъ, въ виду предстоявшаго возвращенія Кіева полкамъ, И. Гизель выразилъ желаніе умереть въ православной вѣрѣ, подъ православнаго царя защищеніемъ, полагалъ, что было-бы полезнымъ, если бы, съ разрѣшенія московскаго правительства, Іосифъ Тукальскій занялъ Кіевскую митрополичью кафедру для обезпеченія правъ православнаго населенія Польскаго государства и для возвращенія подъ власть царя западной Малороссіи; вмѣстѣ съ тѣмъ Гизель съ той же православно-національной точки зрѣнія предпочиталъ нѣкоторое подчиненіе Малороссіи Москвѣ басурманскому владычеству: онъ убѣждалъ, напримѣръ, Дорошенка не отдавать себя въ подданство басурманамъ „на большую свою и всего христіанства, также вѣры православно-славной церкви и хвалы Божіей и святыхъ мѣсть скорую потерю и не предаваться тѣмъ, которые истребленіе христіанъ по закону своему во спасеніе себѣ вмѣняютъ“, причѣмъ уговаривалъ его „покориться православному монарху московскому“ (ср. А. Ю. и З. Р., т. VI, № 68. *С. Соловьевъ*, Ист. Россіи, т. XII, с. 150). Вообще „воземля молитвы свои къ всевышнему Богу о томъ, чтобы тотъ народъ нашъ православному единовѣрному монарху, его царскому величеству, соединился“, Гизель готовъ былъ даже содѣйствовать Московскому правительству, во крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если онъ могъ обезпечить хотя бы косвенно тѣ именно православно-національные малороссійскіе интересы, на стражѣ которыхъ онъ стоялъ: въ

литературы, извѣстнаго подъ наименованіемъ „Ядра Россійской исторіи“: оно было составлено Манькевичемъ (болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Манкіева), дѣтъ сорокъ послѣ изданія Синописиса, и

1669 году, напримѣръ, онъ по просьбѣ царя выслалъ въ Москву пасквиль, составленный въ Польшѣ на Московское государство (А. Ю. и З. Р., т. IX, № 39). Главное свое сочиненіе — „Миръ Бога съ человѣкомъ“ Гизель украсилъ въ честь царя московскимъ гербомъ въ видѣ двуглаваго орла, съ изображеніемъ подъ нимъ царя и его войска, передъ которымъ бѣгутъ поляки и татары, а также преподнесъ его Алексѣю Михайловичу, снабдивъ его панегирическимъ посвященіемъ государю и т. п.; Московское правительство съ своей стороны признало, что И. Гизель оказываетъ царю многія радѣнія (см. *К. Харламовичъ*; Ор. cit., сс. 177, 207, 218, 287, 451). По поводу заключенія Гадяцкаго договора Кіевскій воевода писалъ царю: „Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель тебѣ, великому государю, служить вѣрно и гетману и полковникамъ говорить, не боясь отъ нихъ ничего“ (см. вообще *Н. Сумцовъ*, Ор. cit., ib., сс. 187—198). Съ такой точки зрѣнія И. Гизель могъ дать свое „благословеніе“ сочиненію Синописиса, но едва ли былъ его авторомъ. Вопросъ объ авторѣ Синописиса до сихъ поръ остается открытымъ. Проф. Шлякинъ обратилъ вниманіе на акростихъ типографовъ въ печатномъ изданіи Синописиса 1680 года и высказалъ предположеніе, не скрыто ли въ немъ имя автора: „Иванъ Армашенковъ“; см. *И. Шлякинъ*, Св. Дмитрій Ростовскій, С.-Пб. 1891 г., с. 204. Акростихъ, дѣйствительно, дасть: „Юанъ Армашенк(о)“, читая въ послѣднемъ стихѣ, начинающемся словомъ „когда“, двѣ первыя буквы. Иванъ Армашенковъ, вмѣстѣ съ Варлаамомъ Ясинскимъ и Писіемъ Печерскимъ, въ качествѣ писаря былъ посланъ Кіево-Печерской Лаврой въ Москву въ 1680 году; въ томъ же году онъ участвовалъ въ другомъ посольствѣ въ Москву отъ той же Лавры, вмѣстѣ съ проповѣдникомъ Іоанномъ Максимовичемъ и чернымъ діакономъ Никономъ (см. *митр. Евгеній*, Опис. Кіевск. Лавры, прил., с. 44; *М. Максимовичъ*, Собр. сочин., т. III, К. 1880, с. 715. *К. Харламовичъ*, Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь, Каз. 1914, т. I, сс. 301, 355). Иванъ Армашенковъ былъ нѣсколько прикосновененъ въ литературѣ: онъ перевелъ съ латинскаго житіе блаженнаго Макарія Римлянина въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ, послѣ 1657 г.; см. *Н. Петровъ*, О вліяніи западн. литер., с. 49. Самъ И. Гизель, вѣроятно, содѣйствовалъ распространенію Синописиса: вообще заинтересованный въ продажѣ южно-русскихъ изданій въ Москвѣ, для чего онъ завелъ тамъ книжную лавку, ученый архимандритъ позаботился и объ отправленіи туда нѣсколькихъ экземпляровъ Синописиса: въ 1680 году, напримѣръ, присланы были изъ Печерской Лавры Общія Минеи и Лѣтописецъ Россійскій (т.-е. Синописисъ?) по 13 экземпляровъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти И. Гизела († 8 ноября 1683 г.), а именно въ іюль 1684 года, изъ Лавры были препровождены царямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу, а также царевнѣ Софіи, Патерики Печерскіе, Синописисы и другія книги (*А. Харламовичъ*, Ор. cit., сс. 441—444, 451, 452; ср. Чт. М. О. И. и Др. 1895 г., кн. II, протоколы, сс. 18—19). Въ позднѣйшей описи книгъ Мастерской и Оружейной Палаты, составленной, по Высочайшему повелѣнію, объявленному кн. А. Вяземскимъ отъ 24 апрѣля 1767 г., значится, между прочимъ, „Синописисъ 1670 (sic) году ветхій, въ кожѣ“; см. *А. Успенскій*, Матеріалы для исторіи царской бібліотеки въ Россіи въ XVII и XVIII вв., с. 90.

представляло опыт гораздо болѣе полнаго изложенія общаго хода Русской исторіи ¹⁾).

Въ эпоху преобразованій, когда Манькевичъ приступилъ къ составленію своего труда, условія историческаго дѣянія уже нѣсколько измѣнились, и предъявляемыя ему требованія замѣтно повысились. Самъ Манькевичъ едва ли успѣлъ, однако, освоиться съ ними: его „Ядро“ по своимъ приемамъ все еще довольно близко стоитъ къ Синопису. Современники причисляли Манькевича къ

Опискамъ съ Синописа перваго и послѣдующихъ изданій, см., напримѣръ, Описание рукописей *Ф. Толстова*, составленное *К. Калайдовичемъ* и *П. Строевымъ*. Отд. II, №№ 79, 140, 158, 189, 257. Отч. Рум. Муз. 1914 г., М. 1916 г., с. 55; Описание Киевскихъ рукописныхъ собраний *Н. Петрова*, в. II, с. 114, № 359; с. 115, № 363; с. 158, № 478; с. 251, № 546; в. III, с. 104, № 311. Отчетъ В. И. Срезневскаго, С.-Пб. 1914 г., сс. 207—208 и др. Списки также дѣлались до середины XIX вѣка иногда съ отдѣльныхъ частей Синописа: рукопись библиотеки Москов. Общ. Исг. и Др. XVIII в. содержитъ, напримѣръ, выписки изъ Синописа, которыя начинаются лишь со „второго бусурманскаго прихода подъ Чигринъ“; см. Описание *Е. Соколова*, въ Чт. М. О. И. и Др. 1906 г., кн. I, с. 193, № 892. Списки дѣлались въ разныхъ мѣстахъ: одинъ изъ нихъ „списанъ въ Козельскѣ“ въ 1733 году (*Н. Петровъ*, Описание, в. II, с. 114, № 359), другой „четвертой четверти XVIII вѣка“, былъ приобретенъ въ Устюгѣ Великому и т. п. (*В. Срезневскій*, Свѣдѣнія о рукописяхъ, печати, изд. и друг. предмет., поступ. въ Русск. Отдѣл. Библ. И. А. Н. въ 1902 г., С.-Пб. 1905 г., сс. 127—128; ср. сс. 99, 182; Свѣдѣнія... за 1904 г., С.-Пб. 1907 г., сс. 168—169, 171). Число изданій Синописа опредѣляется слѣдующимъ образомъ: Киевскихъ XVII вѣка (1674, 1678 и 1680 гг.)—3 и XIX вѣка (1823, 1836 и 1861 гг.)—3; Петербургскихъ (1714, 1718, 1736 и слѣдующихъ годовъ), судя по предувѣдомленію къ изданію 1836 г., гдѣ сказано, что Академія, послѣ изданія 1736 года, повторала его 18 разъ, —21; кромѣ того, упоминаются: изданіе Виленскаго братства (*С. Голубевъ*, Киевск. митроп. Петръ Могіла и его сподвижн., К. 1883, т. I, гл. VI), и переводъ И. Коневича на латинскій языкъ; всего: $6 + 21 + 1 + 1 = 29$. Синописъ оказалъ вліяніе и на Хиландарскаго проигумена Павсія, составителя исторіи болгаръ, появившейся въ 1762 году, о чемъ см. *В. Иконниковъ*, Опытъ. т. II, кн. I, с. 104.

¹⁾ (*А. Манькевичъ*), Ядро Россійской исторіи, М. 1770 г., изданное Г. Ф. Миллеромъ съ его предисловіемъ. Издатель приписалъ его составленіе князю Андрею Яковлевичу Хилкову (сс. 1—5 нenum.) и даже посвященіе Петру Великому, встречающееся въ нѣкоторыхъ спискахъ, называлъ „его приношеніемъ“; между тѣмъ уже митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) обратилъ вниманіе на то, что посвященіе, приложенное къ „давнимъ спискамъ“ „Ядра“, подписано буквами А. М., и замѣтилъ: „посему нѣкоторые полагаютъ, что книга сія сочинена не самимъ Хилковымъ, а секретаремъ его или переводчикомъ“ (*Митр. Евгеній*, Словарь русск. свѣтск. писат., т. II, сс. 238—239); вслѣдъ затѣмъ П. Строевъ и К. Калайдовичъ, при описаніи рукописей графа *Ф. Толстова*, обнаружили, что имя сочинителя „Ядра“, действительно, было А. Манькевъ; А. Востоковъ пришелъ къ такому же выводу при опи-

„польской націи“¹⁾; во всякомъ случаѣ онъ былъ, видимо, знакомъ съ польской исторической литературой, оказавшей влияние и на Синописа; подобно его составителю, онъ широко воспользовался хроникой Стрыйковского, что и придадо „Ядру“, въ баснословной его части, довольно значительное сходство съ Синописомъ: онъ также признавалъ „Мосоха Яфетовича“ родоначальникомъ славянскихъ народовъ, въ томъ числѣ „русскихъ и московскихъ“, также производилъ ихъ прозвище „отъ той великой славы“, которую „сіи Мосоховы наслѣдницы воинскою храбростію и мужествомъ заслужили“; также доверчиво рассказывалъ о грамотѣ Александра Великаго, данной

саніи рукописи Румянцевскаго музея № ССЛХХ; см. *И. Строевъ и К. Калайдовичъ*, Описание рукописей графа *Θ. Толстова*, с. 27, и *А. Востоковъ*, Описание русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума, М. 1842, с. 391. На одинъ изъ нихъ не сослался, однако, на документъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ личности сочинителя „Ядра“, а именно на прошеніе Алексѣя Манкевича о прибавкѣ ему жалованія за полное терпѣніе, за усердную службу и за сочиненіе книжицы „Ядро Россійской исторіи“, 1723 г. мая 8, хранимое въ Приказныхъ Дѣлахъ новыхъ лѣтъ Московскаго Главн. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и напечатанное *кн. М. Оболенскимъ* въ статьѣ: Свѣдѣнія объ авторѣ „Ядра Россійской исторіи“, въ Библ. Зап. 1858 г., сс. 38—39, а затѣмъ и *И. Токмаковымъ* въ „Матеріалахъ для исторіи русской и иностранной библіографіи“, въ журн. „Библіографъ“, 1886 г., июнь—юль, сс. 91—92. Научную оптику труда А. Манкевича см. въ статьѣ *С. Соловьева*, Писатели русской исторіи, въ Арх. истор.-юр. свѣд. Н. Калачева, кн. II, полов. 2, отд. III, сс. 3—15.

¹⁾ Библіогр. Зап. 1858 г., ст. 38. Въ письмѣ къ А. Манкевичу отъ 16/27 февраля 1717 года князь Куракинъ замѣчаетъ: „понеже вы націи Польской“; и пакетъ съ письмомъ адресовалъ „à monsieur, monsieur Mankeevitz' gentil-homme Polonais“; въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, подъ № 163, хранится одна изъ книгъ, принадлежавшихъ А. Манкевичу, съ надписью: „ex libris Alexij Mankeevitz“. Въ виду вышеприведенныхъ показаній *кн. М. Оболенскій* полагалъ, что форма написанія нашего писателя была: „Makewicz“,—предположеніе, вызвавшее поправку А. Красовскаго, который призналъ болѣе соответствующимъ духу польскаго языка написаніе: „Makiewicz“ и склонялся къ выводу, что наиболее правильнымъ было бы писать „Mankiewicz“; см. *кн. М. Оболенскій*, Ор. cit., ст. 35—36; *А. Красовскій*, Дополнительная замѣтка, тамъ же, ст. 603—604. Впрочемъ, въ томъ же письмѣ *кн. Куракинъ* вспоминаетъ, что онъ, уже до Шведской войны и во всякомъ случаѣ до 1704 г., былъ въ „домѣ вашемъ“ въ Ярославѣ. Судя по приказной справкѣ отъ 22 февраля 1720 года и вышеуказанному прошенію самого А. Манкевича отъ 8 мая 1723 года, онъ зналъ, кромѣ русскаго, языки: польскій, латинскій и шведскій. Въ числѣ книгъ, оставшихся послѣ А. Манкевича, значится, между прочимъ, „книжка маленькая Эниктета Энихиридіонъ, писанная по латыни и словенски, его, умершаго, руки переводъ“. А. Манкевичъ скончался 6 мая 1723 года; см. *кн. М. Оболенскій*, Ор. cit., ст. 3, 35—37.

имъ славенскому или русскому народу; также повѣствовалъ о водруженіи апостоломъ Андреемъ креста на горахъ Кіевскихъ; также выводилъ Варяжскихъ князей съ „Балтійскаго поморья“; также называлъ Юрика и его преемниковъ „самодержцами“; также настаивалъ на томъ, что „государи русскіе, пошедшіе отъ него“, „безпрерывнымъ порядкомъ крови наслѣдственной на престолѣ Всероссійскомъ и главнымъ самодержавственнымъ наслѣдовали даже до смерти царя Ѳедора Іоанновича“; также упоминалъ въ числѣ „главнѣйшихъ державцевъ русскихъ“ Даниила Александровича и т. п.¹⁾ Тѣмъ не менѣ Манькевичу удалось придать своему труду гораздо болѣе научно-образный характеръ: несмотря на то, что онъ писалъ его „будучи въ Швеціи, въ плѣну, подъ жестокимъ арестомъ“ и располагалъ въ Вестерасѣ ограниченнымъ числомъ „извѣстій и записокъ“, онъ все же успѣлъ воспользоваться болѣе обширнымъ матеріаломъ, въ составъ котораго вошли московскія лѣтописи, и далъ болѣе равномерное обзорѣніе Русской исторіи на всемъ ея протяженіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ „Ядра“ сумѣлъ лучше разобраться въ своемъ матеріалѣ и избѣгнуть нѣкоторыхъ ошибокъ своего предшественника.

Въ краткомъ предувѣдомленіи „къ читателю“, которое Манькевичъ приложилъ въ „выпискѣ исторіи ко оужоженію исторіюлюбителемъ“ въ Вестерасѣ въ 1714 году, самъ онъ сообщилъ, какимъ образомъ возникъ его трудъ: пребывая въ праздности онъ „забавлялся“, главнымъ образомъ, „чтеніемъ исторіи“ и съ особеннымъ вниманіемъ просматривалъ тѣ „всеобщія бытія“, которыя касались Россіи; такимъ образомъ, собравши изъ прочитанныхъ имъ книгъ многое объ ея исторіи, ему „жаль показалось маленькое свое искусство пустить въ забвеніе“, въ виду чего онъ и рѣшился написать для всякаго, кто о томъ „вѣдать хочетъ“, возможно болѣе краткую исторію всей Россіи; при изложеніи ея онъ сосредоточилъ, однако, свое вниманіе лишь на томъ, что „памяти и примѣчанія достойно“. Въ теченіе слѣдующаго года, также проведеннаго въ плѣну, Манькевичъ продолжалъ работать надъ своимъ „Ядромъ“, предназначая его частью для читающей публики вообще, частью для школьнаго употребленія. Въ виду такой цѣли, да и условія работы Манькевичъ

¹⁾ (А. Манькевичъ), Ядро Россійской исторіи, М. 1784 г., сс. 6, 12, 17, 22, 27—28, 62. Слѣды московскаго политическаго преданія замѣтны еще въ томъ, что авторъ „Ядра“ упоминаетъ объ оставленіи апостоломъ Андреемъ жезла въ Грузинѣ, о происхожденіи Варяжскихъ князей „отъ сѣмени Пруса, двоюроднаго брата кесаря Августа“ и т. п.

не могъ придать своему сочиненію характера научнаго изслѣдованія: онъ ограничился довольно равномѣрнымъ обзорѣемъ общаго хода нашей исторіи, раздѣливъ его на нѣсколько книгъ; прежде всего онъ сообщаетъ баснословныя преданія о происхожденіи народа Русскаго; вслѣдъ затѣмъ повѣствуетъ о судьбахъ Россіи отъ „самодержавства“ Рюрика до татарскаго ига, а также о времени его водворенія и сверженія; рассказавъ о царствованіи Федора Ивановича, авторъ переходитъ къ довольно подробному описанію Смуты и заканчиваетъ свой трудъ изображеніемъ правленія первыхъ Романовыхъ.

† А. Лаппо-Данилевскій.

Списокъ трудовъ А. С. Лаппо-Данилевскаго¹⁾.

1. Изъ старинныхъ сношеній Россіи съ Западною Европой. Новѣйшія архивныя работы русскихъ ученыхъ въ итальянскихъ архивахъ.—Новыя данныя о сношеніяхъ Россіи съ Западною Европой въ сочиненіи В. И. Ламанскаго о государственныхъ тайнахъ Венеціанской республики.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1884, ч. 233, № 5, отд. II, с. 21—38.

2. Иноземцы въ Россіи въ царствованіе Михаила Федоровича.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1885, ч. 241, № 9, отд. II, с. 66—106.

3. Дополнительная полемика по вопросамъ Варяго-Русскому и Болгаро-Гунскому. Д. Иловайскій. М., 1886.—Рецензія.—„Библиографъ“ 1886, отд. I, № 6—7, с. 96—98.

4. Русская Историческая Библіотека. Т. X. Спб., 1886.—Рецензія.—„Библиографъ“ 1886, отд. I, № 8, с. 111—113.

5. Историческое обзорѣніе Сибири. П. А. Словцовъ. Изд. И. М. Сибирякова. Спб., 1886.—Рецензія.—„Библиографъ“ 1886, отд. I, № 10, с. 143—144.]

¹⁾ Въ настоящій списокъ не внесены мелкіе доклады и замѣтки, напечатанныя въ протоколахъ Имп. Академіи Наукъ и другихъ изданіяхъ, а также изложенія докладовъ и рефератовъ; записки, подписанныя кромѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго и другими лицами, отмѣчены звѣздочкой, за исключеніемъ тѣхъ, которыя, по имѣющимся даннымъ, несомнѣнно написаны А. С.

6. Записки Императорскаго Археологическаго Общества. Т. I. и I-й вып. II-го тома, Новая серия. Спб., 1886.—Рецензия.—„Библиографъ“ 1886, отд. I, № 12, с. 176—177.

7. Русская промышленная политика въ XVIII в. (D-r Ordega, Die Gewerbpolitik Russlands von Peter I—Katharina II. Ein Beitrag zur Geschichte des russischen Gewerbwesens. Tubingen. 1885).—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1886, ч. 245, № 5, критика и библи., с. 143—149.

8. Обрусьице иноземцевъ, иностранцевъ въ Московскомъ Государствѣ. Дм. Пятъевъ. М., 1886.—Рецензия.—„Библиографъ“ 1887, отд. I, № 2, с. 27—28.

9. Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ, О. Успенскій. Спб., 1887.—Рецензия.—„Библиографъ“ 1887, отд. I, № 6—7, с. 72—75.

10. Архивъ Юго-Западной Россіи, изд. Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Ч. VII, т. I. Кіевъ, 1886.—Рецензия.—„Библиографъ“ 1887, отд. I, № 10—11, с. 113—115.

11. Скиескія древности.—Записки Отдѣл. русск. и слав. археологій Имп. Русск. Археолог. Общ-ва“. Спб., 1887, т. IV, с. 352—543, съ прилож. карты „Перодотова Скиеія въ переводѣ на современную карту“.—(Отд. Скиескія древности. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1887. 8°. 193 стр.).

12. Учебный атласъ по Русской исторіи. Составленъ и изданъ подъ редакціей проф. Е. Замысловскаго. Изд. 3-е. Сиб., 1887.—Рецензия.—„Библиографъ“ 1888, отд. I, № 1, с. 32.

13. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе Н. Д. Сергѣевскаго. Спб., 1888.—Рецензия.—„Библиографъ“ 1888, отд. I, № 4, с. 191—195.

14. Біографическія свѣдѣнія о Генрихѣ Латышѣ по даннымъ его собственной лѣтописи.—„Библиографъ“ 1888, отд. I, № 5—6, с. 213—224.

15. Замятка по поводу статьи О. Г. Мищенка о „Скиескихъ древностяхъ“.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1888, ч. 260, № 11, критика и библи., с. 162—172.

16. Двѣ замятки изъ Московскихъ архивовъ.—„Записки Имп. Русск. Археолог. Общ-ва“. Новая серия. Спб., 1888, т. III, вып. 1, с. 183—184.

17. О величинѣ дворовыхъ и огородныхъ мѣстъ древне-русскаго города по нѣкоторымъ даннымъ первой половины XVII вѣка.—„Записки Имп. Русск. Археолог. Общ-ва“. Новая серия. Спб., 1888, т. III, вып. 3—4, с. 307—316.—(Отд.—s. l. et an. 10 стр.).

18. Описаніе Тверскаго музея. Археологическій отдѣлъ, А. К. Жизневскій. Съ примѣчаніями гр. А. С. Уварова. М., 1888.—Рецензия.—„Библиографъ“ 1889, отд. I, № 3, с. 91—94.

19. Какое значеніе имѣли „приправочныя“ книги въ XVII вѣкѣ?—„Библиографъ“ 1889, отд. I, № 8—9, с. 167—169.

20. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга V. М., 1888.—Рецензия.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1889, ч. 262, № 4, критика и библи., с. 407—422.

21. Поверстная и указная книги Ямскаго приказа.—„Библиографъ“ 1890, отд. I, № 9—10, с. 93—107.—(Отд.—Спб. 1890. 8°. 16 стр.).

22. Д. Эварияцкій. Публичныя лекціи по археологiи Россiи. Спб., 1890.—Рецензія.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1890, ч. 270, № 7, критика и библ. с. 142—151.

23. Инн. Кузнецовъ, Древнія могилы Минусинскаго округа. Томскъ, 1889.—Рецензія.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1890, ч. 271, № 10, критика и библ., с. 419—424.

24. Организациа прямого обложенiя въ Московскомъ государствѣ со времянь Смуты до эпохи преобразованiй. Исслѣдованіе.—„Записки Историко-Филолог. факультета С.-Петербургскаго Университета“. Томъ двадцать третій. Спб., 1890.—(Отд.—1890. 8°. Загл. листъ + 4 + 4 ин. + 557 + 2 нн. стр.).

25. Положенiя, извлеченныя изъ диссертации А. Лаппо-Данилевскаго: „Организациа прямого обложенiя въ Московскомъ государствѣ со времянь Смуты до эпохи преобразованiй“.—Спб. 1890. 8°. 4 стр.

26. Рѣчь передъ магистерскимъ диспутомъ. — „Историч. Обзорѣніе“ 1890, т. I, отд. I, историч. хроника: историч. диспуты въ 1890 г., с. 283—292.

27—31. Статьи: Александръ I, Императоръ Всероссійскій.—Алексѣй Михайловичъ.—Алексѣй Петровичъ.—Анна Иоанновна.—Анна Леопольдовна. (Всѣ статьи безъ подписи).—Энциклопедическій словарь подъ ред. проф. И. Е. Андреевскаго. Изд. Ф. А. Брокгаузъ—И. Е. Ефронъ. Спб., 1890. т. I, ст. 395—402, 417—418, 418—421, 792—797, 797—801.

32. Князь Л. Голицынъ и Краснодубровскій, Узека. Доклады и изслѣдованiя по исторiи Узека. Саратовъ, 1891.—Рецензія.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1891, ч. 276, № 7, критика и библ., с. 235—244.

33. Выслуженныя вотчины въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.—„Историч. Обзорѣніе“ 1891, т. III, отд. I, с. 109—133.

34. О. Вильчикскій, Древнѣйшія каменныя орудiя въ Европѣ. Спб., 1891.—Его-же, Древнѣйшее племя Неандерское въ Европѣ. Спб., 1891.—Рецензія.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1892, ч. 280, № 4, критика и библ., с. 417—420.

35. А. М. Сажетовскій, Бѣлорусскія древности, вып. 1. Спб., 1890.—Рецензія.—„Записки Имп. Русск. Археолог. Общ-ва.“ Новая серiя, Спб., 1892, т. V, вып. 3—4; библіотр., с. 385—389.—(Отд.—з. I et ap., 4 стр.).

36. Краткое изложеніе реферата: Вопросъ о дѣленiи первобытной культуры на періоды: каменный, бронзовый и желѣзный, въ современной археологiи.—„Историч. Обзорѣніе“ 1892г. IV, отд. 2, с. 10—13.

37. Древности кургана Карагодеуашкъ, какъ матеріаль для быто-вой исторiи Прикубанскаго края въ IV—III вв. до Р. X. Исслѣдованіе.—„Материалы по археологiи Россiи, издаваемые Имп. Археологическою Коммиссіею“. № 13. Древности Южной Россiи. Курганъ Карагодеуашкъ. Исслѣдованiя А. Лаппо-Данилевскаго и В. Мальмберга. Спб. 1894, с. 1—120. (Отд.—Спб. 1893. 4°. Загл. листъ + II + 120 стр.).

38. Коричневая книга Костромской чети 1613—1627 г.г. по рукописи принадлежющей Московскому Архиву Мѣнястерства Юстиціи. Сообщилъ А. Н. Зер-

цаловъ. Съ предисловіемъ А. С. Лаппо-Данилевскаго.—„Русск. Истор. Библиотека“ т. XV (сборный). Спб. 1894.—(Отд.—предисловіе подъ заглавіемъ—**Кормленая книга Костромской четверти 1613—1627 гг.** Изданіе Археографической Комиссіи. Спб. 1894. 8°. XXV стр.)

39. **Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода.** А. И. Никитскій, М., 1893.—Рецензія.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1895, ч. 302, № 12 критика и библи., с. 343—397.—(Отд.—**Критическія замѣтки по исторіи народнаго хозяйства въ Великомъ Новгородѣ и его области въ XI—XV вв.** Отзывъ о сочиненіи А. И. Никитскаго: „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода“. М., 1893. Спб. 1895. 8°. 57 стр.)

40. **Собраніе и Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, составленные въ царствованіе императрицы Екатерины II.**—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1897, ч. 309, № 1, отд. II, с. 1—59; ч. 310, № 3, отд. II, с. 132—168; ч. 311, № 5, отд. II, с. 60—82; ч. 314, № 12, отд. II, с. 365—390.—(Отд.—Спб. 1897. 8°. 144 стр.)

41. **Императрица Екатерина II. (Очеркъ внутренней политики).**—„Космополисъ“ (Cosmopolis). Русск. отдѣлъ, 1897, т. VII, № 1 (юль), с. 48—69; № 2 (августъ), с. 92—111; т. VIII, № 1 (октябрь), с. 28—48.—(Отд.—**Очеркъ внутренней политики императрицы Екатерины II.** Спб. 1898. 8°. Загл. листъ + 62 стр.)

42. **Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII в.**—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1898, ч. 320, № 12, отд. II, с. 306—366; 1899, ч. 321, № 2, отд. II, с. 371—436.—(Отд.—**Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII столѣтія.** Историческій очеркъ А. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1899. 8°. Загл. листъ + 2 нн. + 126 стр.)

43. **Писцовая и переписная книги XVII вѣка по Нижнему Новгороду,** изданныя Археографической Комиссіей. Подъ редакціей и съ предисловіемъ А. С. Лаппо-Данилевскаго.—„Русск. Истор. Библиотека“ т. XVII (сборный). Спб. 1898.—(Отд.—Спб. 1896. 8°. Загл. листъ + 2 нн. + XXIX + 464 + 73 стр.)

44. **Записная книга крѣпостнымъ актамъ XV—XVI вв., явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву.** Изданіе Археографической Комиссіи подъ редакціей и съ предисловіемъ А. С. Лаппо-Данилевскаго.—„Русск. Истор. Библиотека“ т. XVII (сборный). Спб., 1898.—(Отд.—Спб. 1898. 8°. XXX + 214 + 50 + 4 нн. + II стр.)

45. **Отзывъ о сочиненіи Н. Н. Оглоблина: Обзорѣніе столбцевъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Ч. II. Документы таможеннаго управленія.** М. 1893.—Рецензія проф. А. С. Лаппо-Данилевскаго съ предисловіемъ и послѣсловіемъ акад. В. Г. Васильевскаго.—„Записки Имп. Акад. Наукъ по Историко-Филолог. отдѣленію“ т. IV, № 3—Отчетъ о присужденіи преміи почетн. граждан. А. М. Сибирякова, с. 3—28. Спб., 1899.—(Отд.—s. l. et ap. 8°. 12 стр.)

46. **Отрывки изъ дѣла о сборѣ земли, дровъ и денегъ на „емчужное дѣло“ съ погостовъ Новгородскихъ пятинъ XVI в.**—„Лѣт. зав. Археогр. Ком.“ за 1888—1894 гг., в. XI, отд. III, с. 232—239. Спб. 1900.—(Отд.—Спб. 1900. 8° Загл. листъ + 8 стр.)

47. Записка о трудахъ А. А. Куника и о состоявшихся подъ его наблюдениемъ изданіяхъ, начатыхъ печатаніемъ въ академической типографіи.—Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1900, прилож. къ проток. засѣд. 16 февр. 1900 г.

48. Отзывъ адъюнкта А. С. Лаппо-Данилевскаго о сочиненіи г. Ладинскаго: „Опытъ хронологіи всемірной военной исторіи съ древнѣйшей исторической эпохи до новѣйшаго времени“.—„Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1900, прилож. къ проток. засѣд. 15 марта 1900 г.

49. Записка объ ученыхъ трудахъ ординарнаго профессора Имп. Московскаго Университета В. О. Ключевскаго.—„Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1900, III прилож. къ проток. засѣд. 26 апр. 1900 г.

50. *Записка объ ученыхъ трудахъ директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ Ф. И. Успенскаго.—„Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1900. IV прилож. къ проток. засѣд. 26 апр. 1900 г.

51. Планъ изданія архивныхъ документовъ XVI—XVIII вѣковъ, выработанный адъюнктомъ А. С. Лаппо-Данилевскимъ. — „Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1900, I-е прилож. къ проток. засѣд. 25 окт. 1900 г.

52. Отзывъ о работѣ В. Н. Сторожева по столбцамъ Помѣстнаго приказа и писцовымъ книгамъ Вологодскаго уѣзда.—„Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1900, § 264.

53. Замѣтка о Молодинскомъ владѣ 1878 года. Ю. Б. Иверсена. Спб. 1900 („предувѣдомленіе“ къ „Замѣткѣ“ составлено А. С. Лаппо-Данилевскимъ).

54. Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Отзывъ А. С. Лаппо-Данилевскаго о кн. М. Дьяконова „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ“ (XVI—XVII вв.). Спб. 1898.—„Зап. Имп. Акад. Наукъ по И.-Фил. Отд.“, т. V, № 1—отчетъ о XLI присужденіи награды гр. Узарова, с. 51—175. Спб. 1901.—(Отд.—Спб. 1900. 8°. Загл. листъ + 2 нн. + 125 + 1 нн. стр).

55. Записка А. С. Лаппо-Данилевскаго о найденномъ въ бумагахъ А. А. Куника „Описаніи Данцигскаго архива“, составленномъ Ф. Гиршемъ.—„Лѣт. зан. Археогр. Ком.“ за 1895—1899 гг., вып. XII, с. 247—250, прилож. къ проток. 474 засѣд. 15 мая 1899 г. Спб. 1901.

56. Записка А. С. Лаппо-Данилевскаго о столбахъ, присланныхъ въ Археогр. Ком. А. А. Чепуриннымъ.—„Лѣт. зан. Археогр. Ком.“ за 1900 г., вып. XIII, с. 31—32, прилож. къ проток. 490 засѣд. 12 дек. 1900 г. Спб. 1901.

57. Планъ изданія архивныхъ документовъ XVI—XVIII вѣковъ, выработанный адъюнктомъ А. С. Лаппо-Данилевскимъ. — „Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1901, II-е прилож. къ проток. засѣд. 10 янв. 1901 г.

58. Отзывъ адъюнкта А. С. Лаппо-Данилевскаго о сочиненіи А. Шумахера: „Историческій очеркъ жизни и царствованія императора Александра II“. Спб. 1899.—„Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1901, I-е прилож. къ проток. засѣд. 7 ноября 1901 г.

59. Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія Сборника „грамоть Коллегіи Экономіи“ въ 1901 г.—„Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1901, прилож. къ проток. 5 дек. 1901 г.

60. Основные принципы социологической доктрины О. Бонта—въ сборникъ „Проблемы идеализма“. Сборникъ статей... под редакціей П. И. Новгородцева. Изд. Моск. Психол. Общ-ва. М. 1902, с. 394—490.—(Отд.—М. 1902. 8°. Загл. листъ + 97 стр.).

61. „Мостовыя и рѣшеточныя деньги“ въ Новгородѣ и Москвѣ въ XVII вѣкѣ. — Материалы и изслѣдованія по исторіи мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ въ Московскомъ государствѣ XVII-го вѣка, сообщенныя А. С. Лаппо-Данилевскимъ и И. Н. Миклашевскимъ.—„Зап. Имп. Акад. Наукъ по И.-Фил. Отд.“ т. V, № 4. Спб. 1902.—(Отд.—Спб. 1902. 8°. 29 стр.).

62. Краткій отчетъ о занятіяхъ въ Государственномъ Кеннigsбергскомъ, Королевскомъ Неаполитанскомъ и Ватиканскомъ архивахъ весной 1902 г.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ V серия, т. XVII, 1902, № 4, с. OI—OIV, извлеч. изъ проток. засѣд. И.-Фил. Отд.

63. Разборъ мнѣнія г. Самохвасова о научномъ значеніи нѣкоторыхъ изданій, предпринятыхъ Императорскою Академіею Наукъ.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ V серия, т. XVII, 1902, № 4, с. OV—OIX, извлеч. изъ проток. засѣд. И.-Фил. Отд.

64. Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи“ въ 1902 г.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ V серия, т. XVII, 1902, № 5, с. OIX—OXII, извлеч. изъ проток. засѣд. И.-Фил. Отд.

65. Материалы для плана общеобразовательнаго курса по исторіи человечества. Записка, составл. А. Лаппо-Данилевскимъ по предложенію Совѣта Общеобразовательной Школы кн. В. Тенишева.—„Памятная книжка Тенишевскаго училища“. Спб. 1902, ч. I, с. 87—101.—(Отд.—s. l. et. ap. F°. 10 стр.).

66. Изданіе статьи А. А. Куника „Открытое письмо къ сухопутнымъ моржамъ“ въ книгѣ „Извѣстія Ал.-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ“. Часть 2. (Разысканія А. Куника). Спб. 1903, подъ редакціей и съ предварительной замѣткой (с. IX—XII) А. С. Лаппо-Данилевскаго.

67. Докладъ исторической подсеціи II секціи Предварительнаго съѣзда русскихъ филологовъ.—„Предварительный съѣздъ русскихъ филологовъ“ [10—15 апрѣля 1903 года]. Бюллетени. Спб. 1903, с. 114—117.—(См. также с. 46, 92—93, 96).

68. Изданіе книги И. Н. Миклашевскаго „Древне-русскіе поземельные кадастры“ подъ редакціей и съ примѣчаніями А. С. Лаппо-Данилевскаго.—„Зап. Имп. Акад. Наукъ по И.-Фил. Отд.“ т. VI, № 4, Спб. 1903.

69. Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи“ въ 1903 г.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ V серия, т. XIX, 1903, № 4—5, с. OIV—OVI, извлеч. изъ проток. засѣд. И.-Фил. Отд.

70. Записка объ ученыхъ трудахъ и д. ординарнаго профессора И. Юрьевскаго Университета Евгенія Францевича Шмурло.—„Проток. засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1903, прилож. къ проток. засѣд. 12 марта 1903 г.

71. Докладъ Постоянной Исторической Комиссіи при Историко-Филологическомъ Отдѣленіи Имп. Акад. Наукъ. I. Проектъ положенія объ обязанностяхъ и службѣ ученаго корреспондента Истор.-Фил. Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ въ Римѣ. II. Предварительная инструкція ученому корреспонденту Истор.-Фил. Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ въ Римѣ.—

„Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1903, прилож. къ проток. засѣд. 24 сент. 1903 г.

72. И. И. Бецкой и его система воспитанія. Отзывъ академика А. С. Лаппо-Данилевскаго о сочиненіи П. М. Майкова: „Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ біографіи“.—„Зап. Имп. Акад. Наукъ по И.-Фил. Отд.“ т. VI, № 7—Отчетъ о XLIV присужденіи наградъ гр. Уварова, с. 117—117. Спб.: 1904. (Отд.—Спб. 1904. 8°. Загл. листъ + 2 нн. + 61 стр.).

73. Записка объ изданіи „Представленія проф. Десницкаго объ учрежденіи законодательной, судительной и наказательной власти въ Россійской Имперіи“.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ V серия, т. XX, 1904, № 4, с. OVII—OVIII, извлеч. изъ проток. засѣд. И.-Фил. Отд.

74. Н. О. Дубровинъ. Некрологъ.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ V серия, т. XXI, 1904, № 2, с. IV—VI; № 3, с. VII, извлеч. изъ проток. засѣд. Общ. собранія Имп. Акад. Наукъ.

75. Памяти Г. А. Леера.—„Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1904 г. апрѣля 28.

76. Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи—въ сборникѣ „Крестьянскій строй“. Т. I. Сборникъ статей А. А. Корнилова, А. С. Лаппо-Данилевскаго, В. И. Семевскаго и И. М. Страховскаго. Спб.: 1905, с. 1—156.—(Отд.—Спб. 1905. 8°. Загл. листъ + 2 нн. + 156 стр.).

77. Записка академика А. С. Лаппо-Данилевскаго о дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ V серия, т. XXII, 1905, № 1, с. OIII—OVII, извлеч. изъ проток. засѣд. И.-Фил. Отд.

78. Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи“ въ 1904 г.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ V серия, т. XXII, 1905, № 1, с. OVII—OVIII, извлеч. изъ проток. засѣд. И.-Фил. Отд.

79. Профессоръ Яковъ Каро. Некрологъ.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ V серия, т. XXII, 1905, № 3, с. OXIII—OXIV, извлеч. изъ проток. засѣд. И.-Фил. Отд.

80. Записка А. С. Лаппо-Данилевскаго: „Веревная книга“ Николаевскаго Корельскаго монастыря 1707 г.—„Лѣт. зан. Археогр. Ком.“ за 1902 г., вып. XV, с. 19—21, прилож. къ проток. 500 засѣд. 10 дек. 1902 г. Спб. 1905.

81. Изъ проток. И.-Фил. отд. Имп. Академіи Наукъ: Палеографическіе снимки А. А. Куника къ „Русско-Ливонскимъ актамъ“ Наперскаго.—„Лѣт. зан. Археогр. Ком.“ за 1902 г., вып. XV, с. 39—40, прилож. къ проток. 500 засѣд. 10 дек. 1902 г. Спб. 1905.

82. Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи“ въ 1905 г.—„Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1905, прилож. къ проток. засѣд. 14 дек. 1905 г.

83. Записка объ ученыхъ трудахъ профессора Имп. Юрьевскаго Университета Михаила Александровича Дьяконова.—„Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1905, 1-е прилож. къ проток. засѣд. 30 марта 1905 г.

84. Записка объ ученыхъ трудахъ Д. А. Корсакова.—„Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1905, прилож. къ проток. засѣд. 16 ноября 1905 г.

85. П. Симсонъ. Каменный вѣкъ подъ гор. Ржевомъ, Тверь 1904.—Рецензія.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1906, новая серия, ч. IV, № 7, критика и библи., с. 151—158.

86. Отзывъ о сочиненіи Н. Н. Фирсова: „Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II“, составленный А. С. Лаппо-Данилевскимъ.— „Зап. Имп. Акад. Наукъ по И.-Фил. Отд.“ т. VIII, № 2—Отчетъ о XLVII присужденіи наградъ гр. Уварова, с. 5—38. Спб., 1906. (Отд.—Спб. 1906. 34 стр.)

87. Записка о дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій за 1902—1904 гг.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ V серия, т. XXIV, 1906, № 1—2, с. ОI—OIV, извлеч. изъ проток. засѣд. И.-Фил. Отд.

88. Альбертъ Сорель. Рѣчь.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ V серия, т. XXIII, 1906, № 1—2, с. ОI—OVIII, извлеч. изъ проток. засѣд. И.-Фил. Отд.

89. Рѣчь въ засѣд. Гос. Совѣта 4 мая 1906 г. по проекту всеподданнѣйшаго адреса о необходимости полной амнистии.—Стеногр. отч. Госуд. Сов., сессія I, засѣд. 3-е, с. 6—8.

90. Печати послѣднихъ Галичско-Владимірскихъ князей и ихъ советниковъ—въ сборникѣ „Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси“ Спб. 1907, с. 211—311.—(Отд.—Печати послѣднихъ Галичско-Владимірскихъ князей и ихъ советниковъ. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1906. 8°. Загл. листъ + 99 + 2 нн. стр. + X таблицъ.)

91. Изданіе сборника „Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси“. Спб. 1907, подъ редакціей съ предварительною замѣткою о составленіи сборника (с. I—V) и дополненіями къ нему (с. 206—209) А. С. Лаппо-Данилевскаго.

92. Die russische Handels-Kommission von 1763—1796.—„Beiträge zur russischen Geschichte“, Berlin, 1907, S. 176—213.

93. Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи“ за 1906 г.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. I, 1907, № 1, с. 23—24, прилож. къ проток. засѣд. И.-Фил. Отд. 10 янв. 1907 г.

94. Записка А. С. Лаппо-Данилевскаго о сборникѣ Галичскихъ актовъ Д. Зубрицкаго, приготовленномъ къ изданію А. А. Кунидомъ.—„Дѣт. зан. Имп. Археогр. Ком.“ за 1904 г., вып. XVII, с. 9—11, прилож. къ проток. 507 засѣд. 22 янв. 1904 г. Спб. 1907.

95. Отзывъ о книгѣ С. Р. Минцова „Критико-библиографическое обзоріе записокъ, дневниковъ, воспоминаній...“.—„Прото в. засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1907, § 159.

96. Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи“ въ 1907 г.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. II, 1908, № 2, с. 165—166, II-е прилож. къ проток. засѣд. И.-Фил. Отд., 12 дек. 1907 г.

97. Записка о изданіи сочиненія А. Гишцинга „Нева и Нѣншпанцъ“ съ присоединеніемъ: Описи географическихъ картъ, приложенныхъ къ сочиненію А. Гишцинга „Нева и Нѣншпанцъ“, I—II.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. II, 1908, № 6, с. 464—466, извлеч. изъ проток. засѣд. И.-Фил. Отд.

98. В. В. Антоновичъ. 1830—1908. Некрологъ.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. II, 1908, № 6, с. 467—472.

99. Докладъ о предметахъ древности, найденныхъ Б. Л. Бернштейномъ въ Фатъяновскомъ карьерѣ.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. II, 1908, № 13, с. 1027—1028.

100. Сообщеніе о международномъ конгрессѣ историковъ, проводимомъ

дившемъ въ Берлинѣ 6—12 августа (н. с.) 1908 г.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. II, 1908, № 14, с. 1113—1116.

101. Докладъ о дѣятельности некоторыхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій по ихъ отчетамъ за 1908—1907 гг.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. II, 1908, № 14, с. 1117—1123.

102. Записка объ усиленіи личнаго состава Историко-Филологическаго Отдѣленія.—„Проток. засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1908, I-е прилож. къ проток. засѣд. 15 окт. 1908 г.

103. Записка объ ученыхъ трудахъ адъюнкта М. А. Дьяконова.—„Проток. засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1908, прилож. къ проток. засѣд. 19 ноября 1908 г.

104. Служилыя кабалы повдѣйшаго типа.—„Сборникъ статей, посвященныхъ Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности въ Московскомъ университетѣ“. М. 1909, с. 719—764.—(Отд.—М. 1909. 8°. 48 стр.).

105. Изданіе труда А. I. Гиппинга „Нева и Низншанцъ“ подъ редакціей А. А. Куника и А. С. Лаппо-Данилевскаго со вступительной статьей А. С. Лаппо-Данилевскаго: „Андрей Іоганнъ Гиппингъ и судьба его историческаго труда о Невѣ и Низншанцѣ“ (ч. I, с. I—XVI), чч. I—II. Спб. 1909.

106. Utlåtande om U. L. Lehtonen's arbete: Die polnischen Provinzen Russlands unter Katharina II in den Jahren 1772—1782. Aus dem finnischen Original übersetzt v. G. Schmidt. Berlin, 1907. Asiantuntijain lausunnot Keisariillisen Aleksanterin Uliopiston Venäjän historian ja venäläisen valtiotieteen professorinviran hakijasta ynnä hakijan ansioluettelo. 1909, № 14.

107. Записка о научныхъ заслугахъ И. В. Луцицкаго.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. III, 1909, № 2, с. 114—115.

108. Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ. Некрологъ.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. III, 1909, № 2, с. 123—128.

109. Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи“ за 1908 г.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. III, 1909, № 4, с. 235—236.

110. Методологія исторіи. Часть I. Теорія историческаго знанія. Посobie къ лекціямъ, читаннымъ студентамъ С.-Петербургскаго университета въ 1909—10 году. Изданіе Студенч. Издат. Комитета при И.-Фил. факультетѣ С.-Петербургскаго Университета. Спб. 1910. 8°. 291+1 нн. стр.

111. Изданіе труда Н. П. Сильванскаго „Азты о посадскихъ людяхъ-завладѣльцахъ“ съ предварительной замѣткой и подъ редакціей А. С. Лаппо-Данилевскаго.—„Дѣл. зан. Имп. Археогр. Ком.“ за 1909 г., вып. XXII, с. 1—276. Спб., 1910.

112. Отзывъ о сочиненіи Н. Д. Чечулина: „Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II“. Спб. 1906 г., составленный академикомъ А. О. Лаппо-Данилевскимъ.—„Зап. Имп. Акад. Наукъ по И.-Фил. Отд.“ т. X, № 2—Отчетъ о I присужденіи наградъ гр. Уварова, с. 83—144. Спб. 1910.—(Отд.—Спб. 1910. Загл. часть—62 стр.).

113. Записка о научныхъ заслугахъ Эдуарда Мейера.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. IV, 1910, № 1, с. 35—37.

114. Герменегильдъ Иречекъ. Некрологъ.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. IV, 1910, № 3, с. 189—192.—(Переведено—„Narodni Listy“ 1910, № 84).

115. Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи“ за 1909 г.—Изд. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. IV, 1910, № 3, с. 193—194.

116. N. D. Čečulin, Skizzen zur Geschichte der russischen Finanzen während der Regierung der Kaiserin Katharina II. St-Petersburg, 1906.—Рецензія.—„Zeitschrift für Osteurop. Geschichte“ 1910, B. I, N. 1.

117. Отчетъ академикомъ О. А. Вадлунда, К. Г. Залемана, Э. Н. Чернышева и А. С. Лапко-Данилевскаго о командировкѣ на общее собраніе Международнаго Союза Академій, состоявшееся въ Цимѣ весной 1910 г.—„Проток. засѣд. Общ. Сѣбр. Имп. Акад. Наукъ“ 1910, прилож. къ проток. засѣд. 6 ноября 1910 г.

118. Проектъ адреса отъ Академіи Берлинскому Университету.—„Изд. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. IV, 1910, № 17, с. 1378.

119. Записка объ ученыхъ трудахъ Н. И. Карѣева.—„Проток. засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1910, III прилож. къ проток. засѣд. 17 ноября 1910 г.

120. Записка объ ученыхъ трудахъ Джэма Брайса.—„Проток. засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1910, IV прилож. къ проток. засѣд. 17 ноября 1910 г.

121. Екатерина II и крестьянскій вопросъ—въ сборникѣ „Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ“. Юбилейное изданіе. Т. I, с. 163—190. М. 1911.

122. Памяти Василя Осиповича Ключевскаго.—„Вѣсти. Европы“ 1911, № 8, с. 337—353.

123. К. К. Ширренъ. Некрологъ.—„Изд. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. V, 1911, № 2, с. 103—106.—(Переведено—Ein bedeutender russischer Gelehrter über Karl Schirren—„Rigaer Tageblatt“ 1911, 8 (21) December, № 316).

124. Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи“ за 1910 г.—„Изд. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. V, 1911, № 4, с. 201—204.

125. В. О. Ключевскій. Некрологъ.—„Изд. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. V, 1911, № 13, с. 921—924.

126. * Записка объ ученыхъ заслугахъ Е. Ф. Шмурло.—„Проток. засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1911, II прилож. къ проток. засѣд. 16 ноября 1911 г., I.

127. Записка объ ученыхъ заслугахъ Габріеля Моно.—„Проток. засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1911, II прилож. къ проток. засѣд. 16 ноября 1911 г., II.

128. Историческіе взгляды В. О. Ключевскаго—въ сборникѣ „В. О. Ключевскій. Характеристики и воспоминанія“. М. 1912, с. 100—116.

129. Отчетъ о подготовительныхъ работахъ по изданію „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи“ за 1911 г.—„Изд. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. VI, 1912, № 3, с. 268—270.

130. Габріэль Моно. Некрологъ.—„Изд. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. VI, 1912, № 9, с. 667—670.

131. Записка объ ученыхъ заслугахъ проф. Берлинскаго университета Отто Гирке (Otto v. Gierke).—„Проток. засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1912, III прилож. къ проток. засѣд. 28 ноября 1912 г.

132. *Записка объ ученыхъ заслугахъ члена Парижской Академіи надписей Польдъ Вюдда (Paul Viollet).—Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ" 1912, III прилож. къ проток. засѣд. 28 ноября 1912 г.

133. *Методологія исторіи*. Выпускъ II. Пособіе къ лекціямъ, читаннымъ студентамъ С.-Петербургскаго университета въ 1910—11 году. Изданіе Студенч. Издат. Комитета при Истор.-Фил. факультетѣ С.-Петербургскаго Университета. Слб. 1913. 8°. Загл. листъ + 508 (292—799) + 4 ян. стр.

134. *Эквивалентныя требованія по методологіи исторіи*.—S. l. et an. 8°. 8 стр.

135. *Карты и планы Невы и Невншапца, собранныя А. Г. Гиппингомъ и А. А. Еуникомъ, съ предварительной замѣткой А. С. Лаппо-Данилевскаго*. (Приготовлены и изданы подъ ред. А. А. Курьика и А. С. Лаппо-Данилевскаго). Слб. 1913.

136. *L'idée de l'Etat en son évolution en Russie depuis les troubles du XVII siècle jusqu'aux reformes du XVIII-me*—въ сборникѣ „Essays in legal history read before the International Congress of historical studies held in London“, ed. by P. Vinogradoff. Oxford, 1913.

137. *Докладъ о дѣятельности нѣкоторыхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій по ихъ отчетамъ за 1904—1911 гг.*—Изв. Имп. Акад. Наукъ" VI серия, т. VII, 1913, № 2, с. 75—86.

138. *Отчетъ о работахъ по изданію „Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономикъ“ за 1912 г.*—Изв. Имп. Акад. Наукъ" VI серия, т. VII, 1913, № 4, с. 221—224.

139. *Записка объ ученыхъ трудахъ П. Г. Виноградова*.—Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ" №13, прилож. къ проток. засѣд. 23 окт. 1913 г.

140. *Записка объ ученыхъ трудахъ проф. И. А. Линниченко*.—Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ" 1913, прилож. къ проток. засѣд. 20 ноября 1913 г.

141. *Программа международного историческаго конгресса въ С.-Петербургѣ въ 1918 г.* (Слб. 1913). 4°. 4 стр.

142. *Идея государства и главнѣйшіе моменты ея развитія въ Россіи, со времени смуты и до эпохи преобразованій*.—„Голосъ Минувшаго“ 1914, № 12, с. 5—38. (Переводъ № 135 съ незначительными измѣненіями).

143. *Аристъ Аристовичъ Еуникъ. Очеркъ его жизни и трудовъ*.—Изв. Имп. Акад. Наукъ" VI серия, т. VIII, 1914, № 18, с. 1455—1479.

144. *L. Riess. Historik. Ein-Organon geschichtlichen Denkens und Forschens* Bd. I. Berl. und Lpz. 1912.—Рецензія.—„Научно-Истор. Журн.“ 1914, т. I, вып. 2, с. 99—101.—Поправка къ рецензіи.—Ibid. т. III, с. 173.—(Отд.—Слб. Безъ года. 4 стр.)

145. *Записка объ ученыхъ трудахъ проф. Эрнеста Лависса (E. Lavisse)*.—Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ" 1914, с. 181—182.

146. *Записка объ ученыхъ трудахъ Ярослава Голля (J. Goll)*.—Протокъ засѣд. И.-Фил. Отд. Имп. Акад. Наукъ" 1914, с. 182—183.

147. *Петръ Великій, основатель Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ*—въ сборникѣ „Рѣчи, произнесенныя на торжеств. собраніи Имп. Академіи Наукъ по случаю трехсотлѣтня царствованія дома Романовыхъ“, Пг. 1915, с. 33—93.—(Отд.—Слб. 1914. Загл. листъ + 60 стр.)

148. Докладъ объ ученыхъ трудахъ сверхшт. акад. Э. И. Успенскаго.—„Проток. засѣд. Отд. Ист. Наукъ и Филол.“ 1915, с. 179—189.

149. Докладъ объ ученыхъ трудахъ сверхшт. акад. П. Г. Виноградова.—„Проток. засѣд. Отд. Ист. Наукъ и Филол.“ 1915, с. 190—199.

150. Автобиографическій очеркъ.—„Матер. для биограф. слов. дѣйстви. членовъ Имп. Акад. Наукъ. Часть I. А.—И. Пг. 1915“, с. 405—413.

151. Сборникъ документовъ, касающихся исторіи Невы и Нѣншанца. Приложение къ труду А. И. Гиппинга „Нева и Нѣншанецъ“, съ предварительной замѣткой А. С. Лаппо-Данилевскаго (с. I—XII). Пг. 1916.

152. Участіе Общества въ правильную постановку архивнаго дѣла въ Россіи—въ сборникѣ „Императорское Русское Историческое Общество. 1866—1916“, с. 113—124 Пг. 1916.—(Отд.—Особая Коммиссія при Императорскомъ Русскомъ Историческомъ Обществѣ и ея дѣятельность по сохраненію мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ, 1911—1916 гг. Пг. 1916. 8°. Загл. листъ + 12 стр.).

153. Отзывъ о сочиненіи Н. Я. Новомбергскаго: „Ветеринарное дѣло въ Россіи въ половинѣ XVIII столѣтія“, составленный академикомъ А. Лаппо-Данилевскимъ.—„Зап. Имп. Акад. Наукъ по И.-Фил. Отд.“ т. XII, № 8—Отчетъ о LV присуд. наградъ гр. Уварова, с. 55—65. Пг. 1916. (Отд.-Пг. 1915. Загл. листъ + 11 стр.).

154. Докладъ о научной дѣятельности нѣкоторыхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій по ихъ отчетамъ преимущественно за 1911—1914 гг.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. X, 1916, № 7, с. 457—470.

155. Обзоръ документовъ собственнаго архива стольника А. И. Безобразова.—„Дѣтот. зан. Имп. Археогр. Ком.“ за 1915 г., вып. XXVII, Пг. 1916. с. 31—33.

156. Записка В. И. Семеновскаго объ изданіи проектовъ государственныхъ преобразованій М. М. Сперанскаго и заключеніе акад. А. С. Лаппо-Данилевскаго.—„Изв. Имп. Акад. Наукъ“ VI серия, т. X, 1916, № 14 с. 1230—1232.

157. Записка объ ученыхъ трудахъ проф. Э. Бутру.—„Проток. Отд. Ист. Наукъ и Филол.“ 1916, с. 224—225.

158. Записка объ ученыхъ трудахъ проф. А. В. Дайси.—„Проток. Отд. Ист. Наукъ и Филол.“ 1916, с. 226—227.

159. Записка объ ученыхъ трудахъ П. В. Отруве.—„Проток. Отд. Ист. Наукъ и Филол.“ 1917, с. 87—92.

160. Главнѣйшія направленія въ развитіи номотетическаго построенія историческаго знанія.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“, нов. серия, ч. LXXII, 1917, ноябрь—дек., отд. II, с. 79—111.

161. Заключение акад. А. С. Лаппо-Данилевскаго объ отчетѣ Псковской Губернской Ученой Архивной Коммисіи за 1916—1917 гг.—„Изв. Росс. Акад. Наукъ“ VI серия, т. XI, 1917, № 15, с. 1219—1220.

162. Записка объ ученыхъ трудахъ проф. А. А. Кизеветтера.—„Проток. засѣд. Общ. Собр. Росс. Акад. Наукъ“ 1917, прилож. къ проток. засѣд. 2 дек. 1917 г.

163. The development of science and learning in Russia—въ сборн. Russian Realities and Problems, ed. by I. D. Duff, Cambr. 1917, pp. 153—229.

164. Докладъ о ходѣ изданія „Tabeller over Skibsfort og Varen-

transport gennem Oresund“, составленный на основаніи отчета Карло-бергскаго фонда въ Копенгагенѣ за 1917 годъ.—„Изв. Росс. Акад. Наукъ“ VI серия, т. XII, 1918, № 4, с. 182—184.

165. Методологія исторіи. I. Принципы и методы историческаго знанія. II. Главнѣйшія направленія въ теоріи историческаго знанія.—„Изв. Росс. Акад. Наукъ“ VI серия, т. XII, 1918, № 5, с. 239—260.—Основные принципы историческаго знанія въ главнѣйшихъ его направленіяхъ: номотетическомъ и идиографическомъ.—„Изв. Росс. Акад. Наукъ“ VI серия, т. XII, 1918, № 6, с. 445—474; № 7, с. 651—678; № 9, с. 843—872; № 11, с. 1059—1088; № 13, с. 1291—1296.

166. Дмитрій Ѳомичъ Кобоко. Некрологъ.—„Изв. Росс. Акад. Наукъ“ VI серия, т. XII, 1918, № 7, с. 521—530.

167. Замѣтка о сборникѣ писемъ графа А. А. Аракчеева къ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка штабъ-лекарю А. П. Владимірскому.—„Изв. Росс. Акад. Наукъ“ VI серия, т. XII, 1918, № 18, с. 2027—2028.

168. Новые переводы и комментаріи донесеній и записокъ Родеса и Квильбургера о Россіи.—„Русск. Истор. Журналъ“ 1918, кн. 5, с. 33—69.

169. Россія и Голштинія. Очеркъ изъ исторіи германо-русскихъ отношеній въ XVIII вѣкѣ. — „Истор. Архивъ“ 1919, кн. первая, с. 255—282.

170. Записка объ ученыхъ трудахъ проф. Анри Пиренна.—„Изв. Росс. Акад. Наукъ“ VI серия, т. XIII, 1919, № 1, с. 60—62.

171. Очеркъ русской дипломатики частныхъ актовъ.—Лекціи, читанныя слушателямъ „Архивныхъ Курсовъ“ при Петроградскомъ Археологическомъ Институтѣ въ 1918 году. Пг. 1920. 8°. 188+1 нн.

172. Очеркъ развитія русской исторіографіи.—(Введеніе. Главы первая и отрывокъ второй)—„Русск. Истор. Журн.“ 1920, кн. 6, с. 5—29.

Литографированные курсы лекцій, просмотрѣнные А. С.: 1. Русская исторія [До-монгольскій періодъ]. Лекціи, читанныя студентамъ I курса Имп. Историко-Филологическаго Института. 1899—1900 г. Издатели: И. Маяковский и Вен. Федоровичъ. Литографія Богданова. 481+6 стр.—2. Русская Исторія. Второй періодъ: Политическое объединеніе Россіи и ея положеніе въ Европѣ до исхода XVII в. Издатель П. Синицкій. Типолитографія Маркова и литографія Богданова. 383 стр.—3. Русская исторія [Петровскій періодъ]. Издатель Поковъ. Литографія Съменкиной и Богданова. 279 стр.—4. Очерки по русской исторіографіи. Литографіи Якобсона и Богданова. 192 стр.—5. Методологія исторіи. Часть вторая. Методы историческаго изученія. Отдѣлъ II. Методологія историческаго построенія. Лекціи, читанныя студентамъ С.-Петербургскаго университета въ 1903—1909 акад. году. Литографія Богданова. 249 стр.

Лекции и практическія занятія А. С. Лаппо-Данилевскаго въ Петроградскомъ Университетѣ въ 1890—1918 г.г.

- 1890—91 г.г. Общественный строй Московскаго государства до эпохи преобразованій.
- 1891—92 г.г. Исторія сословій въ Россіи XVIII вѣка.
- 1892—93 г.г. Главнѣйшія направленія въ русской исторіографіи.
- 1893—94 г.г. Исторія Россіи въ XVIII столѣтіи.
- 1894—95 г.г. Методы изученія источниковъ и явленій русской исторіи.
- 1895—96 г.г. 1) Исторія древне-русскаго народнаго хозяйства. 2) Практическія занятія на темы изъ русской исторіи (по Русской Правдѣ и Наказу имп. Екатерины II).
- 1896—97 г.г. Главнѣйшія направленія въ русской исторіографіи XVIII—XIX в.в.
- 1897—98 г.г. 1) Исторія русскаго общества въ XVIII ст. 2) Систематика социаль-ныхъ явленій разныхъ порядковъ.
- 1898—99 г.г. 1) Исторія русскаго общества въ XVIII ст. 2) Практическія занятія по систематикѣ социальныхъ явленій разныхъ порядковъ.
- 1899—1900 г.г. 1) Главнѣйшія направленія въ русской исторіографіи. 2) Практическія занятія по VI книгѣ „Системы Логикѣ“ Д. С. Милля.
- 1900—1901 г.г. 1) Практическія занятія по VI книгѣ „Системы Логикѣ“ Д. С. Милля. 2) Методологія источниковѣдѣнія. 3) Практическія занятія по исторіи крѣпостнаго права въ Московскомъ государствѣ XV—XVII в.в.
- 1901—1902 г.г. 1) Главнѣйшія направленія въ русской исторіографіи XVIII и преимущественно XIX столѣтій. 2) Практическія занятія по систематикѣ социальныхъ явленій разныхъ степеней.
- 1902—1903 г.г. 1) Основные принципы обществовѣдѣнія. 2) Практическія занятія по „Учрежденію о губерніяхъ“.
- 1903—1904 г.г. 1) Главнѣйшія направленія въ русской исторіографіи. 2) Практическія занятія по анализу простѣйшихъ социальныхъ взаимоотношеній.
- 1904—1905 г.г. 1) Практическія занятія по теоріи цѣнности въ ея приложеніи къ обществовѣдѣнію. 2) Практическія занятія по дипломатикѣ частныхъ актовъ.
- 1905—1906 г.г. 1) Главныя направленія въ русской исторіографіи новаго времени. 2) Практическія занятія по логикѣ обществовѣдѣнія. 3) Практическія занятія по дипломатикѣ частныхъ актовъ.
- 1906—1907 г.г. 1) Методологія исторіи. 2) Практическія занятія: а) по теоріи эволюціи въ примѣненіи ея къ обществовѣдѣнію и исторіи, б) по дипломатикѣ частныхъ актовъ Московскаго періода.
- 1907—1908 г.г. 1) Методологія исторіи (часть спеціальная). 2) Семинарій: Дипломатика частныхъ актовъ Московскаго періода.
- 1908—1909 г.г. 1) Главныя направленія въ русской исторіографіи XVIII—XIX в.в. 2) Практическія занятія по логикѣ общественныхъ наукъ и исторіи. 3) Методологія исторіи (ч. II, отд. 2: методологія историческаго построенія).

- 1909—1910 г.г. 1) Методологія исторіи (ч. I: теорія историческаго знанія). 2) Семинарій по логикѣ общественныхъ наукъ и исторіи. 3) Семинарій: анализъ и интерпретація актовъ, касающихся исторіи прикрѣпленія крестьянъ въ Московскомъ государствѣ.
- 1910—1911 г.г. 1) Методологія исторіи. 2) Семинарій по теоріи историческаго знанія: критическій разборъ важнѣйшихъ ученій о цѣнности. 3) Семинарій: дипломатика частныхъ актовъ Московскаго періода.
- 1911—1912 г.г. 1) Методологія исторіи (ч. II, отд. 2: методологія историческаго построенія). 2) Главнѣйшія направленія въ русской исторіографіи XVIII и XIX в.в. 3) Критическій разборъ важнѣйшихъ ученій о развитіи.
- 1912—1913 г.г. 1) Методологія исторіи. 2) Семинарій: Критическій разборъ главнѣйшихъ ученій о случайности. 3) Практическія занятія: дипломатика частныхъ актовъ Московскаго періода.
- 1913—1914 г.г. 1) Методологія исторіи. 2) Практическія занятія: а) критическій разборъ главнѣйшихъ ученій о цѣнности, б) дипломатика частныхъ актовъ Московскаго періода.
- 1914—1915 г.г. 1) Методологія исторіи. 2) Практическія занятія: а) критическій разборъ главнѣйшихъ ученій, касающихся проблемы „чужого я“, б) дипломатика частныхъ актовъ Московскаго періода. 3) Главнѣйшія направленія въ русской исторіографіи XVIII—XIX в.в.
- 1915—1916 г.г. 1) Методологія исторіи (часть I: теорія историческаго знанія). 2) Семинарій по методологіи социальныхъ и историческихъ наукъ. 3) Семинарій: дипломатика частныхъ актовъ Московскаго періода.
- 1916—1917 г.г. 1) Методологія исторіи (часть II, отд. I). 2) Практическія занятія: дипломатика частныхъ актовъ Московскаго періода.
- 1917—1918 г.г. 1) Методологія исторіи (часть II, отд. 2: методологія историческаго построенія). 2) Практическія занятія: а) критическій разборъ главнѣйшихъ ученій о цѣнности, и б) дипломатика частныхъ актовъ Московскаго періода. 3) Главнѣйшія направленія въ русской исторіографіи XVIII—XIX в.в.
- 1918—1919 г.г. 1) Методологія исторіи (часть II, отд. 2: методологія историческаго построенія). 2) Практическія занятія: а) по логикѣ социальныхъ и историческихъ наукъ, б) дипломатика частныхъ актовъ Московскаго періода.

А. Шиловъ и А. Андреевъ.

Александръ Сергѣевичъ Лаппо-Данилевскій.

(Опытъ истолкованія души ¹⁾).

„Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное“ (Мате. 5, 10).

Попытаюсь вызвать къ жизни образъ одного изъ тѣхъ, кто въ нынѣшніе тяжкіе дни ушелъ отъ насъ, по нашему человѣческому чувству, безвременно, чье имя и память можетъ и должна соединить многихъ и различныхъ въ нашей средѣ.

Говорить объ Александрѣ Сергѣевичѣ Лаппо-Данилевскомъ легко и радостно, но также трудно и горько. Первое—потому, что въ немъ воплощалось превосходное индивидуальное одушевленіе, и ощущаешь благо за людей и за русскихъ людей, что такой—былъ. Второе—потому, что онъ покинулъ землю въ моментъ выпаса разгоранія своихъ трудовыхъ и творческихъ энергій: потоки свѣта сосредоточенно и напряженно пылали въ немъ и струились отъ него въ различныя стороны, живили его, живили его дѣло, живили учрежденія, другихъ людей, дѣляя ихъ группы... Все сразу порвалось. Какое горестное крушеніе! Какое несчастье! Слабый духъ нѣмѣеть: почему? Какъ это возможно?—Легко и радостно говорить о немъ еще потому, что онъ былъ другъ мнѣ: счастье и гордость оттого волнуютъ душу; но трудно и горько потому, что отъ этого особенно остро ранить утрата, разлука.

Онъ былъ другъ: отъ этого усиливается отвѣтственность. Надо правду сказать: правда эта рисуется высокою, и надобно, чтобы повѣрили ей, а обычно относятся подозрительно къ пристрастію близкаго.

¹⁾ Настоящій „опытъ“ представляетъ собою расширенный текстъ рѣчи, посвященной памяти скончавшагося, сказанной на собраніи, устроенномъ Россійскою Академіею Наукъ въ прошедшемъ году для чествованія его личности и дѣятельности. По желанію редакціи я дополнилъ ее рядомъ выписокъ изъ записей и писемъ А. С. Переработать то, что выдѣлось тогда подъ грознымъ ударомъ неожиданнаго погрѣшенія, я не имѣлъ возможности, и меня гнететъ чувство невыдержанной отвѣтственности въ принятой на себя трудной задачѣ. Раскрыть такую сложную и богатую природу, показать сочетаніе такихъ рѣдкихъ свойствъ, одухотворенныхъ печатью первокласснаго дарованія,—кто бы могъ это сдѣлать удовлетворительно безъ очень глубокаго изученія всего оставленнаго имъ духовнаго наслѣдія, безъ долгаго усилія мысли? Подчиняюсь требованію друзей и учениковъ покойнаго, утѣшая себя сознаніемъ, что искренне сдѣлалъ все, что могъ, чтобы возстановить портретъ хорошаго лица угасшаго друга.

Sine ira et studio, „безъ ненависти и безъ любви“. Таково, говорятъ, условіе справедливой оцѣнки. Правильно ли? Ненависть, дѣйствительно, мѣшаетъ правдѣ, любовь же нѣтъ, если она одновременно рвется и къ человѣку, и къ истинѣ. Любовь помогаетъ правдѣ, ибо она помогаетъ знанію: только любимаго хорошо знаешь, таково наилучшее сочетаніе, особенно когда познаваемый и любимый, о которомъ хочешь сказать другимъ, хорошій человѣкъ и замѣчательный человѣкъ.

Не буду слагать „панегирика“, предвзятаго, отвлеченнаго, мертвеннаго восхваленія; хочу возстановить живого человѣка, съ плотью и кровью его, съ духомъ, наполнявшимъ конкретную личность. Но именно тутъ и надобно говорить о благомъ и славномъ въ А. С. Лапно-Данилевскомъ. Было въ немъ, конечно, и несовершенное, можетъ быть, и худое (немогущъ бываетъ всякій человѣкъ); но дѣнно хорошее, когда поминаешь дорогаго, великаго или просто крупнаго человѣка: слабое, дефектное естественно и по справедливости ступевывается передъ лицомъ понесенной утраты. Но и помимо этого: въ А. С. хорошее было именно характерно; несовершенное пребывало въ немъ „несмотря“ или „вопреки“; и это хорошее, неизмѣнно преобладавшее, было богатое, многоцвѣтное.

Вотъ это послѣднее, богатство индивидуализованности, безконечно осложняетъ задачу, когда движешься желаніемъ построить не формулу, схему, идеальный типъ выдающагося ученаго, мыслителя или также „d'un homme de bien“, а дать реальный контуръ, чтобы выросла передъ слушателями, читателями единичная фигура (идеографическимъ способомъ). Цѣльнаго образа, всезахватывающаго, всеуглубленнаго возродить и не въ силахъ,—слишкомъ много помнится, видится, слишкомъ близко, внезапно, ошеломляюще было исчезновеніе, катастрофа конца. Нельзя все ухватить, все обдумать, связать и обобщить. Постараюсь пока собрать матеріалъ для закрѣпленія памяти о духовной личности А. С., эскизировать силуэтъ его души.

Буду счастливъ, если не знавшимъ его вручу набросокъ своеобразія изумительнаго, рѣдкаго человѣка, а въ знавшихъ затрону подмѣченною правдою глубокія, звучавшія въ общеніи съ нимъ струны души, чтобы съ первыми вмѣстѣ воздать дань почитанія, со вторыми слиться въ общихъ слезахъ.

1.

О полномъ синтезѣ души (одушевленія) ушедшаго философа, ученаго, человѣка еще не мечтаю: до этого далеко; надо очень многое обдумать, переизучить, обработать, перечувствовать и дальше дивини-

ровать, чтобы поистинѣ все воплотить. Здѣсь будетъ предложенъ скромный опытъ объединеннаго воспоминанія объ А. С. словомъ близкаго ему человѣка, которое постараюсь осмыслить и освѣтить.

Стремлюсь возстановить конкретный ликъ, отказываюсь отъ конечнаго синтеза, но, тѣмъ не менѣе, когда подхожу и всматриваюсь въ духовныя очи А. С., тотчасъ же выявляется всесвязующая черта. Не у всякаго есть такая: бываютъ личности пестрыя, мутныя, расплывчатыя; но у него, да, она была, очень сильная. Какая?—Присутствуя на погребальномъ богослуженіи, когда мы провожали тѣло А. С. въ последнее земное жилище, укрѣпляя себя въ скорби по немъ упованіемъ на его вѣчную жизнь, я невольно прочувствовалъ душою всѣмъ намъ извѣстную заповѣдь—„блаженные изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное“. Да, это истина, утѣшающая истина, и это—заголовокъ къ начертанію жизни и личности А. С.

Понимаю слова не буквально, а внутренно. Главное въ нихъ сейчасъ для меня—„за правду“. Основная черта его—это неизмѣнная принципиальность: всегда за идею и по идеѣ—интеллектуально, въ познаніи истины, и этически, въ осуществленіи добра; слово и дѣло, вѣра, самимъ найденная или свободно принятая, и жизнь по ней. Изгнать его за это, въ связи съ этимъ—никто не изгналъ, но гнали многіе и многое, то-есть, страданіемъ за отысканіе правды и проведеніе ея были дѣйствительно вся его жизнь,—страстотерцемъ его можно назвать безусловно. Къ самому послѣднему году его жизни слово это прилагается съ особою силою, такъ какъ жизнь наша, будто отвергнувшая старую историческую неправду, все же жестоко удалилась отъ правды истинной во многомъ, что было особенно дорого его идеалу, несмотря на самоувѣренныя притязанія однихъ, несправимыя иллюзіи другихъ. Страданія его здѣсь были особенно жгучи за свободу, за достоинство родины, за просвѣщеніе, за миръ и законъ, за право и личность: всѣ эти цѣнности такъ попираются теперь.

Такая принципиальность—это призваніе, когда подумаетъ, всякій, его знавшій, съ полною ясностью и убѣжденіемъ,—пронизывала все существованіе А. С. отъ первыхъ, сознательныхъ лѣтъ до послѣдняго вздоха.

Кто бы изъ насъ могъ сказать про себя, какъ можно по праву сказать про него, что не потерялъ на праздноствіе и суету ни одного дня, можетъ быть, ни одного часа? Тутъ воплощалась и раздвигалась поразительная, прямо чудесная, трудоспособность, трудолюбовь: трудъ, какъ вторая натура, ставшій второю натурою въ силу небывалой выдержки съ юныхъ лѣтъ. Безукоризненная „серьезность“, идейность и идеализмъ, не только сознательные, но опять же ставшіе

необходимымъ приобрѣтеннымъ инстинктомъ, проникали каждый шагъ его. „Въ работѣ пребывающій“, мысль и стремленіе во всякую минуту бодрствованія, бодрствованіе, захватывающее почти все пространство и время жизни—таковы реальные признаки, характеризующіе его духовную поступь: каждый шагъ не только въ строгомъ смыслѣ рабочей, но и часть прогулки, отдыха, мимолетнаго разговора, минуты такъ называемаго развлеченія,—все это полное неослабѣвающей думы, строющей силы.

Такое явленіе выросло, какъ нѣчто неповторимое, единственное; я ни въ комъ нивогда не встрѣчалъ ничего подобнаго такой картинѣ внутренней жизни: неуклонность трудовой воли („Hier stehe ich; ich kann nicht anders“). Это могло казаться намъ, къ тому не способнымъ, сухостью, скукою, педантизмомъ; мы часто могли тяготиться такою неизмѣнностью; но какое то было по существу замѣчательное, восхищающее чудо духовности, побѣды духа.

Вотъ—Leitmotiv сложной симфоніи рѣдкой души.

Биографіи А. С. рассказывать не буду, нѣтъ здѣсь для этого мѣста, да и нужно эту биографію еще изучить и построить: такова дальнѣйшая забота друзей и учениковъ. Но сгруппировать наблюденія около нѣсколькихъ ея моментовъ надо: это даетъ стержень, на который нанизется ходъ развитія; въ его послѣдовательности и силѣ также обнаруживается характерная особенность личности.

2

Родился Александръ Сергѣевичъ Лаппо-Данилевскій 15 января 1863 года, въ деревнѣ Екатеринославской губерніи. Дѣтство онъ провелъ въ нѣдрахъ состоятельной и образованной дворянской семьи, въ культурной обстановкѣ помѣщичьяго быта, въ благоустроенной старой усадьбѣ (имѣнны „Удачное“), окруженной обширнымъ садомъ. Образъ этого житія хорошо освѣщенъ произведеніями нашихъ великихъ писателей, и мы сами, многіе изъ сверстниковъ А. С., отчасти вскормлены такою средою. Благо, если мы восприняли то, чѣмъ она была цѣнна въ положительномъ смыслѣ. Повидимому, мать его была выдающаяся женщина умомъ и характеромъ, и ея вліяніе стало первою растившею его нравственною силою. Еще въ дѣтствѣ онъ прожилъ съ родителями два года въ Швейцаріи, затѣмъ прошелъ курсъ гимназіи въ Симферополѣ, гдѣ отецъ его служилъ вице-губернаторомъ; окончилъ ее онъ въ 1882 году.

Уже отрочество и первая юность А. С. прошла, совершенно очевидно, въ напряженной духовной работѣ: зачинавшаяся мысль, раскрытая дѣтскою впечатлительностью, уже тогда являлась тайну міра

познать не только чувствомъ и мечтой, но усиліями, рано систематизировавшагося ума. „Аристократическая“ среда не оставила въ немъ непріятныхъ и жесткихъ, специфически „барскихъ“ чертъ— ни чванства, ни презрительнаго отношенія къ народу, ни праздничества, культа развлеченій, распушенности, легкомыслія, ни слѣда чего-нибудь подобнаго. Отъ „дворянскаго воспитанія“ въ немъ осталась, можетъ быть, нѣкоторая внѣшняя чопорность, педантическая чистоплотность, благообразіе манеры обращенія, корректность туалета, но, главное, хорошее знаніе иностранныхъ языковъ, знакомство съ Европою и тяга къ культурѣ, хорошій нижній слой образованія— все симпатичныя черты.

Тутъ же, въ юный періодъ его жизни заложены были въ немъ многія основныя стихіи его личности: такъ часто бываетъ съ выдающимися людьми; они въ принципѣ и въ миниатюрѣ готовы уже въ дѣтствѣ. Вотъ почему и важна обстановка, въ которой проходитъ дѣтство: важно, когда она слагается такъ, что врожденныя зерна не сохнутъ, а прорастаютъ. Какія же это были стихіи, образовавшія уже въ дѣтствѣ фондъ личности А. С.?—Во-первыхъ, любовь къ природѣ. Она жила въ немъ, сильная, широкая и тонкая. Онъ чувствовалъ и понималъ равно ея грандіозныя явленія, какъ и интимныя стороны: поднимался духомъ въ высшія сферы вѣчнаго при соприкосновеніи съ горными исполинами Альповъ или приливами океана, умилялся въ сердцѣ наплывомъ лирическихъ волненій при созерцаніи скромной картины русской деревни или своеобразнаго настроенія финляндскаго озера. Я самъ много жилъ съ нимъ лѣтомъ близко къ природѣ и на родинѣ, и на чужбинѣ, и хорошо ощущаю его глубокую привязанность къ многообразнымъ красотамъ земли. Недавно, за немного недѣль до его смерти шли мы съ нимъ и еще съ кѣмъ-то изъ Университета по набережной: передъ нами небо горѣло чуднымъ золотымъ закатомъ; мягко рѣлись подъ лучами срывающагося солнца стѣны зданій, куполы церквей, снѣжная пелена, покрывавшая улицу и рѣку... Кроткимъ, проникновеннымъ блескомъ сіяли голубые глаза А. С., и на предложенный ему вопросъ онъ съ растроганной грустью отвѣтилъ: „Да, я выросъ въ деревнѣ, съ тѣхъ поръ люблю природу“. Всѣ мы готовы сказать, что ее любимъ: но тутъ было не слово, а дѣйствительно нераздѣльная часть души, и природа обновляла свѣжестью его непрестанную трудовую страду.

Другою составною стихіею ранней юности А. С. былъ высокій и постоянный научный интересъ, не только дѣтская любознательность, но серьезное углубленіе. Онъ отдавался философіи уже гимназистомъ, увлекался популярною тогда „Исторіею философіи“ Льюиса,

знакомился, подѣ влияніемъ распространеннаго интереса къ позитивизму, съ Контомъ, также съ Миллемъ. Но онъ штудировалъ и исторію, много занимался античностью, основательно и воодушевленно изучалъ знаменитую исторію Греціи Грота. Еще въ гимназіи также притягивала его первобытная культура. Тогда новыя работы Тэйлора ввели его въ эту отдаленнѣйшую древность человѣка; вслѣдъ за Спенсеромъ онъ вдумывался, и въ вопросы соціологіи.

Затѣмъ еще одна сила уже съ весны его жизни наполняла душу юнаго А. С. вдохновеніемъ, будила и двигала его и доставляла радость. То была музыка. Не знаю, кто первый обучалъ его игрѣ на фортепьяно, но игралъ онъ ужъ ребенкомъ, а потомъ достигъ въ этомъ искусствѣ большого совершенства, и оно сопровождало его научныя занятія, какъ вѣрный другъ, давая могущественную поддержку. Онъ сталъ не только любителемъ, но и знатокомъ музыки, серьезнымъ цѣнителемъ, даже композиторомъ. Онъ не только много зналъ и много исполнялъ, но много и писалъ музыкальныхъ произведеній, обладалъ здѣсь своеобразными вкусами; музыка была для него лучшимъ наслажденіемъ и отдыхомъ: это—интересная сторона внутренняго міра А. С., о которой, быть можетъ, по изученіи оставленнаго имъ матеріала, есть что сказать важное для уразумѣнія его натуры. Художественная литература, поэзія, спеціально родная, думается въ тѣ времена вліяла на него меньше.

Внутри семьи, которая росла дѣтство А. С., господствовали, видимо, добрыя отношенія (у него были братья и сестры) и сознание обязанностей другъ къ другу, но также и болѣе тѣсныя и задушевныя чувства. Все это объединялось строгимъ складомъ—трудись и учись! Впрочемъ, послѣдній, быть можетъ, былъ индивидуальнымъ его привнесомъ въ традицію дома, однако, и вообще серьезную.—Сильно и глубоко былъ проникнутъ А. С. въ ранней юности религіозностью, не ходячею, поверхностною, а глубокою, постоянно владѣвшею имъ мыслью о Богѣ, неослабнымъ стремленіемъ озарить повседневность образомъ высшаго, вѣчнаго, стать подѣ покровительство абсолютнаго начала. Такая углубленная религіозность нерѣдко являетъ собою особенность выдающагося дѣтства: напрасно склонны мы часто умалять содержательность дѣтской души¹⁾.

¹⁾ Самъ А. С. хорошо говоритъ объ этомъ въ первые студенческіе годы: „Что за чудная, прелестная, таинственная поэзія скрыта въ той загадкѣ природы, которую мы называемъ—дѣти! Сколько прелести въ его глазахъ, которые такъ удивленно и съ такимъ наслажденіемъ смотрятъ на предметы, для нихъ совершенно новыя, интересныя, а для насъ уже свучныя и пошлыя. Какую невиданною дышать уста, которые не привыкли еще наслаждаться надѣ людьми и Богомъ и смѣяться

Мнѣ бы хотѣлось побольше здѣсь объ этомъ сказать: религиозностью или безбожіемъ дается вѣдь основная окраска личности. Для далекаго прошлаго А. С. существуетъ по этому вопросу интересный матерьялъ. Отъ его молодости осталась переплетенная въ сафьянъ „зеленая книжка“. Какъ видно изъ надписи, она подарена была ему тетужкою М. Ѳ. Чуйкевичъ, видимо, имѣвшею на него сильное вліяніе, когда ему шель одиннадцатый годъ: „A mon cher neveu et ami Alexandre Lappo-Danilevsky, pour y mettre toutes les bonnes idées qu'il aura, ou qu'il entendra, en souvenir de sa tante et amie Mary Tchoukévitch. Le 30, août 1873, Vevey“.—Такое назначеніе книжка, въ самомъ дѣлѣ, и получила. Въ ней содержатся записи и выписки, относящіяся ко времени отъ 1875 по 1886—87 г. г. Ихъ не очень много, но онѣ чрезвычайно характерны. А. С. говоритъ, что она не разъ служила ему матерьяломъ для „examen de conscience“¹⁾. Страницы „зеленой книжки“ открываютъ многое во внутренней жизни А. С. за указанные годы; можно узнать изъ нея, что имъ читалось²⁾ что думалось, куда стремилась душа. И замѣчательно: всѣ записи отъ начала до конца проникнуты здѣсь вѣрою въ смыслъ бытія. „Уже одно то, что міръ существуетъ (пишется, вѣроятно, на девятнадцатомъ году), служить достаточнымъ доказательствомъ того, что онъ не случайное явленіе, не игралище судьбы“.

Такой смыслъ юный А. С. находитъ, главнымъ образомъ, именно въ религіи, и она у него, видимо, не вступаетъ въ конфликтъ съ наукою. Это также очень замѣчательная черта: уразумѣніе такъ рано различія плѣей между ними, возможности согласованія относительной истины, добываемой наукою, со всеобъемлющею правдою

надъ тѣмъ, что свято и нерушимо! Съ какимъ удовольствіемъ мовторяють они одно слово за другимъ, съ наслажденіемъ прислушиваясь къ незнакомымъ звукамъ. Все его интересуетъ, на все онъ обращаетъ вопрошающіе взоры“.

¹⁾ Въ одной писемѣ изъ Рима (27 апр. 1902 г.) къ женѣ читаемъ: „Ты пишешь про зеленую книжку съ замочкомъ. Недавно мнѣ пришла въ голову мысль, какъ въ сущности рѣдко каждый изъ насъ остается наединѣ съ самимъ собой, и какъ полезно было бы иногда углубляться въ самого себя, или, напротивъ, выйти изъ себя и посмотреть на себя со стороны. И вотъ подъ вліяніемъ такой мысли я и достала зеленую книжку. Просмотри ее. Въ ней искренно, хотя высокопарно, высказано нѣсколько настроеній, которые тогда переживались. Жаль, что не удалось продолжать; можетъ быть, я стала бы лучше; во всякомъ случаѣ, душевная жизнь развивалась бы послѣдовательнѣе“.

²⁾ Ясно видно, что чтеніе было постоянное, вдумчивое, содержательное. Упомянуты древніе авторы (Сократъ, Платонъ, Аристотель, трагики, Цицеронъ, Сенека) и новые философы (Монтескье, Вольтеръ, Кантъ) и политическіе писатели (Макъявелли), мемуаристы, Гюго, Карлейль, великіе поэты, больше иностранцы, отчасти русскіе.

религіи. По мѣрѣ того, какъ самъ А. С. переходитъ къ болѣе подвинутому возрасту, религіозность его, запечатлѣвшаяся въ зеленой тетрадкѣ, изъ сферы простого, дѣтскаго, христіанскаго благочестія, внушеннаго матерью, поддержаннаго и обвѣяннаго природою, распространяется на болѣе глубокіе вопросы вѣры и міропониманія. Она захватываетъ область нравственнаго бытія, вдохновляетъ и научное познаніе.

Первыя записи относятся еще къ дѣтскимъ годамъ (1875, 1877). Часто писаны онѣ по французски и представляютъ сначала наивныя размышленія на религіозной основѣ и съ религіозною же санкціею.

Но довольно рано чувствуется стремленіе „осмыслить“ вѣру: „Je crois sincèrement, je suis chrétien, je le dis tout haut, moins parce que je suis né dans cette religion, mais parce qu' ayant examiné je n'ai pas trouvé un maître plus doux que Jésus Christ et une loi plus sainte que la sienne“ (24 декабря. 1877 г.). Сознаніе (разумъ) и воля для него тогда же становятся предметами почитанія понимаются, какъ пути роста личности, работѣ ихъ онъ отдаетъ силы, ищетъ въ нихъ опоры. Въ той же книжкѣ, видимъ, еще въ гимназическія времена выдвигается тезисъ Платона: „Ἡ σοφία τοῦ ἀνθρώπου εὐδαίμονας ποιεῖ“. „Тѣ νικῶν ἑαυτὸν αὐτὸν πασῶν τῶν νικῶν ἀρίστη“. Тутъ же звучитъ призывъ Аристотеля: „Ἐἰ φιλοσοφητέον φιλοσοφητέον, εἰ δὲ μὴ φιλοσοφητέον, φιλοσοφητέον, πάντως δὲ φιλοσοφητέον“.

Но ни эмпирикомъ, ни рационалистомъ онъ быть не можетъ. Въ началѣ 1882 года онъ размышляетъ: „Умъ нашъ слишкомъ неровенъ, воображеніе слишкомъ слабо для того, чтобы представить себѣ безконечность. Какія бы усилія мы ни употребляли, какъ бы ни напрягали наши способности, а все представляется намъ пространство ограниченное. Поэтому человекъ, который погрузится умомъ и духомъ въ безконечныя пространства вселенной, или долженъ сойти съ ума, или сдѣлаться религіознымъ, ибо безконечность свойственна и граничить съ Божествомъ. Пусть человекъ погрузится въ эти неизмѣримыя пространства, среди которыхъ блистаютъ одинокіе, незнакомые намъ міры, пусть углубится въ этотъ міръ чудесъ и увидимъ тогда, посмѣетъ ли онъ такъ же гордо поднимать главу свою, какъ прежде, тогда посмотримъ, будетъ ли онъ считать себя господиномъ природы?!.. Тогда то онъ почувствуетъ свою ничтожность, тогда увидитъ всю мелочь каждодневной жизни своей, которая поглощаетъ однако, всѣ его умственные силы и нравственныя способности, всѣ лучшія его идеи и стремленія. Ничтожество! Песчинка въ громадной пустынѣ, атомъ въ неизмѣримомъ тѣлѣ—вотъ, что человекъ матеріальный предъ вселенной и человекъ духовный предъ Богомъ. Какъ

умъ нашъ не можетъ постигнуть абсолютной безконечности вселенной, такъ душа не можетъ узнать абсолютнаго Божества, Бога. И въ то, и въ другое мы должны вѣрить. А между тѣмъ ученые матерьялисты вѣрятъ лишь въ то, что доказано опытомъ. Безумные! Не разительное ли доказательство представляетъ вамъ сама природа о томъ, что есть вещи которыя для васъ непостижимы! И неужели то, чего не понимаетъ вашъ слабый, земной, человѣчскій, ограниченный ничтожный умъ, того не можетъ и не должно существовать въ природѣ?! Какая дѣтская и странная претензія! И можетъ ли она увлечь мудраго человѣка?“

А С. такимъ образомъ признаетъ и чувствуетъ два пути познанія. Въ ту же, приблизительно, пору жизни онъ вписываетъ въ свою тетрадь слова Гизо о двухъ способахъ открытія истины: „La religion et la philosophie diffèrent entre elles. L'une vient de l'homme, avide de connaître, l'autre est la lumière qui vient de Dieu“. И, говорю, объ великія стихіи, научная и религіозная не вступаютъ здѣсь въ борьбу одна съ другой въ его душѣ. Фазы атеизма, горделиваго самомнѣнія „научника“ А. С. въ юности, какъ кажется, не пережилъ. Онъ съ радостью выписываетъ слова Линнея, которыми тотъ открываетъ свою *Systeme de la nature* (1735 г.): „*Deum sempiternum, immensum, omnipotentem, omniscium, expergefactus a tergo transeuntem vidi et obstupui*“.

Внутренняя религіозность освѣщаетъ всѣ юношескіе годы А. С. Л.-Д—скаго, не только гимназическіе, но и студенческіе. Она выражается въ постоянной мысли объ абсолютномъ, сочетаясь съ первыми опытами философскихъ построеній; она вызываетъ живую потребность непосредственнаго участія въ культѣ церковномъ, сопровождается высокими и сильными молитвенными настроеніями. Въ послѣднемъ смыслѣ чрезвычайно интересно сохранившееся (вѣроятно, отъ 1886 года), составленное имъ полустихотворное воззваніе къ Богу:

Господь Всемогушій!
 Духъ Святый и Всесильный!
 Разрѣши мои сомнѣнія
 И откройся мнѣ.
 Откройся въ тваряхъ земныхъ и небесныхъ,
 Откройся въ порядкѣ мірозданія,
 Откройся въ Тобой представленной
 Гармоніи вселенной.
 Или погрузи умъ мой въ нирвану бытія
 И не сражай его сіяніемъ истины;
 И оглуши его ударомъ грома,
 Чтобъ не мучиться ему желаніемъ
 Услышать то, чего не слышитъ,

И ослѣпи его Ты молніей съ небесъ,
 Чтобы тщетно не напрягать мнѣ зрѣніи
 Въ безысходной тѣмѣ...
 Песчинка на днѣ морскомъ—могу ли я
 Подняться надъ волной на чистый воздухъ,
 Чтобы урѣть лучи божественнаго солнца?!...
 Господи! Разверзи Ты пучины водъ морскихъ,
 Которыя слились надо мною непроглядной тьмой.
 Разверзи ихъ и освѣти меня
 Лучомъ Твоимъ святымъ!
 Возьми всю жизнь мою ничтожную назадъ,
 Страхни меня въ зияющую бездну
 Мученій адскихъ, вѣчныхъ мукъ,
 Но мигъ мнѣ дай полнѣйшаго сознанія—
 И я паду передъ Тобой ницъ!

Такъ переходитъ А. С. безъ ощущенія переворота къ годамъ университетскаго ученія. Такого переворота, крушенія стараго, внезапнаго откровенія новаго, видимо, не было; происходилъ органической ростъ. Это не означаетъ, конечно, что все развитіе совершалось безболѣзненно, идилично, мирно и спокойно: рѣзкой грани тутъ не образовалось, но бури поднимались навѣрно ¹⁾).

А. С. поступилъ въ Петербургскій Университетъ осенью 1882 года, избравъ для себя историко-филологическій факультетъ, и уже ясно намѣтилъ себѣ дорогу ученой дѣятельности.

Онъ принесъ въ Университетъ широкіе идейные интересы, глубоко выросшую любовь къ наукѣ и уже замѣчательное умѣніе тру-

¹⁾ Отраженіе подобныхъ раннихъ бореній духа видимъ въ одной записи, непосредственно слѣдующей въ „Зеленой книгѣ“ за приведенной выше молитвой. „Въ наше время мыслящій человекъ, у котораго сознаніе не ограничено узкою сферою специальныхъ интересовъ, можетъ желать или уничтоженія этого излишка познанія, или уничтоженія субъекта, у котораго окажется такой излишекъ. Первое, какъ данное, невозможно, а если бы и было возможно, то представляло бы умышленное уродство. Второе достигается медленнымъ или быстрымъ, эгоистическимъ или альтруистическимъ самоубійствомъ. Но самоубійство есть *contradictio in adiecto*. Таковы слѣдствія рационализма; онъ приводитъ не только къ жалкому, но логически невозможному заключенію.—Необходимо вѣрить въ возможность чего-нибудь лучшаго, Но вѣра, какъ явленіе субъективнаго свойства, требуетъ объекта, которымъ тутъ является неизвѣстность.—Итакъ отъ незнанія является вѣра, объектомъ которой служитъ неизвѣстность. Но неизвѣстность, какъ объектъ есть не что иное, какъ отрицаніе всякаго объекта. Отсюда вѣра въ такой объектъ—*contradictio in adiecto* и слѣдовательно невозможность единственно возможнаго идеализма.—Блестящій результатъ всего предшествующаго изслѣдованія: знакъ вопроса, который служитъ знаменіемъ философіи отчаянія.“—Подъ логической терминологіей отрывка чувствуется скрытая душевная буря.

дятся. Съ самаго начала основнымъ центромъ его занятій стала русская исторія, хотя не забывались и другія, уже сдѣлавшіяся любимыми области: исторія всеобщая, философія, археологія, привязанность къ которой возникла изъ интереса къ доисторической культурѣ. Изъ такого сочетанія занятій выросъ первый научный опытъ А. С., изслѣдованіе о „Скиѣскихъ древностяхъ“, написанное еще во время студенчества, потомъ переработанное и напечатанное (въ 1887 году). Здѣсь какъ бы соединялись русская исторія, античность и археологія, а также въ смыслѣ методы, изученіе вещественныхъ и художественныхъ памятниковъ и анализъ письменныхъ источниковъ,—осуществлялись стремленія къ синтетическому построению.

Въ Университетѣ А. С. поражалъ не только однокурсниковъ, но и старшихъ товарищей и профессоровъ своею „ученостью“ и изумительно серьезнымъ складомъ всей своей фигуры. Онъ импонировалъ всѣмъ, его уважали, нѣкоторые даже преклонялись. Импонировалъ,—да! По вызывалъ ли симпатію? Последнее—меньше и въ болѣе тѣсномъ кругу. Въ его наружномъ видѣ было что-то, дѣйствующее непріятно, по внѣшности, холодное, замкнуто-недоступное, можно было думать, высокомерное, горделиво индивидуалистическое. Происходило это отъ совершавшейся внутри его и незаконченной еще работы, связанной съ борьбой духа. Высокая требовательность къ себѣ вызвала строгое отношеніе къ жизни, обостряла юношеское самолюбіе, которое иногда развивалось съ болѣзненной силой. Ощущеніе собственныхъ недостатковъ вызывало осторожное отношеніе къ другимъ, иногда недоверіе, боязнь потерять достоинство. Кромѣ того, онъ былъ застѣнчивъ, недружелюбенъ и неуклюжъ, шероховатъ... Это приводило часто къ неловкой манерѣ при обращеніи съ другими (но именно манерѣ, внѣшности), къ отчужденности, это придавало его фигурѣ „накрахмаленный“ видъ.

Такая невыгодная особенность собственнаго склада сильно чувствовалась имъ самимъ и причиняла большую душевную тягость, породжала усилія изъ нея выйти; это приводило къ борьбѣ, не всегда удачной. И это скрывало отъ многихъ кругомъ таившіяся въ немъ драгоценныя, не для него одного, блага души, рисовало совсѣмъ несоответствующій внутреннему содержанію обликъ¹⁾. Кто зналъ А. С.

¹⁾ Какъ часто такое несоответствіе формы и содержанія приводитъ къ очень тяжелымъ послѣдствіямъ и для самого человѣка, и для встрѣчающихся съ нимъ! А. С. въ письмахъ и словахъ съ близкими очень рѣзко осуждаетъ себя, прилагая къ себѣ совсѣмъ незадуманные эпитеты: „безчувственнаго“, „чурбана“, „деревашки“. Видно, какъ онъ страдалъ отъ такого несоответствія.

и чувствовалъ его настоящую природу, скорбѣлъ за него и за себя; кто его любилъ, тѣ рвались помочь ему въ этомъ, ближе подойти къ нему и его сблизить съ другими. Мнѣ попалось среди интимныхъ бумагъ А. С. очень интересное въ этомъ смыслѣ стихотвореніе, написанное близкимъ товарищемъ его отроческихъ лѣтъ. Хочется его здѣсь привести: оно вскрываетъ и личность юнаго А. С., съ нѣкоторыхъ сторонъ его характера, и его позицію въ общеніи съ другими, именно въ описываемую пору (помѣчено 30 апрѣля 1885 г., СПб.):

Ты дивно такъ игралъ!
 О другъ... о братъ...
 Ты душу отъ меня скрывалъ,
 Но звуки тайну не хранить.

Они восторженно звучали
 И твою душу рассказали.

И слушалъ радостно я пѣснь твою!..
 Она то ропотомъ ручья звучала,—
 Какъ громъ весенній грохотала,
 Загла восторгомъ грудь мою!

Къ чему добро свое таишь,
 О, милый братъ?
 Зачѣмъ ты людямъ не даришь
 Свой свѣтлый взглядъ?
 Всегда угрюмо молчаливъ,
 Сидишь все самъ...
 Пренебрежительно слѣсивъ
 Къ своимъ друзьямъ...
 Зачѣмъ не льнешь душой
 Ты къ сердцу ихъ?
 Не ищешь межъ толпою
 Ты душъ родныхъ?

Ищи, ищи людей,
 Пока еще не поздно,
 Пока въ душѣ твоей
 Страсть не бушуетъ грозно.
 Еще ты мягокъ такъ,
 Хотѣ кажешься сердитымъ...
 Слѣши къ дверямъ раскрытымъ,
 Мой дорогой чужакъ!
 Межъ нестройю толпою,
 Что у дверей толчется,
 Съ возвышенной душой,
 Вѣрь, не одинъ найдется.
 Подойди же руку имъ зови къ себѣ!
 И солнце ласковѣй покажется тебѣ.

Въ этихъ словахъ обращенія замѣчательное пониманіе и духовной сути челоуѣка (юноши-друга), и того, что можно назвать тогдашнею драмою его души. А. С. именно усиленно и стремился къ тому, къ чему его зоветъ другъ дѣтства; онъ только не могъ еще побѣдить диспаратности свойствъ не гармонизировавшейся пока природы, и необузданныхъ еще чувствъ эгоистическаго противопоставленія себя другимъ, неслиянности еще идеи своего и общаго блага. Но работа для такой цѣли—моральная борьба за торжество альтруизма, за общеніе съ людьми и челоуѣчествомъ, черезъ ощущеніе единства связующаго всѣхъ міра, подобная работа постоянно и страстно наполняла его. Это убѣдительно доказывается рядомъ характерныхъ записей, сохранившихся отъ тѣхъ временъ. Дорожа возможностью возстановить всякій слѣдъ подлиннаго челоуѣка, приведу изъ нихъ рядъ много объясняющихъ мѣстъ.

„Тотъ, кто жалуется, пишетъ А. С. въ 1886 г., на жизнь, не умѣетъ брать того, что она ему даетъ. Небесный сводъ съ тысячами вѣчно сіяющихъ міровъ, среди которыхъ льется порою серебристый и кроткій свѣтъ задумчивой луны, деревья, украшенныя зелеными кудрями, съ скрывающимся подъ ихъ сѣнью цѣлымъ міромъ, малѣйшая часть котораго, расскажетъ ему столько, сколько онъ не найдетъ ни въ одной книгѣ, писанной рукою челоуѣка, расскажетъ ему всю мудрость творенія и предуставленную гармонию вселенной, доступной скорѣе чувству и вѣрѣ, чѣмъ чистому разуму, наконецъ, и окружающій міръ, чужая радость, свѣтлыя надежды или счастье окружающихъ, такихъ же людей, какъ онъ самъ, вотъ то, въ чемъ онъ всегда найдетъ покой, душевную, глубокую радость, не ту, которая выражается въ крикахъ, смѣхѣ, громкой рѣчи, самодовольствіи, а ту, которая равносильна теплой и нѣмой молитвѣ Творцу Вселенной. Радоваться чужою радостью, вотъ-то, что можетъ быть для него при такихъ условіяхъ большимъ счастьемъ“.

Дальше еще сильнѣе подчеркивается важность и высота такого сорадованія людямъ. „Мы, обыкновенно, больше сочувствуемъ людскому горю, чѣмъ людскому счастью. Это происходитъ отъ эгоизма нашей натуры. Когда челоуѣкъ несчастливъ, онъ больше всего поражаетъ насъ, ему сочувствуетъ не только тотъ, кто самъ испыталъ тоже, но даже и тотъ, кто о его несчастіи мало имѣетъ понятія. Послѣднее происходитъ потому, что несчастье въ челоуѣкѣ не несчастномъ всегда возбуждаетъ сравненіе съ собственнымъ положеніемъ, если и не вполне счастливымъ, то лучшимъ, чѣмъ положеніе несчастнаго. Такое сравненіе ведетъ къ развитію извѣстнаго довольства своимъ положеніемъ, а при такомъ довольствѣ ему какъ бы

свысока ничеѣ не стоить удѣлить немного соболѣзнованія ближнему. Это—крохи, которыя падаютъ со стола богача въ нищенскую суму сосѣда, а не радушный пріемъ и здоровый кусокъ мяса и хлѣба, который мы могли бы и должны были бы ему предложить“.

Можетъ быть, здѣсь нѣсколько обезцѣнивается нравственная основа состраданія, но сейчасъ важно подчеркнуть, какъ занималъ А. С. вопросъ о преодолѣніи эгоизма и одиночества. Онъ продолжаетъ: „За то счастливы часто возбуждаютъ въ насъ чувство приниженности, какъ бы оскорбляютъ насъ своимъ счастьемъ. Мы не всегда сочувствуемъ ихъ радости, еще меньше радуемся ей: иногда стараемся указать на недостатки этого счастья, чтобы смирить чувство грубаго эгоизма, которое имъ развивается, иногда стараемся не обращать на чужое счастье вниманія. Да и сами счастливы иногда не нуждаются въ посторонней симпатіи, что, конечно, еще больше возбуждаетъ въ насъ чувство оскорбленности, одиночества. Только истинно развитыя нравственно природы могутъ быть счастливы личнымъ счастьемъ лишь тогда, когда окружающіе сочувствуютъ ихъ счастью... И такое участіе въ счастіи другихъ нравственно выше, чѣмъ участіе въ несчастіи... Этотъ взглядъ поясняетъ намъ, почему въ мірѣ мы чаще встрѣчаемся съ тѣмъ, что называемъ Weltschmerz, а не видимъ Weltlieben“.

Нѣтъ возможности привести здѣсь всѣ характерныя мысли, занесенныя А. С. въ очень цѣнную для насъ, любящихъ его, „Зеленую книжку“; но мнѣ особенно важны тѣ выраженія, какія обнаруживаютъ его моральныя и религіозныя „aspirations“. Въ этомъ смыслѣ остановлюсь еще на двухъ записяхъ, относящихся къ тѣмъ же годамъ. Въ одной хорошо вырисовываются его отношеніе къ людямъ—человѣчеству: „Любить людей—идеаль, достижимый въ извѣстной степени. Это менѣе пугаетъ слухъ своею отвлеченностью, чѣмъ выраженіе „любить челоѣчество“. Въ любви всегда должна заключаться доля почтенія. Поэтому, любя челоѣчество, мы вмѣстѣ съ тѣмъ почитаемъ его, уважаемъ въ немъ его хорошія стороны. Но сказать, что мы поклоняемся челоѣчеству, какъ то утверждаютъ позитивисты, мы не можемъ, ибо поклоненіе можетъ быть только совершенному существу и требуетъ безграничнаго почитанія, котораго никто изъ насъ не способенъ оказывать челоѣчеству, зная всѣ недостатки послѣдняго“. Въ только что приведенныхъ словахъ интересенъ протестъ религіознаго спиритуализма противъ проповѣди „религіи челоѣчества“, которая, какъ разъ въ тѣ годы, велась въ кружкахъ, близкихъ А. С., русскимъ, очень искреннимъ и замѣчательнымъ религіознымъ позитивистомъ Вильямомъ Фреемъ.

Другое размышленіе, которое очень хочу тутъ же цитировать, открываетъ путь къ пониманію его ощущенія космической жизни: „Жизнь въ борьбѣ,—вотъ мигъіе весьма многихъ. По моему, жизнь—въ любви, въ любви не частной, принимающей во вниманіе индивидуальныя интересы немногихъ и тѣмъ самымъ отрицающей интересы, имъ противоположныя, имѣющіе, можетъ быть, разумное основаніе, основанной на личномъ семейномъ или даже національномъ эгоизмѣ, иначе называемомъ патриотизмомъ, но въ любви, обращенной на все живущее, въ доброй волѣ, благорасположеніи ко всему сущему,—въ любви, основанной на сознаниіи самого себя, какъ части міровой души, и вытекающемъ отсюда чувствѣ гармоніи, высшаго, нерушимаго счастья и душевнаго покоя. Такая любовь доступна немногимъ; ея, можетъ быть, и не пойметъ большинство; но приблизиться къ ней можно и должно. Лишь въ такомъ смыслѣ справедлива мысль о томъ, что цѣль жизни—нужно понимать въ самой жизни. Что такое моя личная жизнь сама по себѣ? Жалкій и бессмысленный обрубокъ безъ начала и конца, меня вовсе не удовлетворяющій. Но если я на себя взгляну, какъ на частицу вселенной, а на свою жизнь, какъ на микроскопическую долю мірового процесса, я буду видѣть отчасти начало и конецъ такой жизни. Конечно, и то, и другое будутъ все же относительны; но относительность эта настолько велика, что большая ея степень, можетъ быть, превышала бы силы нашего ограниченнаго ума, судя по прошедшему и настоящему его развитію, но никакъ не предрѣшая его будущаго“. Такую мысль слѣдуетъ отмѣтить: она развивается и остается любимой и въ дальнѣйшемъ движеніи его духа.

Здѣсь же выписаны слова Гете:

Wer nicht mehr liebt und nicht mehr irrt,
Der lasse sich begraben.

3.

Именно въ эти годы, которые полны были для него такого огромнаго, страшно напряженнаго внутренняго труда (научнаго, философскаго, моральнаго, религіознаго), пришлось мнѣ впервые встрѣтиться съ А. С. и съ тѣхъ поръ (съ 1884—85 г.) до послѣднихъ дней отношенія наши не только не прерывались, но постоянно шли ко все тѣснѣйшему сближенію.

Скажу: кто умѣлъ подойти къ А. С., заинтересоваться и сдѣлать первые активныя шаги для знакомства съ нимъ, тѣ быстро начинали

чувствовать его духовную, а потомъ и шире—душевную высокую цѣну.—Встрѣча наша произошла на почвѣ общей работы въ тогда проходившемъ свои краткіе лучшіе годы „Студенческомъ Научно-Литературномъ Обществѣ, при СПБ. Университетѣ“. Мнѣ довелось уже сообщить въ печати дорогія для меня воспоминанія о дѣятельности этого общества, его предѣлатель, профессоръ О. Э. Миллеръ и руководящихъ членахъ и о превосходномъ началѣ, которое ставилось въ основу его дѣла группою его главныхъ сотрудниковъ, отдавшихъ ему душу. Я (по справедливости), назвалъ эту группу „ольденбургскимъ кружкомъ“, ибо братья Ольденбурги, нынѣшній академикъ Сергѣй Федоровичъ и его скончавшійся въ 1914 г. замѣчательный братъ Федоръ Федоровичъ, были ея вдохновителями и первыми работниками¹⁾.

Прекрасною цѣлью, какую ставило себѣ Общество, было объединить идеалистическое студенчество около научной работы, какъ лучшаго въ переживаемой имъ фазѣ или возрастѣ орудія подготовки къ жизни, какова бы эта жизнь ни оказалась, специально ученая или общественная. Въ послѣднемъ смыслѣ направленіе Общества было ярко и опредѣленно прогрессивное, и оно стремилось противопоставить такую одушевленную благородною цѣлью „жить для другихъ“ научную работу, какъ карьеризму, такъ и преждевременному политиканству и революціонерству.

Въ Обществѣ царилъ прекрасная, поднимающая духъ идейная и дружеская атмосфера. А. С. Л.-Д-скій, какъ нельзя лучше, подходилъ къ тому, чтобы стать виднымъ и убѣжденнымъ его членомъ. Ф. Ф. Ольденбургъ, обладавшій изумительною способностью угадывать людей, сдѣлалъ первые шаги для его привлеченія, и мы видимъ А. С. въ числѣ центральныхъ дѣятелей Общества. Онъ работалъ въ его „Научномъ Отдѣлѣ“, какъ представитель своего предмета, русской исторіи; былъ нѣсколько лѣтъ его безукоризненнымъ секретаремъ; онъ читалъ солидные и авторитетные доклады, участвовалъ въ коллективныхъ предпріятіяхъ Общества, былъ однимъ изъ основателей специального „историческаго кружка“ въ его нѣдрахъ. Особенно помню любопытное выступленіе его съ оригинальною, самостоятельно построенною имъ теоріею прогресса. Не знаю, остался ли онъ вѣрней ей до конца; но тогда она изобличала въ немъ сильную, строящую мысль, глубокую уже склонность къ теоретическимъ вопросамъ общественнаго и любовь къ симметричнымъ схемамъ, заимствующимъ приемы изъ сферы математическаго мышленія.

¹⁾ См. журналъ „Былое“, 1918 г. № 12.

Въ эти именно годы А. С. окончилъ университетъ (1886 г.) и былъ оставленъ при немъ „для приготовленія къ профессорскому званію“. Научный ростъ его совершался быстро и съ удивительною интенсивностью и широтою.

Больше всего его привлекалъ изслѣдовательскій трудъ, и онъ тутъ же погрузился въ разработку для будущей магистерской диссертациі чрезвычайно сложной и трудной темы—„О прямомъ обложеніи въ Московскомъ Государствѣ“. Для выполненія задачи требовались огромныя разысканія по существу и разнообразныя Vorstudien и Nebenstudien: собрать надо было безконечно много матерьяла, печатнаго и архивнаго. А. С. принялся за дѣло съ неутомимою методичностью и несокрушимою стойкостью. Онъ систематически долженъ былъ рядомъ съ этимъ пополнять свои свѣдѣнія по юридическимъ наукамъ особенно по государственному и гражданскому праву, по экономической и финансовой наукѣ и по статистикѣ. Все это дѣлалось съ необычайностью послѣдовательностью, изумительнымъ терпѣніемъ, шагъ за шагомъ, и бодрость этого шага усиливалась отъ убѣжденнаго увлеченія предпринятымъ большимъ дѣломъ, поднятою moles.

Кабинетная работа не исчерпывала трудовой дѣятельности А. С. Онъ занялся преподаваніемъ, прежде всего, въ среднихъ школахъ, и хоть такая профессія не очень была ему по душѣ, но и сюда онъ вносилъ добросовѣстное вниманіе и углубленную мысль. Сочувственно отзывался онъ и на исходившую изъ близкихъ ему круговъ частную инициативу расширенія организациі высшаго образованія. Когда закрыть былъ пріемъ по распоряженію министерства на „Высшіе Женскіе Курсы“, нашъ кружокъ, остающіеся дѣятели уже закрытаго правительствомъ „Научно-Литературнаго Общества“, затѣялъ устройство университетскаго преподаванія гуманитарныхъ наукъ для группы дѣвушекъ, выброшенныхъ за порогъ высшей школы, А. С. принялъ въ дѣлѣ живѣйшее участіе и читалъ въ этой компаніи, которую мы полушутя называли „Женскимъ Университетомъ“, оригинальный курсъ первобытной культуры ¹⁾.

Но главныя силы большого духа А. С. влеклись и сосредотачивались на внутренней работѣ. Неуклонно двигалась вперед и двигала всю жизнь его философская, все углубляющаяся мысль. Постепенно, можно сказать, философъ въ А. С. Л.-Д.—скомъ начиналъ преодолѣвать историка, но отъ первоначально избраннаго призванія онъ

¹⁾ Въ организациі принимали дѣятельное участіе уже ушедшіе изъ жизни І. А. Клейбергъ и М. А. Дьяконовъ, затѣмъ, конечно, братья Ольденбурга, Н. Н. Ланге, М. И. Свѣшниковъ и др.

не отказался до конца, и его философствованіе всегда служило цѣлямъ и интересамъ исторіи, какъ онъ понималъ ихъ, и какъ это пониманіе развивалось, выростая въ концепцію широкой полноты и стройности.

Такимъ могущественнымъ философско-историческимъ основнымъ влеченіемъ опредѣлялись разнообразіишія, — но всѣ серьезно научныя штудіи (цѣлая комбинированная серія), которымъ онъ находилъ время и силы предаваться съ тою равномѣрностью, какую онъ былъ способенъ установить въ распредѣленіи своего дня.

Рядомъ съ науками юридическими и экономическими, необходимыми ему для специальныхъ изслѣдованій по русской исторіи въ избранной имъ области, онъ систематически прошелъ, одинъ и самостоятельно, прибѣгая лишь къ отдѣльнымъ совѣтамъ выдающихся знатоковъ, полный курсъ математическаго факультета въ интересахъ всесторонняго обоснованія своихъ философскихъ идей. Онъ пережилъ даже полосу особаго увлеченія математикой и выработывалъ цѣлую систему символизациі идей всякаго рода, философскихъ, историческихъ, моральныхъ, даже житейскихъ, бѣглыхъ замѣтокъ математическими знаками, установилъ для себя специальный отвлеченный схематическій языкъ или алфавитъ¹⁾.

Рядомъ съ чистою математикою онъ изучилъ и физіку, химію, астрономію, знакомился съ основными отраслями и естественнаго, — занимался очень много исторіею науки. Такъ залагалъ онъ въ себѣ обширный фундаментъ систематизированныхъ познаній, необходимыхъ какъ основа для той, какъ обыкновенно называютъ, „соціологической“ ориентациі всей работы своей жизни въ области гуманитарныхъ наукъ, цѣль и планъ которой онъ самъ для себя, шествуя впередъ, создавалъ²⁾.

При такой постановкѣ всеобъемлющей научной дѣятельности съ теченіемъ лѣтъ накоплялся и организовывался колоссальный запасъ фактовъ и идей, твердо хранимый необычайно емкою и отчетливою памятью, поддерживаемою накрѣпко строющимъ незыблемое зданіе точнымъ и строгимъ, но свѣтлымъ и въ этомъ свѣтѣ смягчающимся умомъ. Такъ раскрывался постепенно духовный кругозоръ широчайшихъ размѣровъ, выростала ученая эрудиція и научная образованность небывалой величины и величественности. Она охватывала, можно сказать, весь міръ, — космологію и антропологию, еще шире, всю сферу жизни духа. То былъ энциклопедизмъ, но истинный, рѣдко встрѣ-

¹⁾ Его записныя книжки за цѣлый рядъ лѣтъ испещрены такими, ему одному понятными іероглифами. Конечно, тутъ было преувеличеніе, отъ котораго онъ въ болѣе зрѣлые годы, думается, отсталъ.

²⁾ Самъ А. С., впрочемъ, любилъ избѣгать этого термина и называлъ эти свои штудіи занятіями по „теоріи обществовѣдѣнія“.

человѣкъ, могучій по захвату и цѣльности, и по организованности, на- стоящая нерушимая база для объединяющаго построения системы міра, какъ она отражается въ сознании человѣка и человѣчества. Но этотъ энциклопедизмъ А. С. Д.—скаго былъ совершенно чуждъ почти неизбѣжныхъ недостатковъ всякаго энциклопедизма—поверхностности и эклектической безхарактерности: у него же чувствовалась повсюду, и въ элементахъ знаній, и въ орудіяхъ ихъ синтеза самостоятельная, глубокая и сильная, именно научная мысль.

Я обозначая здѣсь замѣчательнѣйшій результатъ долгой ученой жизни А. С., тридцатилѣтняго слишкомъ періода неустаннаго научнаго труда и идейнаго творчества, рѣдчайшаго по силѣ напряженія и богатству плодовъ, достигнутыхъ въ глубинѣ открывающаго и созидающаго разума. Я не призванъ излагать научную біографію А. С., да и счелъ бы себя для выполненія такой задачи недостаточно компетентнымъ. Хочу только указать на эту великолѣпную картину непобѣдимаго, охватывавшаго весь міръ познанія.

У насъ въ Россіи въ интеллигентскихъ кругахъ постоянно раздается изъ устъ и начертывается въ писаніяхъ, какъ любимое, слово „миросозерпаніе“. Многіе ли изъ насъ, говорящихъ о немъ, имъ обладаютъ? А. С. принадлежалъ къ числу тѣхъ, немногихъ, у которыхъ таковое дѣйствительно было, собственною силою выкованное, объясняющее бытіе, дающее смыслъ жизни. Въ личности его осуществилась блестящая побѣда сознательнаго начала надъ стихіею, но безъ опустошенія эмоциональной части души; безъ обдѣлыванія красокъ природы часто изошшающею разсудочностью. Для всякаго близко общавшагося съ А. С., даже просто подходившаго къ нему съ вниманіемъ и довѣріемъ, онъ былъ очагомъ свѣта, путеводнаго и грѣющаго, такъ же открывающаго смыслъ. Исторія его личности знаменуетъ въ индивидуальномъ образѣ тотъ путь, какимъ совершается прогрессъ въ человѣчествѣ, то-есть, постепенное торжество свѣта сознания надъ мракомъ слѣпыхъ инстинктовъ и страстей, превращеніе процесса исторіи изъ стихійнаго въ цѣлесообразный, переходъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы¹⁾.

Всякій, кто хотѣлъ связать свою работу или дѣло съ работою и дѣломъ А. С., могъ воспользоваться плодами колоссальнаго труда его жизни; но только близко его знавшему извѣстна и понятна цѣль, какую достигнуть такой результатъ. То былъ постоянный и долгій подвигъ, непрерывающаяся страда и очень тяжкое и острое страданіе.

Въ немъ безусловно была заложена трагическая основа души. Работа А. С., эта упорная, всю жизнь захватывающая работа,

¹⁾ См. примѣч. на стр. 81.

совершалась въ ритмѣ страданія, мукъ исканія и строительства. Чѣмъ дальше движется его мысль къ апогею зрѣлости и высоты, тѣмъ больше увеличивается сила и острота этого духовнаго страданія. Самая концепція развитія человѣчества нарисовалась ему, какъ процессъ трагическій. Апостолъ Павелъ сказалъ: „Вамъ дано ради Христа не только вѣровать въ Него, но и страдать за Него“ (Къ Филиппійцамъ, I, 29). Онъ былъ сдержанъ въ проявленіи совершавшагося въ немъ длительного акта муки творчества, но иногда неудержимо прорывается наружу выражающій ее стонъ, полный высокаго подъема стремленія, но и гнетущей тоски. Характерное (можетъ быть, полуневольное) воплощеніе этого постоянного настроенія находимъ въ необычныхъ заключительныхъ словахъ предисловія къ его первому капитальному труду „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ“ Ихъ стоитъ привести: „Недостатки (книга) объясняются стремленіемъ къ истинѣ, въ силу котораго душа болѣзненно рвется на просторъ, хотя и прикована тяжелыми цѣпями къ міру конкретныхъ представленій, сознаніе мучительно бьется въ желѣзной клѣткѣ, но согрѣвается надеждою когда-нибудь вылетѣть на чистый воздухъ, возвратиться на лоно природы и отождествить свое я съ міровымъ бытіемъ“.

Въ этихъ словахъ чувствуется и отыскиваемый выходъ изъ кризиса. Философствующая мысль не мирилась съ безнадежностью трагического конфликта противоположностей. Она искала разрѣшенія рокового узла въ высшемъ чаяніи: найдено будетъ спасеніе открытіемъ смысла бытія, высшей цѣли въ жизни міра, человѣка и человѣчества.

Его можно было назвать (слѣдуя опять апостолу Павлу) мужемъ великаго упованія.

„Черезъ страданіе къ радости“ такъ символизируетъ замѣчательный современный французскій романистъ-философъ Ромэнъ Ролланъ основной мотивъ въ исторіи души Бетховена. Тотъ же образъ можно приложить для истолкованія развитія духа А. С. Онъ одержимъ былъ трагическимъ оптимизмомъ, вѣрилъ незыблемо въ конечное торжество блага. Къ 83-му году относится такое размышленіе: „Взгляните на эту душу... Черныя, грязныя пятна порока и разврата окутали ее совершенно. Ни одного мѣста не видно здороваго. Все одна непрерывная рана, гнойная и зловонная рана! Грустно и тяжело смотрѣть на такую душу. Но утѣшитесь. И въ ней скрывается синее небо, и въ ней когда-либо проглянетъ лучъ божественнаго солнца! И такъ же будетъ съ міромъ, какъ съ отдѣльнымъ человѣкомъ. Тутъ же выписаны слова Феофрита: *Ἐλπίδες, ἐν*

σοφία, ἀνέλκιστοι δὲ θανόντες. Вѣра въ силу жизни! Какую могучую (оптимистическую) поддержку въ будущемъ нашель ему его настоящій жестоко терзавшій сердце трагизмъ!

И еще одна запись: „Сегодня (19 мая 1885), проходя мимо полупьянаго извозчика, услышалъ я, какъ онъ крикнулъ двумъ парнямъ, стоявшимъ рядомъ: „Эхъ! люди хороши!“... Какъ много сказалъ онъ этими тремя словами, хоть и безсознательно. Да, люди хороши! Не мѣшало бы намъ побольше обращать вниманіе на то хорошее, что въ нихъ есть, и не судить ихъ лишь по одному отсутствію многихъ хорошихъ чертъ, которое мы часто въ нихъ замѣчаемъ“. А на слѣдующей страничкѣ слова Достоевскаго: „Жизнь есть рай, и всѣ мы въ раю, да не хотимъ знать того, а если бы захотѣли узнать, завтра же и сталъ бы на всемъ свѣтѣ рай“.

Процессъ работы всегда до конца оставался мучительный. Радость видѣлась въ цѣли, черпалась въ результатъ. Въ одномъ письмѣ отъ 1890-го года читаемъ: „Жизнь человѣческая есть процессъ достиженія цѣли, а цѣльность жизни измѣряется возвышенностью цѣли (идеала). И чѣмъ процессъ достиженія интенсивнѣе, чѣмъ цѣль выше, тѣмъ менѣе думаетъ человѣкъ о трудѣ, онъ все забываетъ и всѣмъ жертвуетъ для этой цѣли, но и не считаетъ это жертвою или трудомъ, а естественною, необходимою потребностью“. Въ другомъ мѣстѣ: „Тотъ, кто идетъ въ гору, спотыкается чаще того, кто идетъ по ровной дорогѣ, но за то, въ концѣ концовъ, онъ будетъ стоять гораздо выше послѣдняго“. Интересно въ той же связи прочитать (изъ „Зеленой книжки“) такое построение: „Есть два понятія, которыя для меня особенно дороги: понятіе истины и понятіе правды. Подъ истиной я разумѣю логическую мысль, мысль строгую, безстрастную, безмятежную, но и безнадежную. Подъ правдой я разумѣю не логическую мысль, а нравственное чувство, то чувство, благодаря которому каждый изъ насъ радуется чужою радостью, скорбитъ чужою печалью, то чувство, благодаря которому онъ не только разсматриваетъ свою жизнь, какъ субъективное патологическое явленіе, не только возвышается до объективнаго ея изученія, но ею участвуетъ и въ окружающей его жизни. Человѣкъ, въ противопоставленіи со вселенной, такое ничтожество въ пространствѣ, о которомъ и говорить нечего и думать не стоитъ. Но если онъ будетъ разсматривать себя, какъ атомъ, какъ частицу, хотя бы малѣйшую частицу мірового зданія, какъ шорохъ, незначительный звукъ въ гармоніи вселенной, словомъ, если мы взглянемъ на себя, какъ на участниковъ въ міровой жизни, не человѣческой только, но именно міровой,— тогда получимъ значеніе и станемъ на свое мѣсто. А между тѣмъ,

занять такое мѣсто человѣкъ можетъ лишь тогда, когда станетъ служителемъ начала истины и правды, когда подчинится взаимодѣйствію этихъ началъ. Вотъ почему для меня особенно дороги эти два понятія.“

Можетъ быть, острый элементъ страданія, сопровождавшій всю работу А. С., усиливался оттого, что онъ ставилъ себѣ цѣлью во всякомъ заданіи достигать недостижимаго совершенства. Имъ преодоленъ былъ трагизмъ ощущенія настоящей жизни оптимизмомъ во взглядѣ на грядущія судьбы міра; но—и это очень важно для пониманія его личности—онъ остался глубокимъ пессимистомъ по отношенію къ самому себѣ.

Здѣсь лежитъ корень для уразумѣнія мрачной основы его личнаго бытія, отъ которой онъ до конца не освободился; здѣсь же объясненіе тяжелыхъ сторонъ его характера, вызывавшихъ непониманіе его другими и причинявшихъ ему самому не мало горя.—Высокое напряженіе теоретической (строющей) мысли сопровождалось и нерѣдко подкашивалось суровою критическою работою. Всего сильнѣе и глубже она выражалась въ строжайшей самокритикѣ, заходившей часто за предѣлы, въ какихъ она является плодотворною. Въ мукахъ онъ творилъ, съ мукою переживалъ, мучительно сходилъ, мучительно ощущалъ разногласіе, болѣзненно реагировалъ на событія, обстановку, людей; постоянно ощущалъ себя ниже взятой задачи; самочувствіе его отъ этого принижалось безъ всякаго реального основанія.

Такое нарушеніе равновѣсія въ самосознаніи искажало его личность... Нѣтъ! не личность, а обликъ ея, внѣшнее обнаруженіе души. Чувство этического долга, проникавшее его и всего сильнѣе обрушивавшееся на самооцѣнку, заставляло его быть очень требовательнымъ и къ окружающимъ. Чрезмѣрный критицизмъ выражался въ строгости къ людямъ, принимавшейся за черствость и мелочность, а также въ строгости къ продуктамъ чужого творчества. А. С. былъ часто суровъ въ рецензіяхъ и на диспутахъ; „полезная книга“—было почти самою высокою его похвалою. Онъ былъ трудный человекъ: самъ тяжело подходилъ и къ нему подойти было нелегко. Но кто бы могъ заподозрить, что этотъ недоступный, по видимости, высокоумѣнный человекъ, судившій и осуждавшій (*accusativus*, придира, какъ говорили нерасположенные) былъ самъ такого низкаго мнѣнія о себѣ, такъ цѣнилъ благое въ другихъ, такъ сердечно нуждался въ общеніи!..

А-дра С-ча любили немногіе, не любили, пожалуй, многіе, но за что? Обвиняли его въ безмѣрномъ самолюбіи, но чаще всего это дѣлали люди сами очень самолюбивые. Не буду отрицать: онъ стра-

далъ сильнымъ, непобѣжденнымъ самолюбіемъ, которое выражалось часто въ непріятной формѣ, именно при столкновеніяхъ съ людьми, когда онъ оберегалъ свою самостоятельность въ дѣлѣ, въ мнѣніи, томъ или иномъ положеніи жизни. Но самолюбіе это вытекало именно изъ большой строгости къ себѣ. Оно протестовало противъ задѣванія другими очень наболѣвшихъ отъ самокритики мѣстъ, при постоянно мучительномъ стремленіи къ совершенствованію, подъ давленіемъ высокаго нравственнаго самоопредѣленія при установленіи горизонта „обязанностей“.—Самолюбіе было у А. С. отзвукомъ неослабѣвающего стремленія все впередъ и ввысь.

Да и притомъ—самолюбіе, пусть даже и сильное,—развѣ въ этомъ заключалась суть его природы, его души? Неужели не должны мы закрыть глаза на этотъ, говорю, непреодоленный дефектъ передъ лицомъ столькихъ превосходныхъ даровъ его духовной личности?—Подчеркивать эту черту могли только неблагожелательные. Справедливымъ легко было это стерпѣть. И не потому ли не любили его многіе, что не по плечу имъ была эта непоколебимая принципиальность, не потому ли, что въ зеркалѣ его души усматривали особенно ярко собственные недостатки?

Во всякомъ случаѣ, отъ трудныхъ своихъ свойствъ больше всѣхъ страдалъ самъ А. С. Кто умѣлъ его понять и почувствовать, тотъ проникался къ нему настоящимъ уваженіемъ и симпатіей, стремился сблизиться, наслаждался общеніемъ.—Замѣчательно было въ немъ чувство правды, превращавшееся въ безукоризненную правдивость, какъ свойство характера, въ полное отсутствіе фразы. Говорить правду ему было часто не легко, именно въ силу его несообщительной замкнутости, отсутствія экспансивности; но онъ тѣмъ не менѣе постоянно держался правила искренно высказывать свое мнѣніе въ общихъ вопросахъ и въ частныхъ случаяхъ. Можетъ быть, это и дѣлало его непріятнымъ въ глазахъ другихъ: мы обыкновенно не любимъ правды, особенно когда она высказывается о насъ. Но за то, когда это узнавалось и уразумѣвалось людьми, также стремящимися къ правдѣ, сколько тутъ открывалось нравственной прелести, какая великая дѣйность, опора и душевный подъемъ! Чувствовалось, какъ чистая и возвышенная атмосфера захватываетъ васъ, когда постоянное его вліявіе входило въ обиходъ вашей жизни.

4.

Сознанію А. С. не удалось побѣдить самопессимизма. Тѣмъ болѣе изумительно раскрывается картина дѣятельности необъятной воли въ процессѣ научнаго труда и философскаго познанія.

Широко развѣртывалась его изслѣдовательская работа, и все углублялся ея захватъ. Два главные центра его исканій и построеній опредѣлились,—было упомянуто—уже очень рано: руская исторія и теорія исторіи. Изъ нихъ исходили могучіе потоки, которые наполнили главное содержаніе его ученой и идейной жизни.

Вторая область все сильнѣе привлекала и увлекала его, окрашивая его лучшіе вкусы и стремленія особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ, по порученію историко-филологическаго факультета Петербургскаго университета, послѣ 1906 г., сталъ вести отвѣтственное преподаваніе исторической методологіи. Работа его, разрастаясь и систематизируясь, направлялась къ созданію всеобъемлющей системы теоретическаго обществовѣдѣнія. Огромная задача выполнялась по частямъ, но планъ ея созрѣлъ и въ цѣломъ, и въ деталяхъ: единство его замѣчательно связывало всѣ отдѣльныя усилія, какъ внутренне необходимыя части гармонически стильной, величественно красивой постройки. Къ великому горю для нашей науки ей не суждено было воплотиться въ законченное произведеніе, которое все уже рисовалось въ умѣ и воображеніи и въ необычайной памяти автора.

Но, идя и по первому пути, работая дальше въ области русско й исторіи, А. С. отдавалъ дѣлу много времени, мысли, силы и вдохновенія.

Здѣсь центръ тяжести изслѣдованія перемѣстился у него изъ сферы трудныхъ вопросовъ общественнаго строя въ сферу не менѣе сложныхъ проблемъ изъ исторіи идей, духовной культуры. Замышляя тему докторской диссертации, онъ рѣшилъ избрать предметомъ ея идеалы русскаго образованнаго общества въ XVIII вѣкѣ.

Разработка мало изслѣдованнаго вопроса ставилась чрезвычайно широко съ привлеченіемъ не только огромнаго и разнообразнаго русскаго матерьяла, но и съ всестороннѣйшимъ изученіемъ всѣхъ отыскиваемыхъ путей вліянія запада на русскую политическую, философскую и литературную мысль. Мнѣ приходилось часто говорить съ А. С. объ этой готовящейся его книгѣ,—и я убѣдился воочію, какая имъ была поднята подъ обработку обширная совсѣмъ нетронутая новь, и какимъ глубоко захватывающимъ плугомъ она пахалась. А. С. сталъ замѣчательнымъ знатокомъ крупнѣйшихъ и мельчайшихъ движеній мысли во всѣхъ странахъ Европы XVIII вѣка. Точки отправления для исканія и изученія давали факты изъ русскаго прошлаго, главнымъ образомъ Екатерининской эпохи, но, исходя изъ такого центра наблюденій, онъ открывалъ на Западѣ и тамъ не замѣченныя, немаловажныя явленія, одновременно освѣщая западныя вліянія на Россію и западную идейную жизнь саму по себѣ. Если бы

долголѣтній трудъ А. С. появился, онъ не только начерталъ бы великую новую страницу въ русской историографіи, но обнаружилъ бы много незамѣченнаго, недооцѣннаго и историками другихъ европейскихъ странъ.

Бѣда въ томъ, что онъ онъ не появился, и не появился онъ вслѣдствіе того же несчастья,—добродѣтели, превращавшейся въ порокъ,—исканія для человѣка недостижимаго совершенства. Трудъ былъ готовъ къ выходу лѣтъ десять тому назадъ, но задача все осложнялась и запутывалась въ умѣ автора, онъ разросся на два тома, раскрывались новыя требованія дополнительныхъ изслѣдованій.. Печатаніе все откладывалось, и авторъ унесъ свое дѣтище нерожденнымъ въ могилу. Сердце сжимается отъ боли: почему? зачѣмъ? Смогутъ ли ученики обнародовать оставшуюся рукопись?

Что было особенно поразительно при такомъ постоянномъ сомнѣніи въ своихъ силахъ, постоянномъ жестоко критическомъ отношеніи къ тому, что онъ дѣлалъ,—это неослабная энергія поглощавшаго всю жизнь труда надъ познаніемъ, надъ разрѣшеніемъ тѣхъ проблемъ, которыя доставляли столько муки, такъ терзали душу. А. С. считалъ возможнымъ выступать въ печати по главнымъ темамъ своей работы лишь тогда, когда собственное сознаніе говорило: да! дѣло закончено, истина найдена и получила должное (т. е. совершенное, полное) воплощеніе. Но сознаніе почти никогда этого ему не говорило, и труды оставались въ папкахъ, въ рукописныхъ листахъ, испещренныхъ вставками и исправленіями.

Какая обида! Вѣдь это невѣрно, неправильно, несправедливо вынашивать трудъ безконечное время въ нѣдрахъ своего духа, а не представлять его на сужденіе заинтересованныхъ, хотя бы по частямъ, въ мѣрѣ его созрѣванія! Только живой воздухъ общенія съ собратьями по труду, ихъ искренняя и воодушевленная критика нормально поддерживаетъ творчество, обостряетъ познаніе, закаляетъ убѣжденіе. Напрасно А. С. избѣгалъ такого соприкосновенія съ мыслью другихъ: это не оплодотворяло, а порою давило его собственную. Это привело къ тому, что выполненіе цѣлаго ряда задачъ затягивалось въ вѣчность. Это лишило науку цѣнныхъ плодовъ, это отягощало собственную его душу часто невыносимымъ гнетомъ сомнѣній и угрызений.

Такое болѣзненное отношеніе къ собственной работѣ подрывало много силъ, остановило немало результатовъ. И тѣмъ не менѣе... работа эта развивалась по многочисленнымъ направленіямъ. Въ частности, кромѣ главныхъ двухъ линій ему пришлось начертывать и дополнительные. Онъ много работалъ надъ также поручавшимся ему

курсомъ русской исторіографіи, которую разсматривалъ и въ ея своеобразіи, и въ связи съ развитіемъ западно-европейской. Историческое источниковѣдѣніе для прошлаго нашей земли было изучено имъ также во всемъ объемѣ и глубинѣ вопроса, и онъ сталъ первымъ специалистомъ по „дипломатикѣ частныхъ актовъ“, для анализа которыхъ онъ велъ постоянный семинарій со специалистами, а изъ нихъ выработалась цѣлая маленькая школа, и трудъ ея членовъ приложился къ предпринятымъ имъ изданіямъ Академіи Наукъ.

Академикомъ А. С. сталъ рано, на 36-мъ году жизни (въ 1899 г.). Онъ былъ одинъ изъ первыхъ „молодыхъ“ членовъ высшаго ученаго учрежденія Россіи въ такую эпоху, когда извѣстная „старость“ требовалась, по обычаю, какъ одно изъ условій ценза. Проводилъ его въ ученый свиклеть покойный учитель мой Василій Григорьевичъ Васильевскій, быстро и замѣчательно тонко оцѣнившій выдающіяся качества научнаго ума А. С. и уже совершенныя имъ ученныя заслуги. Онъ шутливо говорилъ, что А. С. „врожденно предназначенъ“ занять академическое кресло, но съ глубокимъ и серьезнымъ убѣжденіемъ употребилъ все свое влияніе, чтобы А. С. было воздано заслуженною почестью за дѣла его и за талантъ.

Ставъ членомъ Академіи Наукъ А. С. Л.-Д-скій увидѣлъ себя нагруженнымъ рядомъ новыхъ трудовъ и отвѣтственныхъ обязанностей. Онъ твердо возложилъ ихъ себѣ на плечи. Думаю, мало было академикомъ, такъ неукоснительно и безъ пощады силамъ своимъ отдававшимся своему ученому долгу.

На рукахъ его осталось запутанное наслѣдье начатыхъ многочисленныхъ изданій памятниковъ, затянувшихся и загложшихъ: надо было во всемъ разобраться и пустить въ новый ходъ. Его собственное научное убѣжденіе выдвигало и другія неотложныя задачи. Не останавливая собственныхъ изслѣдованій, приходилось разсматривать чужія, писать о нихъ рецензіи, которыя разрастались въ самостоятельныя изысканія. На него налегло множество организаціонныхъ задачъ, которыя требовали трудныхъ для него сношеній со многими и мѣняющимися лицами. Приходилось устраивать съѣзды, участвовать въ международныхъ конгрессахъ, основывать союзъ академій различныхъ странъ и завязывать разнообразныя связи съ иностранными представителями науки.

Все это требовало необычайнаго напряженія труда, вниманія, энергіи, времени.

Онъ несъ обязанности съ неослабывавшимъ самоотверженіемъ, но и вкоренившееся въ него болѣзненное самосомнѣніе не ослабывало, продолжало терзать его духъ, портить трудъ, задерживать его резуль-

таты. Съ этимъ несчастнымъ свойствомъ надо было вести, безъ усталы, неуклонную борьбу. Силу попрежнему давала могучая воля и высокая любовь, при помощи которыхъ ему удавалось побѣждать страданія, спасать себя отъ бесплодія, въ ужасныхъ мукахъ рождать долговременно выношенные, крупныя и цѣнныя дѣтища.

Наслажденіе отъ достиженія бодрило энергію, утѣшало отъ мукъ, окрыляло духъ для дальнѣйшаго шествія—непрерывно все ввысь— „zum höchsten Dasein immer nachzustreben“. Такія хотъ и рѣдкія награды, высшія радости осуществленнаго творчества обновляли и окрыляли непоколебимость. Жизнь, именно такая, принимавшаяся, какъ высокій долгъ, становилась въ такомъ подвигѣ его исполненія насущною, неотдѣлимую отъ души потребностью.

Быль въ существованіи А. С. еще крупный элементъ, ставилась большая цѣль, которая давала смыслъ, служила и источникомъ сильной поддержки духа: то было преподаваніе, радость въ ученикахъ.

Созерцательная, кабинетная по преимуществу (онъ самъ такъ говорилъ), натура А. С. становилась дѣятельною (практически осуществляющею, идущею на встрѣчу реальнымъ нуждамъ современныхъ людей), когда онъ отдавался профессорскому труду. Средняя школа, конечно, не соотвѣтствовала его складу, хотя и тамъ онъ производилъ глубокое впечатлѣніе на учениковъ. Но высшая школа оказалась одною изъ его стихій. Онъ много преподавалъ. Рядъ лѣтъ занималъ кафедру русской исторіи въ Историко-Филологическомъ Институтѣ и умѣлъ внести въ это мертвенное тогда учрежденіе струю живой научности. Изъ этого преподаванія выросъ „общій курсъ русской исторіи“, надъ которымъ авторъ очень много работалъ. Онъ былъ изданъ въ литографированномъ видѣ при строгой личной редакціи его текста. Его очень цѣнно было бы обнародовать: это совсѣмъ оригинальное построеніе. Академикъ В. Г. Васильевскій, познакомившійся съ нимъ, высказывался о немъ съ высокимъ одобреніемъ.

Въ Университетѣ преподаваніе А. С. началось съ 1890-го года и длилось до самого конца его жизни, все расширяясь и углубляясь. И русская исторія, и особенно методологія исторіи находила въ покойномъ первокласснаго преподавателя и руководителя семинарской, организованной, рѣдко и замѣчательно глубокой работы. Трудъ, который А. С. посвящалъ интересамъ своихъ слушателей и учениковъ, былъ положительно колоссальный: только его замѣчательное умѣнье не терять ни одной минуты находило время, которое удовлетворяло и этой громадной задачѣ, какою она рисовалась его сознанию.

Профессорская работа, въ концѣ концовъ, изумительно слилась у него съ собственной, изслѣдовательскою, въ неразрывный союзъ.

Изъ А. С. выработался настоящій, превосходный профессоръ какіе рождаются и слагаются очень не часто. Онъ отзывался всегда охотно и на приглашенія ищущихъ серьезнаго знанія группъ, звавшихъ его на эпизодическія чтенія. Читалъ онъ на курсахъ учителей средней школы въ 1906 году; въ самые послѣдніе мѣсяцы жизни провѣлъ оригинальный курсъ архивовѣдѣнія для будущихъ архивистовъ, и дѣлалъ онъ это съ неизмѣнною доброю охотою и необычайною трудовою добросовѣстностью.

Характерно представить, какъ развивались его отношенія съ учениками. Это—была одна изъ важнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ для него сторонъ жизни. И здѣсь обнаруживалась не только вся сложность его природы, но и всѣ богатства ея. Начинались они, эти отношенія, часто негладко и нестройно, съ усиліями и колебаніями. И тутъ А. С. являлъ себя „труднымъ человѣкомъ“. —Профессоръ сперва казался строгимъ, суровымъ и замкнутымъ; чтенія его были очень неясны для пониманія, требованія, и научно-интеллектуальныя, и этическія, ставились очень высокія; открывался какой-то ригоризмъ, чувствовалась недосыгаемость, возникали недоразумѣнія. Но таковъ былъ лишь наружный ходъ. Внутри шероховатаго движенія, въ которомъ иногда мерещились и отталкивающія силы, постепенно ткались и плелись нити все болѣе крѣпкаго единства, покоящагося на авторитетѣ умственномъ и нравственномъ, выросавшемъ до непрерываемости; единство грѣлось рѣдкой широтою раскрывавшагося медленно но торжествующе и побѣждавшаго сомнѣнія и препятствія чувства учительской, отеческой и братской любви, отданія молодымъ, соглашавшимся слѣдовать съ нимъ вмѣстѣ въ дорогой работѣ, лучшихъ средствъ своего достоянія.

Общеніе его съ учениками выражалось не въ однихъ лекціяхъ семинаріяхъ, отдѣльныхъ совѣтахъ,—но въ постоянномъ духовномъ союзѣ. Времени своего для нихъ онъ не щадилъ и не жалѣлъ. Его строго запертыя для праздныхъ посѣщеній двери, всегда были открыты для искавшихъ наставленія учениковъ. А. С. всегда бралъ на себя и руководительство въ возникавшихъ серьезныхъ научныхъ кружкахъ. Онъ стоялъ во главѣ такъ называемыхъ „Историко-филологическихъ Бесѣдъ“, длившихся не мало лѣтъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка; въ самые послѣдніе годы студенты именно его позвали организовать работу въ „историческомъ кружкѣ“. Въ Университетѣ дѣло А. С. пустило глубокіе корни.

Въ общеніи съ учениками исчезали непріятныя внѣшнія черты

А. С.—холодная сдержанность, чопорность, нелюдимость. Наружность его преображалась, смягчался голосъ, радостно и мягко свѣтились глубоко идущими изнутри лучами глаза. Расцвѣтали для нихъ въ немъ лучшіе пвѣты.

Говорю я не только со словъ особенно любившихъ его учениковъ или на основаніи многочисленныхъ съ нимъ разговоровъ, но и по собственному своему опыту. Я самъ одну зиму былъ въ числѣ его учениковъ, хоть я и старше его на два года. Онъ предложилъ намъ, желающимъ изъ коллегъ, заняться вмѣстѣ изслѣдованіемъ природы „соціального явленія“ (это было въ концѣ 1890-хъ годовъ)—и мы у него „учились“ нѣсколько мѣсяцевъ (мы, шутя, называли себя „кружковъ большихъ“ ¹⁾) и всѣ чувствовали на себѣ притягивающее и убѣждающее вліяніе его ума, чуткость его отношенія и къ нашимъ сознаніямъ, оригинальность мысли, любовь къ предмету, къ дѣлу, и... къ намъ.

Благодаря такимъ особенностямъ связи съ учениками создавались у А. С. не кратковременныя, а длительныя, не однѣ научныя, а душевныя, совѣмъ особенныя. Я могу это только констатировать; пусть конкретно расскажутъ сами ученики. Это—ихъ долгъ, увѣренъ, желанный. Они одни настоящимъ образомъ изобразятъ эту важную грань его жизни, неотразимое доказательство первоклассныхъ даровъ врученнаго ему благодатнаго генія ²⁾.

Теперь они должны дать свои воспоминанія. Первоначальные эскизы нѣкоторыхъ уже докладывались въ посвященномъ памяти А. С. собраніи „Студенческаго Историческаго Кружка.“ Надо идти дальше. Одинъ изъ самыхъ близкихъ ему пишетъ мнѣ: „Такъ нерушима связь съ А. С.... Я началъ писать воспоминанія, но первыя части не могутъ пойти въ печать: вышло черезчуръ интимно, надо перестроить.... Чѣмъ болѣе думаю, тѣмъ глубже понимаю, какую властную, опредѣляющую роль въ исторіи моей души игралъ дорогой А. С.“ У меня сейчасъ передъ глазами лежитъ текстъ рѣчи, произнесенной однимъ молодымъ русскимъ историкомъ въ день двадцатипятилѣтія А. С. отъ лица

¹⁾ Въ немъ участвовали—уже умершій профессоръ А. А. Кауфманъ и нынче видные собратья А. С. по наукѣ и по преподаванію: А. Е. Прѣсняковъ, М. А. Поліевтовъ, И. И. Лапшинъ и еще другіе.

²⁾ Ученики уже при жизни А. С. выпустили въ честь его по поводу его двадцатипятилѣтняго юбилея „Сборникъ статей, ему посвященныхъ“ (см. „Историческое Обозрѣніе“, т. XXI, 1916 г.) Тамъ же списокъ трудовъ А. С. Сборникъ исходитъ отъ кружка занимавшихся у него русскихъ историковъ. Въ томъ же „Историческомъ Обозрѣніи“ (т. XX, 1915 г.) также ученикъ его Н. Д. Кондратьевъ помѣстилъ статью „Теорія исторіи А. С. Л.-Д.-скаго“. О томъ же другая статья равнымъ образомъ ученика его *Раинова* въ „Жури. Мин. Нар. Просв.“ за тотъ же годъ.

болѣе широкаго круга его учениковъ и слушателей; авторъ ея, Б. А. Романовъ, по моей просьбѣ, подарилъ мнѣ списокъ ея текста. Въ ней замѣчательно ярко вырисовывается профессорская личность покойнаго. Я хотѣлъ сдѣлать изъ нея нѣсколько выписокъ, но она дорога особенно своею цѣльностью. Очень важно было бы видѣть ее напечатанною въ настоящей же книгѣ, гдѣ собрались памятные о немъ слова друзей, учениковъ и другихъ людей, почитавшихъ его ученый, идейный и моральный образъ.

Именно ученики, даже не одни ближайшіе, могутъ разрушить особенно краснорѣчиво и убѣдительно несправедливую легенду объ А. С., какъ о гордомъ педантѣ, самоувѣренномъ и сухомъ, придирчивомъ индивидуалистѣ. Они лучше всѣхъ по истинному опишутъ сокровища его сильнаго и тонкаго, совсѣмъ особеннаго ума, его благороднаго альтруизма, его способности не только къ глубокой сердечной привязанности, но и несравненной и неподражаемой мягкой нѣжности интимной сути его души. Пусть они это сдѣлаютъ!

А. С. давалъ много ученикамъ, но и они ему много давали. Это сложная область—отношенія учителя и учениковъ, и рѣдко старшій получаетъ здѣсь удовлетвореніе; но тутъ, нужно сказать, А. С. былъ требователенъ къ научному долгу учениковъ, но безконечно скроменъ въ своихъ ожиданіяхъ отъ нихъ для себя. Они, однако, доставляли ему не мало удовлетворенія и радости: это можетъ дать и имъ въ разлукѣ каплю утѣшенія. Онъ часто растроганно говорилъ объ актахъ вниманія къ нему учениковъ, и въ самые послѣдніе дни и часы забота о нихъ неугасимо горѣла въ его сердцѣ.

5.

Наконецъ, еще основною потребностью и поддержкою въ эмоциональной жизни А. С. являлись наиболѣе интимныя связи духовныя, семейныя и тѣсно дружескія.

Не рѣшаюсь сейчасъ говорить о первыхъ: слишкомъ это субъективная, индивидуально-внутренняя сторона существованія, и теперь затрагивать ее у свѣжей могилы было бы нарушеніемъ неприкосновенности самыхъ глубинъ его личнаго духа. Но упомянуть объ этомъ считаю важнымъ: А. С.—семьянинъ, это очень существенная сторона его жизни, и въ ней своеобразно и сложно проявлялись коренныя его свойства, часто очень ярко истолковывая его природу.

Указать же, чѣмъ онъ былъ для немногихъ настоящихъ его друзей, я долженъ съ особою силой. Я счастливъ былъ тѣмъ, что принадлежалъ

къ этимъ немногимъ и могу говорить, какъ подлинно знающій.—Если кого дружески любилъ А. С.,—это было для того даромъ небесъ. Не выходя наружно изъ своей сдержанности, онъ осыпалъ насъ рѣдкимъ благомъ: постоянная мысль о другѣ, его дѣлахъ, нуждахъ, тѣмъ болѣе, о его бѣдствіяхъ, удивительная доброта, настоящее уваженіе, признаніе, равноправіе, но и высокая оцѣнка его достоинствъ и вмѣстѣ искренняя и серьезная критика, удивительная искренность и забота ¹⁾ и опять же нѣжность, въ трогательныя минуты вызывавшая умиленіе, а въ тяжкія—поднимавшая отъ унынія... Какъ все это было дорого и хорошо! Незабвенныя, исчезнувшія блага!

Въ теченіе рабочаго года взаимная перегруженность занятіями нарушала и прерывала общеніе, но лѣтомъ мы живали вмѣстѣ, и тутъ единство расцвѣтало среди природы и въ болѣе свободномъ трудѣ надъ тѣмъ, что было излюблено, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ трагическихъ аренъ русской политической и общественной жизни... Мы много гуляли вмѣстѣ втроемъ—онъ, Федоръ Федоровичъ Ольденбургъ и я—по эстляндскому взморью, по лѣсамъ нашего сѣвера, и когда вспомнишь то неуволимо, но и неодолимо прекрасное, что получалось отъ нашихъ бесѣдъ, тотъ процессъ свободнаго творчества идей и наблюденій, который совершался черезъ него, тѣ, по правдѣ, великія цѣнности, какія наполняли душу... тутъ только и поймешь, чѣмъ былъ богатъ, и что потерялъ, и какая драгоценность таятся въ такой дружбѣ, такомъ другѣ.

Еще одно занимало большое мѣсто въ жизни А. С. и сильно, разнообразно обогащало его духъ—путешествія. Онъ ихъ любилъ съ глубокою сосредоточенною страстью. Онъ всегда рвался къ нимъ и никогда вмѣстѣ съ тѣмъ не позволялъ себѣ относиться къ нимъ, какъ къ праздной, туристской забавѣ. Они у него соединялись всегда если не съ опредѣленною дѣловою обязанностью по Академіи, то съ серьезною темою для изученія, опредѣленною научною цѣлью. Онъ всегда тщательно къ нимъ готовился и проводилъ ихъ въ интенсивномъ трудѣ, достигая плодотворнѣйшихъ результатовъ.

Природа, искусство, бытъ, культура, наука, ученое заданіе—эти мотивы всегда осмысливали его путешествія, и наслажденіе всегда уступало мѣсто труду, который, впрочемъ, не противорѣчилъ наслажденію, а одухотворялъ его. Мнѣ также удавалось наблюдать, его за границей и въ красивой природѣ, и около памятника, и въ книго-

¹⁾ Сколько разъ онъ съ милою внимательностью дѣлился со мною изъ своихъ чтеній именно тѣмъ, что, какъ онъ всегда говорилъ, должно было оказаться мнѣ по душѣ; и такъ всегда тонко угадывалъ его вкусъ, вкусъ друга! Такимъ духовнымъ тепломъ при этомъ выло отъ его свѣтлой и доброй мысли!

хранилищѣ; потомъ имѣются цѣлыя серіи писемъ его къ женѣ; они посылались въ большомъ количествѣ, длинныя и содержательныя, когда она съ дѣтьми не сопровождала его (что онъ больше всего любилъ); они даютъ картину разнообразнаго напряженія его духа во время поѣздокъ; какъ его времяпровожденіе въ чужихъ краяхъ характеризуетъ его совершенно неспособный къ праздности и легкомыслию складъ! Природа разныхъ странъ, берлинская ученая жизнь, кельнскій соборъ, парижская культура, памятники Италіи и всего выше Римъ, — сколько превосходнаго матеріала все видѣнное тамъ дало его мысли, чувству и воображенію, и какъ онъ многое изъ этого сумѣлъ воплотить въ слово, рассказать другимъ! Прочитывая эти письма теперь, я переживала съ огромною глубиною и то, о чемъ онъ говоритъ, и то, что о немъ самомъ гласятъ его слова, и то, что самъ испытывалъ отъ заграничныхъ впечатлѣній. Это богатая, красочная и значительная лѣтопись идейныхъ странствованій, научныхъ и художественныхъ паломничествъ къ великимъ святынямъ духа.

Хотѣлось бы привести много важныхъ, цѣнныхъ выписокъ изъ заграничныхъ писемъ А. С. Ограничусь двумя. Въ одной передается впечатлѣніе отъ памятника искусства, именно отъ дрезденской Сикстинской Мадонны (14 іюля 1896 года): „Великая картина Рафаэля произвела на меня очень сильное впечатлѣніе. Сама Мадонна твердо ступаетъ по облакамъ и несетъ на жертву человечеству Христа-младенца. Глаза ея устремлены въ даль и какъ бы видятъ тотъ ужасный путь, какой ей придется пройти вмѣстѣ съ сыномъ, лицо отражаетъ тѣ страданія, которыя она испытываетъ въ будущемъ, когда будетъ присутствовать при мученіяхъ и смерти „искупителя“. Но тѣмъ не менѣе она идетъ впередъ и ткани ея развѣваются по вѣтру, образуя своеобразный нимбъ вокругъ ея стройной фигуры, въ которой такъ хорошо изображены кроткая покорность тому, „что написано“ и тяжелое предчувствіе грядущей бѣды. Еще сильнѣе Мадонны представленъ младенецъ. При первомъ взглядѣ на него мнѣ даже страшно стало отъ той громадной духовной энергіи, какая выражается главнымъ образомъ въ складкахъ его губъ, лба и особенно въ глазахъ. Младенецъ не видитъ препятствій, онъ видитъ цѣль и видитъ ее не гдѣ-нибудь на сторонѣ, а въ самомъ себѣ, въ своемъ, „святое святыхъ“; въ этомъ взглядѣ есть что-то великое и могучее. И несмотря на такое выраженіе, Христосъ остается младенцемъ, спокойно прислонившимся къ плечу матери. По бокамъ группы стоитъ старецъ (папа Сикстъ), съ умиленіемъ указующій Маріи на предстоящій путь, и женщина (св. Варвара), преклоняющаяся передъ груп-

пой. Въ нихъ прообразовано человѣчество. Внизу у самой рамы— бюсты двухъ ангеловъ-младенцевъ; въ выраженіяхъ ихъ лицъ прекрасно сказывается настроеніе самого зрителя: они погружены въ глубокое, торжественное и благоговѣйное созерцаніе того шествія, какое совершается на облакахъ и какъ бы въ ужасѣ отъ его неземного величія. Я самъ, право, испытывалъ также нѣчто подобное. Глядя на эту картину, точно присутствуешь при совершеніи таинства. То же настроеніе, можетъ быть, охватываетъ и большинство посѣщающихъ залу: публика стоитъ молчаливо въ комнатѣ, гдѣ помѣщено произведеніе Рафаэля, какъ будто она не въ картинной галлерей, а въ храмѣ, куда пришла молиться“.

Это замѣчательная, ярко индивидуализованная характеристика такого общеизвѣстнаго художественнаго созданія; въ немъ нѣтъ ни банальности, ни педантизма, ни претензіи; глубокой и умной „внутренней“ взоръ. А. С. въ своихъ заграничныхъ путешествіяхъ прошелъ цѣлую школу разносторонняго самообразования въ области исторіи и эстетики пластическихъ искусствъ. По письмамъ можно отлично прослѣдить, какъ развивались здѣсь его вкусы, интересы и знанія.

Другое письмо переноситъ насъ въ Италію и рисуетъ сурово-печальную, но притягивающую красоту ближайшей окрестности Рима (29 апрѣля 1902 г.): „Вчера утромъ лилъ дождь, и казалось, небо никогда не прояснится. Я хотѣлъ было предпринять поѣздку въ Альбано, къ горамъ и озерамъ древней Альбы (Alba Longa), родины римлянъ и самого Рима, но при видѣ хмураго неба отложилъ попеченіе объ экскурсіи и принялся за работу. Къ часу, однако, небо стало свѣтлѣть и я рѣшилъ пройтись пѣшкомъ по Via Appia antica. Сначала я проѣхалъ на трамваѣ до S. Giovanni in Laterano. По моему расчету тутъ можно было прямо попасть въ поля и ими пройти на Via Appia. Такъ и оказалось. Я сразу вышелъ изъ города въ римскую Кампанью. Съ первыхъ же шаговъ на меня пахнуло древностью: старинныя, полуразвалившіяся церкви или монастыри стояли у дороги, которая вилась между высокими сѣрыми стѣнами. Я скоро вышелъ на Via Appia и прошелъ далеко за надгробный памятникъ Saeciliae Metellae. Если дорога до него полна воспоминаній о ранней цорѣ христіанства, о Петрѣ и легендѣ Quo vadis, о жителяхъ катакомбъ, о христіанской крови и слезахъ, которыя, вѣроятно, омочили каждый изъ старинныхъ камней, лежащихъ на пути, то послѣ величавой башни Цециліи, одиноко и рѣзко выступающей на темно-синемъ небѣ, впечатлѣнія мѣняются. Дорога идетъ [между двумя рядами гробницъ языческаго, римскаго времени. Большинство изъ нихъ совер-

шенно разрушено, и прахъ мертвецовъ разсѣянъ вѣтромъ по пустымъ и дикимъ полямъ Кампаньи. Но часто встрѣчались и полусохранившіяся кирпичныя зданія въ видѣ маленькихъ четырехугольныхъ домиковъ, въ прежнее время обложенныхъ мраморомъ и украшенныхъ статуями и рельефами; множество обломковъ ихъ разбросано кругомъ. Въ домикахъ кое-гдѣ еще видны своды и сводообразныя ниши, а въ одномъ изъ нихъ я замѣтилъ даже засохшую известку, которою замурованы были урны. Есть и рельефы умершихъ: на одномъ изъ нихъ изображенъ статный римлянинъ по поясъ съ подписью—*C. Rabirius Hermodorus*; за нимъ двое женщинъ съ благородно задумчивыми лицами—все изъ хорошаго, бѣлаго мрамора. А кругомъ дороги съ ея полуразрушенными гробницами совершенная пустыня, но пустыня населенная могучими призраками прошлаго: всюду виднѣются громадные полуобвалившіеся акедуки, которые длинными рядами аркъ тянутся по равнинѣ; между ними кое-гдѣ встаютъ искалѣченные храмы и виллы. Только стада овецъ съ пастухами, одѣтыми въ овечьи же кожи, нерѣдко прерываютъ величавое молчаніе навѣки погибшаго прошлаго. Постоянная игра свѣта и тѣней въ этотъ день еще усиливала впечатлѣнія. По небу носились тучи, и тѣни ихъ скользили по развалинамъ. Казалось, онѣ сами готовы дрогнуть отъ ужаса при видѣ своего запустѣнія... Къ вечеру поднялся вѣтеръ; онъ сталъ шелестѣть травкою и сгонять тучи къ Апеннинамъ и Альбанскимъ горамъ, совсѣмъ посинѣвшимъ... Мнѣ какъ-то слѣбалось жутко. Не отдохнувъ, я скорыми шагами пошелъ назадъ, точно зашелъ, куда не слѣдуетъ, гдѣ должна быть вѣчная тишина и покой...“

Это—отличная картина историческая и психологическая, римской Кампаньи и ея дѣйствія на душу. Можно было бы привести изъ заграничныхъ писемъ А. С. Л.—скаго множество прекрасныхъ бытовыхъ очерковъ, культурнаго матерьяла, жизненныхъ наблюдений, человѣческихъ фигуръ, философскихъ мыслей. Въ путешествіяхъ своихъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы проживалъ вторую жизнь, не менѣе богатую и интенсивную, чѣмъ обычная, нормальная трудовая жизнь его на родинѣ. Какое большое и чудное они давали ему благо, возвышающій отдыхъ душѣ, безконечный міръ новыхъ образовъ сознанію! Какія они вызывали въ немъ радость, энергію и любовь!

6.

Я начертилъ тѣми силами, какія есть у меня, рядъ набросковъ того, что рисуется мнѣ основными элементами души А. С. Л.—

Д—скаго. Я могъ бы и хотѣлъ бы сказать и указать еще очень многое. Страхуюсь занять слишкомъ много мѣста, утомить вниманіе тѣхъ, кто будетъ читать: а это мнѣ было бы горько.

Страхуюсь еще, что отдѣльныя черты остаются диспаратными. Можетъ быть, открываются аспекты нѣкоторыхъ сторонъ личности, можетъ быть зажгутся отдѣльныя блестящія души... но остается скрытымъ единство ея. Сейчасъ не могу схватить или, вѣрнѣе, передать воплощеніе этого единства, которое ощущаю внутри. Не знаю, кто бы и другой смогъ это сдѣлать. Хочу только намекнуть на одну струю, которая какъ будто ведетъ къ пониманію такого единства.

Въ началѣ была названа одна такая черта, скорѣе формальная: это—его незыблемая принципиальность, какъ линія внутренняго и внѣшняго его поведенія. Теперь скажу въ смыслѣ реально мѣ: одушевляла, одухотворяла, единила многообразныя крупныя начала его личности—высокая жажда (Sehnsucht) безконечнаго, постоянная мысль упорная и властная о вѣчномъ¹⁾, настойчивое бдѣніе, чтобы искать, найти его, достигъ откровенія.

Онъ шелъ впередъ къ удовлетворенію на этомъ пути. Его проникало все больше убѣжденіе въ духовности космоса, ощущеніе міровой любви, какъ основного закона его бытія, пониманіе зависимости человѣка отъ космоса силою притяженія этой міровой любви, которая вмѣстѣ съ тѣмъ наполняетъ его правдой и, значить, даетъ свободу: единство и свобода въ любви! Такая концепція постоянно одушевляеть его самыя интимныя и откровенныя письма.

А. С. шелъ къ вѣчности черезъ науку, философію, природу, жизнь; онъ мыслилъ ее религиозно; можетъ быть, музыка ближе всего подводила его къ мистическому воспріятію высшаго мірового начала, Бога.—Мы почти всегда плохо знаемъ другъ друга въ этихъ высшихъ областяхъ жизни духа, не умѣемъ выражать свою вѣру. Не сказалъ здѣсь своего послѣдняго слова А. С.,—во что вылилось конечнымъ образомъ его религиозное міросозерцаніе. Можетъ быть, отвѣтъ найдется въ оставленномъ имъ рукописномъ наслѣдствѣ...

Революціонная буря и еще раньше война поразили А. С. грознымъ ударомъ. Насиліе всегда было не допустимо для его нравственнаго сознанія. Онъ, однако, не терпѣвшій политики, считалъ долгомъ отдавать дань служенію родинѣ и народу, которыхъ онъ всегда любилъ и почиталъ. Скрѣпя сердце, онъ принялъ избраніе въ Государственный Совѣтъ во время Первой Думы. Въ первые мѣсяцы послѣ

¹⁾ Въ одномъ письмѣ его читаемъ: „Я ужасно люблю степь и море; въ нихъ я вижу конкретный образъ отвлеченной формулы безконечности“.

февральской революціи 1917 г. онъ вошелъ въ Комиссію мученически погибшаго *Θ. Θ. Кокошкина* по выработкѣ избирательнаго закона въ Учредительное Собраніе. Ему хотѣлось поддержать благородный опытъ Временнаго Правительства спасти родину и ея честь, сохранить культуру, организова свободу. То, что дальнѣе послѣдовало въ жизни русской земли, погрузило *А. С. Л.-Д.—скаго* въ жестокую муку. Можетъ быть, смерть его, неожиданная и преждевременная, явилась протестомъ противъ совершавшагося, разливавшагося кругомъ зла, мрака, невѣжества, хаоса, насилія, кровопролитія. Терпѣть было непосильно ему, сердце разрывалось, но онъ не покладаль рукъ и работѣ, въ неустанномъ изслѣдованіи прошлаго; все также къ высшему, абсолютному рвалась его мысль; въ напряженіи духа онъ черпалъ бодрость и насъ кругомъ, друзей, ободрялъ.

Въ послѣднихъ страданіяхъ не ослабѣвалъ его творческій духъ. Умственная работа не прекращалась до послѣдняго вздоха. Положительно свѣтлыми были его послѣдніе дни. Ему сдѣлали операцію вскрытія огромнаго нарыва на ногѣ. Она прошла удачно, онъ уже поправлялся. Но произошла отравка организма гнойными ядами, и общее зараженіе потушило его жизнь.

До потери сознанія онъ не переставалъ мыслить. Онъ дочитывалъ для цѣли переработки своей методологіи исторіи одинъ изъ труднѣйшихъ философскихъ трактатовъ Гегеля и много говорилъ со мною (я его видѣлъ почти ежедневно) о вопросахъ, какіе волновали его. Нравственное настроеніе его было также замѣчательно мягкое, доброе, высокое. Жена его говоритъ, что она провела съ нимъ въ больницѣ одни изъ лучшихъ дней за всю ихъ совмѣстную жизнь. Неугасимо пылали всѣ вмѣстѣ яркимъ огнемъ и только въ крайнюю минуту погасли его рѣдкія духовныя силы.

Послѣднее наше свиданіе, предсмертное прости, произошло наканунѣ его кончины. У него уже парализованы были руки и ноги, и доктора объявили положеніе безнадежнымъ. Душа вся, смотря на него, разрывалась отъ горя. Но взоръ его, умирающаго, вносилъ очищеніе. Онъ сіялъ чуднымъ миромъ и добротою. Онъ все говорилъ, какъ трогаютъ его ученики, все думалъ о ихъ интересахъ, и любимыя, дорогія идеи продолжали жить въ немъ до самаго конца. Я поцѣловалъ его въ лобъ, уходя, съ жгучею болью въ сердцѣ. А онъ такъ кротко улыбнулся, такую тихою, спокойною любовью свѣтились его глаза.

Тутъ онъ весь настоящій сказался. Это была рѣдко красивая смерть: безъ побѣды тѣла, безъ всякаго страха надвинувшагося конца земной жизни, до послѣдняго момента человѣческаго поприща

смягчающий борьбу разставанія съ тѣломъ, свѣтло и любовно бодрствующій духъ...

Когда думаю о дорогахъ умершихъ, подвижникахъ духа, мнѣ часто вспоминается стихотвореніе Владиміра Соловьева— „На смерть А. Н. Майкова“:

Тихо удаляются старческія тѣни,
 Душу заключавшія въ звонкіе кристаллы,
 Званы еще многіе въ царство пѣснопѣній,—
 Избранныхъ, какъ прежніе, ужъ почти не стало.

Вѣщце свидѣтели жизни пережитой,
 Вы увѣковѣчили все, что въ ней сіяло,
 Подъ цвѣтами вашими плодъ земли сокрытый
 Росъ, и сѣмя новое тайно созрѣвало.

Миръ же вамъ съ любовію, старческія тѣни!
 Пусть блещутъ по прежнему чистые кристаллы,
 Чтобы звономъ сладостнымъ въ царствѣ пѣснопѣній
 Вызывать къ грядущему то, что миновало.

И тутъ оно вспомнилось мнѣ. А. С. не былъ старцемъ, наоборотъ его лицо было совсѣмъ молодое, тѣмъ болѣе горькою отзывается ужасная потеря (неоконченная личная выдающаяся зидительная задача). Онъ не пѣлъ пѣсенъ, но научною прозою, какъ историкъ и философъ, служилъ той же абсолютной истинѣ, что и поэты, и великій трудъ его былъ именно направленъ къ тому, чтобы вызывать къ грядущему то, что миновало. А чистымъ кристалломъ была вся его жизнь.

Должно склониться передъ великою тайною смерти, покориться предназначенному концу, смириться передъ неизбѣжностью оставлять неоконченнымъ начатое. Таковъ удѣлъ человѣческой, непреложной и роковой. Конецъ не отъ насъ зависитъ: не вѣдаемъ, когда умремъ. Но ходъ своей жизни направить мы можемъ: и здѣсь путь для оцѣнки прожитаго существованія.

Шиллеръ сказалъ: „Въ духовной области менѣ благородные цѣнятся по тому, сколько даютъ, болѣе же благородные по тому, что они суть“. А. С. Лаппо-Данилевскій ¹⁾ говорилъ: „Всякая дѣятельность измѣряется не только результатомъ, но и задачами; оцѣнку людей, преданныхъ дѣлу, можно производить только съ такихъ точекъ зрѣнія“.

¹⁾ Только что приведенныя слова Шиллера внесены имъ тоже въ „Зеленую книгу“.

А-дру С-вичу надобно высокую дань воздать и за то, и за другое: въ этомъ широкообъемлемость реального значенія его личности въ нашей духовной культурѣ. Нельзя этого и его забывать! Сумѣемъ ли?

Одною еще чертою закончу свое слово о немъ, слово слабой изобразительности, но сильнаго убѣжденія въ сказанной правдѣ и глубокой любви. Эта черта—также всецѣло проникала его: то была вѣрность, великолѣпная духовная рыцарственность, *fides*, „la foi“.— „Твой на жизнь!“... Такъ онъ подписывалъ всегда свои письма женѣ. Здѣсь блистала лучшій свѣтъ его моральной природы.

Память тебѣ вѣчная и поклонъ глубокой! Вѣрую въ безсмертіе личнаго духа исчезнувшаго друга въ мірѣ иномъ, радѣю и другихъ призываю радѣть о продолженіи въ насъ, въ друзьяхъ и въ ученикахъ, жизни его духа и его труда здѣсь на землѣ!

Близится Вѣчная Ночь... Въ страхѣ дрогнуло сердце...

Пристальный сталъ я глядѣть въ тогъ ужасающій мракъ.

Вдругъ въ немъ звѣзда проглянула, за нею другая и третья,

И наконецъ засіяла звѣздами весь небосклонъ.

Новая въ каждой изъ нихъ мнѣ краса открывалась всечасно,

Глубже мнѣ въ душу онѣ, глубже я въ нихъ проникалъ...

Въ каждой сказалось слово свое, и на каждое слово,

Съ радостью чувствовалъ я, откликъ въ душѣ моей есть.

Всѣ говорили, что гдѣ-то за ними есть Вѣчное Солнце,

Солнце, котораго свѣтъ блескъ и красу имъ даетъ... 1)

Ив. Гревъ.

*) Примѣч. къ стр. 62. Могу, думается, сказать съ увѣренностью, что А. С. былъ убѣжденнымъ представителемъ, такъ называемаго историческаго идеализма, т. е. такой концепціи исторіи, которая движущую, творческую силу ея процесса видитъ въ человѣческихъ сознаніяхъ и, стало быть, активнымъ носителемъ въ немъ движенія опредѣляетъ человѣческую личность, индивидуальную и коллективную, въ ея разумѣ и свободѣ. Съ такой точки зрѣнія чрезвычайно интересно вчитаться въ многочисленныя характеристики выдающихся дѣятелей исторической науки и сосѣднихъ наукъ, русскихъ и иностранныхъ, какія вышли изъ подъ его пера, въ качествѣ или представленій въ Академіи кандидатовъ или некрологическихъ замѣтокъ объ уходящихъ изъ жизни академиковъ и корреспондентахъ. Это—очень важный источникъ ознакомленія съ идеями и мышленіемъ А. С. См. указаніе этихъ характеристикъ въ списокѣ трудовъ.

2) А. Н. Майковъ. Изъ Аполлодора Гностика. Мнѣ вспомнились эти чудные стихи, когда я писалъ о жестокой кончинѣ А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кожошвина. Неможно мысль привести ихъ на память и объ А. С. Лаппо-Данилвскомъ.

А. С. Лаппо-Данилевскій какъ ученый и мыслитель ¹⁾.

Академическая среда и русское общество потеряли въ А. С. Лаппо-Данилевскомъ незамѣнимаго дѣятеля научной культуры. Этимъ, кажется, выраженіемъ всего лучше отмѣчается основная черта его призванія и значенія. При мысли объ Александрѣ Сергѣевичѣ, въ воспоминаніи его облика неустранимо впечатлѣніе особой, углубленной и повышенной культурности, какъ типичной черты его внутренней жизни и всей его дѣятельности. И былъ онъ не только сознательнымъ представителемъ дорогихъ ему культурныхъ цѣнностей, но и вѣрнымъ ихъ носителемъ, который всю жизнь прожилъ въ упорномъ, подвижническомъ трудѣ надъ ихъ философскимъ, этическимъ и научнымъ обоснованіемъ и уясненіемъ. Отъ общихъ задачъ міровоззрѣнія исходилъ Александръ Сергѣевичъ къ конкретнымъ заданіямъ ученой работы и научнаго преподаванія. Ими опредѣлялись внутренній эпосъ его индивидуальности, его душевный строй, его личная жизнь.

А. С. Лаппо-Данилевскій вышелъ изъ стараго дворянскаго гнѣзда (имѣніе Удачное при селѣ Мало-Софіевкѣ Гуляйпольской волости Верхнеднѣпровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи) питомцемъ „усадебной культуры“ и вынесъ съ собою отличную подготовку въ разностороннемъ, рано созрѣвшемъ общемъ образованіи. Въ ранніе годы скорѣе отрочества, чѣмъ юности—сложились нѣкорыя основныя черты его умственныхъ исканій подъ вліяніемъ трудовъ Огюста Конта и Милля, Тэйлора и Спенсера и, что быть можетъ особенно характерно, Джорджа Грота. Въ этомъ кругѣ юношескихъ впечатлѣній и размышленій опредѣлялись существенныя черты воззрѣній Лаппо-Данилевскаго историка: сознаніе необходимой связи исторической науки съ общими философскими проблемами, съ соціологической ориентировкой ея заданій, съ вопросами личной и общественной этики. Сложный теоретическій подходъ къ основнымъ вопросамъ науки остался характернымъ отличіемъ всего ученаго мышленія Александра Сергѣевича: эта личная особенность глубоко коренилась въ интимнѣйшихъ свойствахъ его индивидуальности.

Въ годы студенчества (1882—1886) А. С. Лаппо-Данилевскій, пробуетъ силы на конкретныхъ задачахъ. Составленное имъ обзорнѣе „скиескихъ древностей“ было издано Археологическимъ обществомъ

¹⁾ Докладъ въ собраніи Историческаго кружка при Историко-Филологическомъ Факультетѣ Петроградскаго Университета 15 апрѣля 1919 года.

въ „Запискахъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологiи“ (VI, 1887), и археологiя осталась затѣмъ однимъ изъ постоянныхъ элементовъ его разносторонняго научнаго кругозора. А. С. Лаппо-Данилевскiй внимательно слѣдилъ за движенiемъ этой науки въ Россiи и другихъ странахъ, а въ 1893 г. опубликовалъ монографiю о „Древностяхъ кургана Карагодеуашхъ, какъ материалъ для бытовой исторiи Прикубанскаго края въ IV—III вв. до Р. Х.“ Но специальная работа молодого ученаго стала, преимущественно, сосредоточиваться на изученiи Московскаго государства, къ которому онъ подошелъ съ особой точки зрѣнiя, навѣянной, въ значительной мѣрѣ, влiянiемъ такъ называемой историко-юридической школы, а главнымъ образомъ Б. Н. Чичерина и А. Д. Градовскаго. Выборъ темы для специальной работы и вся ея постановка опредѣлены продуманнымъ общимъ воззрѣнiемъ на задачи исторической науки, воззрѣнiемъ, которое легло въ основу всей научной дѣятельности Александра Сергѣевича и развернуто во всей глубинѣ и сложности „Методологiей исторiи“, этимъ важнѣйшимъ плодомъ его научнаго творчества. Въ рѣчи, произнесенной А. С. Лаппо-Данилевскимъ передъ магистерскимъ диспутомъ 9-го мая 1890 года (она напечатана въ „Историческомъ Обзорѣнiи“, т. I), онъ опредѣлялъ главное содержанiе исторiи, какъ „науки, которая изучаетъ явленiя развитiя, обнаруживающiяся во взаимодѣйстви живыхъ индивидуумовъ“; эта наука „слѣдитъ, главнымъ образомъ, за развитiемъ того взаимоотношенiя, въ какомъ находились между собою явленiя духовныя, хозяйственныя и правовыя въ предѣлахъ разнородныхъ социальныхъ группъ (народовъ), а также за тѣмъ положительнымъ или отрицательнымъ влiянiемъ, какое эти группы (народы) оказывали другъ на друга при такомъ развитiи“. Но при такомъ пониманiи задачъ историческаго изученiя Александръ Сергѣевичъ рѣшилъ для первой большой работы ограничить поле своихъ изслѣдованiй и предпринять разработку сырого материала, чтобы выработать себѣ технику изслѣдованiя, а потомъ уже, въ дальнѣйшихъ трудахъ, „перейти и къ болѣе высокимъ ступенямъ историческаго отвлеченiя“. А для этого ему представлялось болѣе цѣлесообразнымъ начать съ изслѣдованiя одной изъ сторонъ исторической жизни (явленiй духовной, хозяйственной или правовой культуры) и притомъ въ предѣлахъ одной народности. Съ другой стороны, на выборъ темы повлiяло иное, общее соображенiе. Въ ту пору Александру Сергѣевичу представлялось, что два основныхъ направленiя исторической мысли—обобщающее явленiя историческихъ процессовъ (по принятой позднѣе А-дромъ С-чемъ терминологiи номотетическое) и индивидуализирующее представленiя объ изучаемыхъ явленiяхъ (идиографическое) соответствуютъ понятiямъ о „всеобщей исторiи“, которая изучаетъ „нор-

мы общественнаго развитія, общія всему человѣчеству, или, по крайней мѣрѣ, цивилизованной его части, и объ изученіи историческаго развитія отдѣльной народности, которое стремится къ опредѣленію ея специфическихъ признаковъ“. Въ духѣ исторіографической и философско-исторической традиціи А. С. представлялъ себѣ каждую національную исторію проявленіемъ особаго „типа“, а потому полагалъ, что изученіе ея требуетъ преимущественнаго вниманія къ періодамъ наиболѣе рѣзкаго развитія специфическихъ-особенностей даннаго „типа“. Второй чертой еще не преодолѣнной въ ту пору зависимости А. С. отъ той же традиціи было пониманіе національнаго типа, какъ типа государственнаго: онъ усматривалъ основныя черты національной жизни въ характерныхъ особенностяхъ государственнаго строя. Таковы предпосылки, съ которыми А. С. подошелъ къ выбору специальной темы по русской исторіи. Періодомъ наиболѣе яркаго развитія специфическихъ особенностей русскаго національнаго типа онъ призналъ XVII-й вѣкъ (что также соотвѣтствовало вскормившей его мысленіе традиціи), и притомъ въ силу представленія, что именно въ XVII-мъ вѣкѣ важнѣйшія черты русскаго государственнаго строя достигли такого болѣе или менѣе устойчиваго взаимоотношенія, которое даетъ возможность довольно ярко представить его, какъ опредѣленный „государственный типъ“. Развитие великорусской національности представлялось А. С-чу довольно одностороннимъ: „оно сказывалось, главнымъ образомъ, въ прогрессивномъ ростѣ правительственныхъ органовъ и ихъ функций, а не въ историческомъ разностороннемъ движеніи всей совокупности народныхъ силъ“, а поэтому „изученіе русскаго XVII-го вѣка сводится, главнымъ образомъ, къ ознакомленію съ его правительственной исторіей“. Наиболѣе важными вопросами этой исторіи было финансы и войско, причемъ зависимость военнаго дѣла отъ состоянія государственнаго хозяйства выдвигаетъ на первую очередь изученіе финансоваго строя Московскаго государства. А. С. и взялъ на себя разработку обширной темы по изученію этого строя—изслѣдованіе системы обложенія. Къ постановкѣ своего изслѣдованія онъ также подошелъ послѣ солидной теоретической подготовки въ области финансоваго права и назвалъ работу: „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смуты и до эпохи преобразованій“. Теоретически обдуманнѣйшій подходъ къ работѣ и тутъ, какъ и въ общемъ представленіи о „тишинности“ XVII-го вѣка, въ значительной мѣрѣ связалъ изслѣдователя примѣненіемъ къ явленіямъ этого вѣка понятій, терминовъ и схемы финансовой науки, построенной на изученіи государственныхъ финансовъ XIX-го столѣтія, начиная съ понятія о „прямомъ“ обложеніи, которое

лишь условно примѣнимо къ финансовой дѣйствительности московскаго государства.

Но таковъ былъ характерный для А. С. путь мышленія: отъ общей теоретически продуманной концепціи къ схемѣ изучаемыхъ явленій, отъ схемы къ наблюденію конкретныхъ явленій дѣйствительности. Глубокая и напряженная сознательность, вносимая имъ въ каждый моментъ работы, остро ставила вопросъ о взаимоотношеніи „методологіи“ и „феноменологіи“ изслѣдованія и построенія его результатовъ, о борьбѣ обобщающей научной мысли съ неисчерпаемымъ многообразіемъ явленій живой дѣйствительности. Эта основная проблема всякой исторической работы осложнена еще зависимостью историка отъ источниковъ, сквозь призму которыхъ онъ вынужденъ подходить къ изучаемой дѣйствительности къ прошлой, непосредственно не наблюдаемой жизни. А. С. построилъ свой первый крупный трудъ на разработкѣ значительнаго количества неизданнаго, рукописнаго матеріала и достигъ того практическаго результата, который мысленно для себя намѣтилъ: углубился въ работу надъ сырымъ архивнымъ матеріаломъ, вошелъ въ условія и приемы исторической техники и выработался на этомъ дѣлѣ въ того выдающагося археографа, какимъ явился позднѣе въ итогахъ многолѣтняго труда надъ вопросами источниковѣдѣнія и археографіи.

Эти черты автора „Организаціи прямого обложенія“ намѣчаютъ и опредѣляютъ общій строй его научнаго мышленія. На личномъ опытѣ конкретной работы онъ ищетъ пути къ разрѣшенію болѣе общихъ вопросовъ, изучаетъ не сколько „исторію“, сколько историческую науку въ ея задачахъ и методахъ, работаетъ надъ собой, выковывая свою мысль теоретика и методолога историческаго познанія.

Такое направленіе научныхъ исканій Александра Сергѣевича вытекало изъ интимнѣйшихъ свойствъ его натуры. Его внѣшній обликъ, культурно выработанный, сдержанный и замкнутый, таилъ эту натуру, глубоко искреннюю, впечатлительную, алчущую и жаждущую свободы духа отъ всякой двойственности, отъ психологическихъ противорѣчій, свободы мысли отъ противорѣчій логическихъ: Рѣдко, крайне рѣдко встрѣчается такая глубокая, неустранимая потребность въ цѣльномъ и обоснованномъ до конца познаніи, какъ та, которой жилъ и мучился Александръ Сергѣевичъ. Только зная особый, исключительный характеръ этой черты Александра Сергѣевича, поймешь и заключительныя строки предисловія къ его магистерской диссертациі, которыя такъ поразили его читателей. Въ этихъ строкахъ А. С. обосновываетъ и оправдываетъ свое выступленіе на научномъ поприщѣ „искреннимъ желаніемъ изучать тѣ или другія явленія безъ всякихъ предубѣжденій, стремленіемъ къ истинѣ, стремленіемъ, въ силу котораго душа болѣе:

ненно рвется на просторъ, хотя и прикована тяжелыми цѣпями къ міру конкретныхъ представленій, сознание мучительно бьется въ желѣзной клѣткѣ, но согрѣвается надеждой когда-либо вылетѣть на чистый воздухъ, возвратиться на лоно природы и отождествить свое я съ мировымъ бытіемъ“.

Не понявъ этихъ строкъ, мало что поймемъ въ научной дѣятельности Александра Сергѣевича. Въ нихъ съ рѣдкой, безоглядной искренностью высказаны тѣ боренія его духа и мысли, которыми опредѣлялось его личное отношеніе къ научнымъ и философскимъ проблемамъ. Работа надъ этими проблемами не была для Александра Сергѣевича дѣломъ внѣшнимъ, отдѣльнымъ и обособленнымъ отъ интимнѣйшихъ личныхъ душевныхъ переживаній и запросовъ. Искаль онъ, напротивъ, въ этой работѣ выхода къ состоянію духовной свободы и цѣльной жизни „со всѣмъ живущимъ заодно“, по слову поэта. Искаль, притомъ, средствами точнаго научнаго изученія, согласно со свойствами своего аналитическаго ума, напряженно и часто страдальчески переживая несогласованность дискурсивнаго мышленія съ потребностями своей, по существу—метафизической духовной природы. Искаль пути къ чистой истинѣ, не искаженной ошибками мысли и воспріятія. И не разъ поражалъ Александръ Сергѣевичъ тѣхъ, кому случалось общаться съ нимъ на почвѣ этихъ исканій, своимъ особымъ отношеніемъ къ обсужденію тѣхъ или иныхъ историческихъ и философскихъ вопросовъ. Зависимость сознательной мысли отъ иррациональныхъ элементовъ человѣческой природы ощущалась А. С., какъ моральный дефектъ передъ долгомъ свободнаго отъ „всякихъ предразсудковъ“ исканія чистой истины. Такъ, напримѣръ, обсужденіе мнѣнія (высказаннаго имъ въ „Очеркѣ внутренней политики императрицы Екатерины II“, одномъ изъ лучшихъ его этюдовъ) о прогрессивномъ вліяніи дворянства на политику имп. Екатерины и о томъ, что позднѣе „относительная независимость отъ окружавшей ее среды едва ли выгодно отозвалась на содержаніи реформъ и во всякомъ случаѣ задержала ихъ развитіе“, наводитъ Александра Сергѣевича неожиданно на полное тревожной грусти размышленіе о томъ, какъ трудно отрѣшиться отъ традиціонныхъ воззрѣній и настроеній своей среды. Стремленіе къ безусловной послѣдовательности и цѣльности мысли, какъ условію познанія „истины“, вызывало у Александра Сергѣевича при обсужденіи вопроса о приложимости понятія эволюціи къ апріорнымъ формамъ сознанія—глубокій вздохъ съ восклицаніемъ: „какіе это тяжелые вопросы!“ Борьба обобщающей мысли съ многообразіемъ міра конкретныхъ представленій—основная проблема теоріи историческаго мышленія, приводила его, по временамъ, къ горь-

кимъ замѣчаніямъ о безысходной трудности исторической работы, которая такъ безконечно туго поддается исполнѣ осознанной рациональной постановкѣ. А въ основѣ такихъ переживаній—острое ощущеніе противорѣчія между строгой дисциплиной научной мысли и лирическими (въ широкомъ смыслѣ слова) элементами міроощущенія, которыя были столь свойственны Александру Сергѣевичу и находили выраженію въ его любви къ музыкѣ и опытахъ музыкальнаго творчества; такъ, сравнительно недавно поддавался онъ настроенію сомнѣнія, правъ ли онъ былъ передъ собой, когда избралъ путь исторической науки, а не—консерваторію! И въ области научной работы и философствованія передъ нимъ всегда стояло „предѣльное“ представленіе о примиряющимъ синтезѣ строго-научной мысли и всеобъемлющаго метафизическаго полета духа въ построеніи „главнаго объекта исторической науки—исторіи человѣчества“ и главнаго объекта полнаго познанія—„понятія о міровомъ цѣломъ“ въ ихъ живомъ взаимоотношеніи. Потребность въ цѣльномъ, доведенномъ до конца познаніи характерно выражалась, напримѣръ, въ отзывѣ Александра Сергѣевича на мнѣніе, что лучше оставить вопросъ неразрѣшеннымъ по недостатку данныхъ, чѣмъ заполнять лагуну свѣдѣній предположеніями: онъ полагалъ, что подъ такимъ сужденіемъ кроется недопустимое равнодушіе къ законченности изученія, непростительный моральный индифферентизмъ къ построенію цѣльнаго знанія.

Принципіальные вопросы теоріи, методологіи и техники исторической науки были естественнымъ центромъ всего научнаго размышленія и творчества Александра Сергѣевича. Его спеціальныя работы по русской исторіи служили экспериментальными этюдами къ существеннымъ теоремамъ историческаго анализа и построенія или дипломатики, источниковѣднія. „Методологическіе“ интересы брали какъ бы верхъ надъ „феноменологическими“. Однако, не по существу, но въ силу состоянія данной науки съ ея неразработанными методами, съ ея необоснованными предпосылками, съ роковой неполнотой ея разработки, съ ея зависимостью отъ интуиціи историка, замѣняющей строго методическій путь анализа и синтеза. Раньше чѣмъ строить большое зданіе, такъ мыслить Александръ Сергѣевичъ, надо заложить солидный фундаментъ основъ, руководящихъ принциповъ и пріемовъ работы. И это убѣжденіе опредѣлило дѣло его жизни и сдѣлало его незамѣнимымъ руководителемъ научно-воспитанной аудиторіи.

Впрочемъ, основная тема магистерской диссертациі—изученіе русской государственности въ ея типическихъ чертахъ—осталась и въ дальнѣйшей его работѣ самостоятельнымъ и близкимъ научнымъ заданіемъ. Изученіе это уже въ первомъ трудѣ органически силелось

съ изслѣдованіемъ общественнаго строя (въ отдѣлѣ „о податныхъ классахъ“), съ одной стороны, а съ другой—съ выясненіемъ основъ правосознанія и государственныхъ понятій данной эпохи. Въ дальнѣйшей работѣ Александръ Сергѣевичъ развернулъ свое изученіе, преимущественно, въ этихъ двухъ направленіяхъ. Однако, исторіи московскаго періода онъ касался лишь урывками въ нѣсколькихъ весьма цѣнныхъ этюдахъ по исторіи сельскаго населенія и, отчасти, дворянства („Разысканія по исторіи прикрѣпленія крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII в. в.“; „Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи“; „Выслуженныя вотчины въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII в.в.“); этюды эти переходятъ уже къ освѣщенію тѣхъ же вопросовъ въ XVIII вѣкѣ („Екатерина II и крестьянскій вопросъ“). Московская Русь XVII-го вѣка, видимо, утратила въ сужденіи А. С-ча характеръ законченнаго культурно-историческаго типа; XVII в. выступаетъ опредѣленно съ чертами переходной эпохи, которая интересуется изслѣдователя, въ духѣ новой исторіографіи, преимущественно критическимъ процессомъ перехода къ новымъ формамъ соціально-политическаго строя и быта и къ новому по формѣ и содержанию укладу духовной культуры. Съ точки зрѣнія подготовки въ XVII вѣкѣ основныхъ явленій, характерныхъ для новой Россіи, изучаетъ А. С. развитіе „идеи государства“ и понятій объ отношеніи между государственной властью и населеніемъ отъ Смутнаго времени до преобразованій Петра въ докладѣ, прочитанномъ на международномъ съѣздѣ историковъ въ Лондонѣ (изданъ по французски въ сборникѣ „Очерковъ по исторіи права“, изд. подъ редакціей П. Г. Виноградова, и по русски въ журналѣ „Голосъ Минувшаго“, 1914). Та же тема, но уже для XVIII-го вѣка освѣщена въ изслѣдованіи о „Собраніи и сводѣ законовъ Россійской Имперіи, составленныхъ въ царствованіе имп. Екатерины II“ и въ упомянутомъ „Очеркѣ внутренней политики имп. Екатерины II“. Но въ этихъ трудахъ на первомъ планѣ иныя проблемы. Передъ нами этюды, примыкающіе къ обширному труду, принятому А. С., по изслѣдованію общественной жизни XVIII вѣка, матеріальныхъ и духовныхъ факторовъ ея культуры и того взаимоотношенія, какое обнаружилось между ея проявленіями и правовыми нормами. Такъ самъ онъ опредѣлилъ задачу этого труда, который остался незамонченнымъ и неопубликованнымъ, въ автобіографіи, составленной для изданія: „Матеріалы для біографическаго словаря дѣйствительныхъ членовъ Имп. Академіи Наукъ“. Къ тому же труду, видимо, примыкаютъ этюды А. С-ча о промышленныхъ и торговыхъ компаніяхъ XVIII-го вѣка, о „комиссіи о коммерціи“, о духовной

культурѣ того же столѣтія („Русскія промышленныя и торговля компанія въ первой половинѣ XVIII-го вѣка“, „Die Russische Handels-Kommission von 1763—1796“, „Петръ Великій—основатель Академіи Наукъ“, „И. И. Бецкій и его система воспитанія“).

Только публикація обширнаго труда по исторіи XVIII-го вѣка, надъ которымъ А. С. работалъ въ теченіи многихъ лѣтъ, дастъ полное представленіе о его ученомъ наслѣдіи. Въ значительной части трудъ этотъ представлялъ собою крупное по объему, а конечно и по значенію, законченное цѣлослѣдствіе—лѣтъ десять, даже и болѣе, тому назадъ А. С. не разъ высказывалъ намѣреніе тогда же приступить къ его печатанію. Однако, все откладывалъ, занятый другими задачами и повидимому также переработкой и постояннымъ усложненіемъ выполненнаго...

При всей самодовлѣющей цѣнности методологическія размышленія, разысканія и построенія Александра Сергѣевича стояли, по отношенію къ личной его работѣ, въ неразрывной связи съ историческимъ изслѣдованіемъ по исторіи XVIII-го вѣка, которое, будь оно опубликовано, явилось бы главнымъ трудомъ Лаппо-Данилевскаго историка. Связь эта проявляется ощутительно и наглядно въ упомянутыхъ этюдахъ, въ ихъ постановкѣ и разработкѣ.

Нельзя, конечно, считать случайностью, что главный историческій трудъ Александра Сергѣевича не увидѣлъ свѣта, что важнѣйшіе плоды его осуществленной работы—методологія и дипломатика. Крайніе запросы научности, предѣльные требованія полноты и цѣльности знанія, питаемая метафизическими и моральными потребностями его духовной природы, привели къ преобладанію подготовительнаго изслѣдованія основъ, методовъ и техники изученія дѣйствительности надъ конкретной исторической работой. И далѣе—изслѣдованіе это, углубленное и расширенное въ своихъ задачахъ, пріобрѣтаетъ самодовлѣющее значеніе. Методологія исторіи, какъ теорія историческаго знанія, вырастаетъ въ особую дисциплину, построенную на общей теоріи знанія, и ея изложеніе даетъ Александру Сергѣевичу выходъ къ обоснованію и выявленію его основныхъ философскихъ воззрѣній. Въ послѣднихъ, окончательныхъ редакціяхъ своихъ методологія исторіи Лаппо-Данилевскаго разработана „въ духѣ критической философіи“. Притомъ, Александръ Сергѣевичъ, въ неокантианствѣ своемъ, исходитъ изъ исманія синтеза „чистаго“ и „практическаго“ разума, строя свои воззрѣнія на стремленіи къ идеалу такого познанія, въ которомъ были бы осуществлены познавательныя цѣнности критической мысли и „категорическаго императива“. Въ этомъ, кажется, своеобразіе философскихъ основъ его „методологіи“

исторіи“: въ построеніе теоріи историческаго знанія, его основаній, методовъ и задачъ вводится апріорный элементъ этического характера, какъ факторъ, опредѣляющій рядъ предпосылокъ и аргументовъ познавательнаго значенія. Морально-догматическій моментъ неустранимъ въ міровоззрѣніи Александра Сергѣевича. А съ нимъ неразрывно связана другая основная черта его философіи исторіи: представленіе объ историческомъ процессѣ, какъ о процессѣ, по существу, психологическомъ, протекающемъ въ психической сферѣ взаимодействия человѣческихъ индивидуальностей и социальныхъ соединеній съ ихъ „коллективнымъ сознаниемъ“, причѣмъ все болѣе и болѣе возрастающая взаимозависимость между ними создаетъ „великую индивидуальность“ — человѣчество, которое, „по мѣрѣ объединенія своего сознания“, все болѣе сознательно воздѣйствуетъ на „міровое цѣлое“. Въ первыхъ редакціяхъ курса методологіи Александръ Сергѣевичъ даже яснѣе и опредѣленнѣе досказывалъ эту мысль, говоря о „космическомъ смыслѣ социального развитія“ и о „реорганизациі вселенной“, какъ предѣльномъ моментѣ развитія историческаго процесса, реорганизациі міроваго цѣлага сознательнымъ воздѣйствіемъ на него „великой индивидуальности“, человѣчества. Однако, Александръ Сергѣевичъ не далъ намъ своей философіи исторіи (столь своеобразно и неожиданно родственной въ нѣкоторыхъ основныхъ чертахъ идеямъ такого оригинальнаго мыслителя, какъ Н. Э. Федоровъ); онъ ограничился намеками на нее въ „методологіи“. Онъ не хотѣлъ, не могъ вти путями метафизическихъ построеній. Онъ искалъ не догматическаго изложенія своей идеологіи, а ея строгаго обоснованія и построенія въ предѣлахъ научнаго, критическаго мышленія. Не теряя изъ виду глубокихъ идеальныхъ запросовъ своего духа, онъ подчинилъ ихъ строгой дисциплинѣ систематическаго анализа и осторожнаго критическаго синтеза въ познаніи конкретной дѣйствительности методами историческаго изученія. Положительная философія исторіи скрыта въ методологической обусловленности, но дала методологіи Ал-дра С-ча общую ориентировку и рядъ аксіоматическихъ предпосылокъ. Къ опыту построенія теоріи историческаго знанія на принципахъ критической философіи А. С. пришелъ въ стремленіи къ твердому обоснованію ея основныхъ изложеній. Постепенно освободился онъ отъ вліянія Контовскаго позитивизма и „позитивной социологіи“, которые, однако, имѣли свое опредѣляющее значеніе для самой постановки задачъ теоріи историческаго знанія въ курсѣ методологіи исторіи, разработанныхъ А. С. въ лекціонномъ изложеніи съ 1894/5 г., и въ соотвѣтственныхъ семинарскихъ занятіяхъ. Моно-

графія, напечатанная въ 1902 г. въ сборникъ „Проблемы идеализма“, подъ заглавіемъ: „Основные принципы соціологической доктрины О. Конта“, имѣетъ значительную цѣну для выясненія развитія воззрѣній А-дра С-ча; она показываетъ, какъ углубленное изученіе философіи и соціологіи Конта, вскрывая рядъ противорѣчій въ его воззрѣніяхъ, логически приводитъ къ той системѣ основныхъ положеній, которая легла въ основу „методологіи“, въ значительной, однако, степени примѣненныхъ къ разрѣшенію тѣхъ же, поставленныхъ Контомъ, проблемъ.

Свою окончательную формулировку „Методологія“ получаетъ, кромѣ того, подъ сильнымъ вліяніемъ труда Риккерта: „Границы натуралистическаго образованія понятій“, вышедшаго въ томъ же 1902 г. Теорія историческаго знанія опредѣлилась у Ал-дра С-ча на антитезѣ „номотетическаго“ и „идіографическаго“ его построенія. Научно объединенное и обоснованное знаніе стремится или къ обобщенію данныхъ опыта или къ ихъ индивидуализированію характерными чертами изучаемой дѣйствительности, сообщающими ей конкретную индивидуальность. Было бы, однако, большою ошибкой сводить эту основную схему „методологіи“ къ вліянію Виндельбанда или Риккерта. Не трудно узнать ее, подъ иной терминологической оболочкой, уже въ рѣчи А-ра С-ча передъ магистерскимъ диспутомъ, и представляло бы значительный интересъ учесть вліяніе на него Н. К. Михайловскаго съ его теоріей „борьбы за индивидуальность“. А на мысль объ этомъ вліяніи наводятъ нѣкоторыя упоминанія о Михайловскомъ въ „методологіи“ и въ примѣчаніяхъ къ статьѣ объ О. Контѣ; правда, ихъ слишкомъ мало для опредѣленнаго вывода, но лично мнѣ представляется несомнѣннымъ близкое сродство обѣихъ системъ, которое выясняется при попыткѣ реконструировать философію исторіи и основы соціологіи Лаппо-Данилевскаго, извлекая данные для этого изъ подъ ихъ „методологическаго“ прикрытія. Въ задачи моего изложенія не можетъ входить ни оцѣнка, ни даже цѣльная характеристика „Методологіи“. Но хотѣлось бы отмѣтить характерныя черты ея построенія и настроенія. А. С. выступаетъ защитникомъ „идіографическаго“ познанія дѣйствительности, его научной цѣнности. Сквозь все изложеніе проходитъ это настойчивое стремленіе обосновать научность познанія конкретнаго міра живыхъ особей и группъ, единичныхъ и коллективныхъ индивидуальностей до „главнаго объекта исторической науки“—человѣчества, какъ „историческаго цѣлага“, какъ „великой индивидуальности“, которая „стремится опознать систему абсолютныхъ цѣнностей и осуществить ее въ исторіи, воздѣйствуя, такимъ образомъ, и на тотъ универсумъ, частью ко-

торого она является“. Въ конечномъ итогѣ, по Лаппо-Данилевскому, изученіе дѣйствительности съ идиографической точки зрѣнія требуетъ представленія о ней, какъ объ „одномъ, міровомъ цѣломъ“, но для историка—съ его точки зрѣнія (историка, который сводитъ содержаніе историческаго процесса къ психическому фактору) понятіе о міровомъ цѣломъ слишкомъ далекое, и онъ ограничиваетъ свое изученіе „тою индивидуальною частью мірового цѣлага, которая преимущественно извѣстна ему, какъ носительница сознанія“, т. е. исторіей человѣчества, которое становится реальнымъ „историческимъ цѣлымъ“ по мѣрѣ углубленія взаимодѣйствія составляющихъ его элементовъ—личностей, народовъ и по мѣрѣ того, какъ оно само „все болѣе сознательно воздѣйствуетъ на міровое цѣлое“. Повторно отмѣчаю и подчеркиваю эту метафизическую, по существу—религіозную (хотя и скованную въ рационалистической конструкціи) ориентировку всей философіи исторіи Лаппо-Данилевскаго, потому что она крайне характерна не только для его личности, но и для всего его научно-философскаго мышленія. Важнѣйшая задача, какую поставилъ себѣ А. С.—обоснованіе научности историческаго знанія,—оказывается неразрѣшимой безъ признанія „абсолютныхъ цѣнностей“, какъ критерія, необходимаго въ историческихъ построеніяхъ, и самый объектъ исторической науки—человѣчество онъ опредѣляетъ тѣмъ, что оно „состоитъ изъ индивидуальностей, способныхъ вообще сознать абсолютныя цѣнности“. Въ самомъ опредѣленіи исторической науки, ея объекта и отличія отъ другихъ наукъ для А. С-ча неустранимы такія „абсолютныя цѣнности“, какъ идея долга и свобода воли. Значеніе ихъ для понятія объ исторіи человѣчества получаетъ при томъ такую формулировку, которая придаетъ имъ не только методологическій, но опредѣленно онтологическій смыслъ. „Исторія получаетъ совершенно особое, самостоятельное по отношенію къ природѣ значеніе, если разсматривать ее, какъ постоянное осуществленіе нѣкоего долженствованія; въ немъ всего ярче и обнаружится наиболѣе характерное воздѣйствіе человѣческаго сознанія на матерію“. Съ другой стороны психологическое истолкованіе изучаемыхъ явленій признается неотдѣлимымъ отъ представленія о „свободѣ воли“, такъ какъ мотивировка человѣческихъ дѣйствій неотдѣлима отъ „нормативной оцѣнки“, а такая оцѣнка имѣетъ обоснованіе въ свободѣ воли, проявляемой въ дѣйствіяхъ лица „на основаніи имъ самимъ предъявляемой себѣ нормы“. А. С. вводитъ всѣ эти понятія въ методологически-обусловленной формѣ, доказывая ихъ логическую необходимость для построенія историческаго знанія. Но рядомъ съ этимъ весь строй его аргументаціи служить и иной

цѣли: сознательному уясненію и обоснованію представленія объ „абсолютныхъ цѣнностяхъ“ и ихъ роли въ исторической дѣйствительности. Оба направленія мысли неотдѣлимы: разь „абсолютныя“ этическія цѣнности имманентны сознанію—они реальный факторъ того психическаго процесса, въ которомъ суть коллективной, исторической жизни, и, въ то же время, понятіе о нихъ—основная категория въ построеніи историческаго знанія.

Такая этическая основа философіи исторіи Лаппо-Данилевскаго придаетъ особую настроенность и его методологіи. Строгая методичность, отчетливая осознанность, критическая провѣрка каждаго шага ученой работы—не только техническій принципъ науки, но и нравственный долгъ изслѣдователя. И не только изслѣдователя: упорное, сознательное и послѣдовательное исканіе истины въ свободѣ духа отъ предразсудковъ, непродуманныхъ и неосознанныхъ стремленій, уясненіе обоснованныхъ „абсолютныхъ цѣнностей“ философствующей мыслью и ихъ воплощеніе въ дѣйствительности свободной волей, которая сама себѣ сознательно ставитъ нормы дѣятельности,—таковъ этический идеалъ, лежащій въ основѣ какъ научности въ изученіи дѣйствительности, такъ и реальной исторической дѣятельности. „Идиографическое“ построеніе исторіи можетъ претендовать на научное значеніе, такъ какъ даетъ „научное построеніе дѣйствительности“ путемъ „критики, основанной на строго научномъ анализѣ своихъ и чужихъ сужденій о данвыхъ фактахъ“; оно ведетъ къ достовѣрному знанію о конкретномъ, индивидуальномъ, о живой дѣйствительности. Требованіе научности—требованіе не только познанія этой дѣйствительности, но и отношенія къ ней—въ духѣ и истинѣ.

Эта этическая основа научной методологіи одухотворяетъ и несетъ на себѣ всю надстройку тщательнаго анализа приѣмовъ научной критики источниковъ, основныхъ понятій, типологическихъ и номологическихъ построеній исторической науки. Работа ученаго должна быть тщательно изучена въ ея приѣмахъ, методахъ и задачахъ. Ея техника требуетъ тщательной, вдумчивой разработки. И трудъ А-дра С-ча надъ вопросами методологіи неотдѣлимъ отъ не менѣе углубленной, болѣе специальной работы его надъ вопросами дипломатки.

Въ этой области А. С. всего пристальнѣе остановился на дипломатикѣ частныхъ актовъ. Это—историческій матеріалъ, наименѣе разработанный самъ по себѣ и наименѣе использованный историческимъ изученіемъ прошлаго. И въ преподаваніи своемъ, и въ обсужденіи историческихъ вопросовъ на засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, А. С. часто указывалъ на существенное значеніе такого матеріала. Одностороннее вниманіе къ изученію государственнаго строя въ нашей

историографіи объясняется, въ значительной мѣрѣ, неразработанностью и недоступностью этого матеріала. А, между тѣмъ, подлинная задача историка состояла бы въ изслѣдованіи взаимодѣйствія государства и общества, государственнаго строя и гражданскаго быта. Изученіе общественной жизни во взаимодѣйствіи ея проявленій съ правовыми нормами можетъ быть основано на широкомъ использованіи актовъ частнаго, гражданскаго характера. Эти акты служатъ источникомъ для свѣдѣній, которыхъ не даютъ другіе матеріалы. Ихъ изданіе не можетъ имѣть цѣлью только указаніе образцовъ извѣстныхъ юридическихъ отношеній. Имѣя подъ руками большое ихъ количество, изслѣдователь получить возможность изучать гражданскій правооборотъ и войти въ разсмотрѣніе реальныхъ отношеній матеріальной культуры и социальнаго строя, слѣдить, на примѣръ, за обращеніемъ собственности, даже дѣлать приблизительные статистическіе выводы, выяснять разнообразіе гражданскаго быта разныхъ мѣстностей и т. д. Систематизація матеріала, отличающагося весьма разнообразнымъ научнымъ значеніемъ, очень трудна. Она требуетъ большого и сложнаго труда, широко и методически поставленнаго. Систематика социальныхъ явленій разныхъ порядковъ требуетъ для изученія ихъ взаимодѣйствія, составляющаго процессъ исторической жизни, углубленнаго изученія каждаго эволюціоннаго ряда, но, при данномъ состояніи матеріала, выдвигаетъ на очередь предварительную его обработку. А. С. съ группой учениковъ поставилъ многолѣтнюю работу по составленію научнаго каталога изданныхъ частныхъ актовъ Московскаго періода. Этотъ первый шагъ къ выясненію огромнаго матеріала органически связался на почвѣ дипломатики частныхъ актовъ съ другой—изданіемъ актоваго фонда Коллегіи Экономіи. Весь матеріалъ, сосредоточенный путемъ такихъ подготовительныхъ работъ, послужилъ для разработки дипломатики частныхъ актовъ, анализа ихъ формы и ея видоизмѣненій—эволюціонныхъ и топографическихъ, ихъ типа, правового содержанія и значенія. Изъ личныхъ этюдовъ А. С. по дипломатикѣ особое значеніе имѣетъ изслѣдованіе о „служилыхъ кабалахъ позднѣйшаго типа“, гдѣ онъ предлагаетъ новый методъ анализа ихъ формуляра и его мѣстныхъ разновидностей, а также слѣдить за его развитіемъ въ XVII вѣкѣ; нѣсколько работъ его учениковъ по методикѣ дипломатическаго изученія частно-правовыхъ актовъ и по изслѣдованію отдѣльныхъ ихъ типовъ появилось въ „Сборникѣ статей, посвященныхъ А. С. Лаппо-Данилевскому“ (1916 г.).

А. С. создалъ школу, въ которой не замретъ начатое имъ большое дѣло. Болѣе того, онъ заново поставилъ, вѣрнѣе создалъ цѣ-

лый отдѣлъ—и одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ русскаго источниковѣдѣнія, дальнѣйшая разработка котораго должна углубить и расширить историческое изученіе прошлаго въ рядѣ принципиально важныхъ задачій. Стремленіе къ полнотѣ историческаго познанія соединено тутъ съ требованіемъ строгаго обоснованія всѣхъ его элементовъ.

Работа надъ изученіемъ частно-правовыхъ актовъ выросла въ разработку самыхъ методовъ русской дипломатикѣ. Общіе итоги этой работы подведены въ основныхъ чертахъ А-дромъ С-чемъ въ послѣднемъ его трудѣ — „Очеркъ русской дипломатикѣ частныхъ актовъ“, лекціяхъ, прочитанныхъ имъ въ осеннемъ семестрѣ 1918 г. на Архивныхъ курсахъ при Петроградскомъ Археологическомъ Институтѣ. Предстоящій выходъ въ свѣтъ этихъ лекцій явится, какъ ни горько и какъ ни чуждо это сказать, „посмертнымъ“ издавіемъ труда А. С. Лаппо-Данилевскаго.

Цѣнность этихъ лекцій—большая. Во-первыхъ, тутъ находимъ цѣлую главу, посвященную, ради опредѣленія понятія частно-правового акта, самостоятельному изслѣдованію одного изъ самыхъ сложныхъ и спорныхъ вопросовъ теоріи права: разграниченію между публичнымъ и частнымъ правомъ, въ связи съ однимъ изъ существенныхъ вопросовъ исторіи русскаго права—о томъ, въ какой мѣрѣ это разграниченіе приложимо къ изученію стариннаго русскаго права и дѣйствительно примѣнялось въ немъ, на основаніи какого критерія, и какъ критерій этотъ измѣнялся въ развитіи русскаго права. Имѣемъ тутъ рядъ указаній на характеръ примѣненія этихъ различій къ правовымъ актамъ разнаго типа, выясняющихъ трудности ихъ классификаціи въ виду колебаній самаго критерія, и, затѣмъ, изложеніе дипломатикѣ частныхъ актовъ съ точки зрѣнія документальнаго построенія актовъ, т. е. выясненія ихъ происхожденія, состава, разновидностей формуляровъ, способовъ ихъ удостовѣренія и храненія, и съ точки зрѣнія документальнаго источниковѣдѣнія, выясняющаго принципы и приемы ихъ интерпретаціи и критики. Стройная методичность изложенія, результатъ углубленной и долгой работы—даетъ образецъ изученія и ставитъ сложную программу дальнѣйшей разработки источниковѣдѣнія и дипломатикѣ. Такое же общее значеніе можетъ и должна получить и болѣе специальная работа, выполненная А. С. Лаппо-Данилевскимъ съ организованной имъ группой сотрудниковъ—инструкція, содержащая правила для изданія грамотъ Коллегіи Экономіи. Тщательно разработанная при усиленномъ вниманіи къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго типа актовъ и каждой ихъ разновидности, она даетъ образецъ четкой археографической работы, подымая уровень методическихъ требованій.

Въ этомъ, быть можетъ, вообще главное значеніе всѣхъ трудовъ и всей дѣятельности А. С. Лаппо-Данилевскаго. Мы потеряли въ немъ незамѣнимаго дѣятеля научной культуры. Въ постоянной работѣ надъ самимъ собой, надъ своей подготовкой къ разрѣшенію тѣхъ или иныхъ очередныхъ задачъ научнаго знанія, при широкомъ, разностороннемъ ихъ пониманіи, онъ все углублялъ и расширялъ это пониманіе, подымая до все большей и большей высоты уровень научныхъ требованій. Въ научную работу онъ вносилъ строгую культурную воспитанность мысли и воли, глубокую искренность и этическую настроенность. Этими чертами опредѣлилась его роль какъ университетскаго преподавателя и ученаго дѣятеля. Онъ былъ не только учителемъ науки, но, прежде всего, воспитателемъ научности, неотдѣлимой отъ общаго культурнаго и этическаго воспитанія духа и воли. Такимъ являлся Александръ Сергѣевичъ Лаппо-Данилевскій въ университетской аудиторіи, въ ученомъ обществѣ, которымъ руководилъ, въ Академіи Наукъ и въ международныхъ научныхъ сношеніяхъ, какъ организаторъ научнаго общенія и ряда ученыхъ предпріятій.

Носитель и дѣятель старой зрѣлой культуры, А. С. сошелъ съ житейской сцены въ минуту ея глубокаго кризиса. И невольно думается, что, при всей безвременности и жуткой, роковой случайности этой кончины, есть въ ней трагическое соотвѣтствіе историческому моменту, переживаемому нашей родиной вмѣстѣ со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

Это моментъ не только кризиса, но прямого распада старой культуры: распада въ смыслѣ гибели иныхъ ея цѣнностей, изжитыхъ по содержанію или по формѣ его воплощенія, а кризиса—въ смыслѣ испытанія и отбора ея наиболѣе жизнеспособныхъ факторовъ и элементовъ. Среди послѣднихъ на первомъ мѣстѣ, конечно, основы научной культуры. Все минется, одна правда останется. Служеніе А. С. Лаппо-Данилевскаго этой правдѣ-истинѣ было служеніемъ неустрашимой „абсолютной цѣнности“, которая выдержитъ всякій кризисъ и дастъ, по существу, выходъ изъ всякаго распада временныхъ и относительныхъ историческихъ формъ къ строенію новой, дальнѣйшей жизни. Но самъ онъ крайне тягостно переживалъ распадъ той культуры, которая его вскормила, и ушелъ изъ жизни въ такой моментъ, когда былъ особенно необходимъ всѣмъ, кто былъ съ нимъ связанъ общимъ, насущнымъ дѣломъ. И невольно думается въ горькомъ сожалѣніи, что Александръ Сергѣевичъ палъ жертвой не столько роковой болѣзни или медицинскаго промаха, сколько трагедіи „вишневаго сада“ старой русской культуры.

Труды А. С. Лаппо-Данилевскаго по русской исторіи ¹⁾.

„Жуткое чувство испытываетъ тотъ, кому приходится заниматься исторіей науки въ Россіи...: длинные ряды „первыхъ“ томовъ, „первыхъ“ выпусковъ, которые никогда не имѣли преемниковъ; широкіе замыслы, застывшіе какъ-бы на полусловѣ, груды ненапечатанныхъ, полузаконченныхъ рукописей. Громадное кладбище несуществленныхъ начинаній, несбывшихся мечтаній. Всего два въ сущности съ небольшимъ вѣка этой молодой русской наукѣ, а какъ длиненъ ея мартирологъ...“

Такъ недавно началъ свою рѣчь „Памяти Вас. Павл. Васильева“ С. Ѳ. Ольденбургъ. И какъ не предпослать тѣхъ же словъ попыткѣ преждевременнаго итога научной работѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго? Злая судьба оборвала его дѣло въ полудѣлѣ. Его широкія начинанія, все разраставшіяся и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь близкія къ завершенію, относительному, конечно, но значительному, изданіе „Методологіи исторіи“, систематическій итогъ „Дипломатики частныхъ актовъ“, выпускъ въ свѣтъ „Грамотъ Коллегіи Экономіи“, обработка обширнаго труда, труда цѣлой жизни по изученію русской общественности XVIII-го столѣтія, покинуты незаконченными.

То, что мы уже имѣемъ изъ научнаго наслѣдія Александра Сергѣевича, значительно и цѣнно, но это только отрывки, болѣе или менѣе случайно вырванные изъ обширнаго цѣлага его ученой работы, обработанные для печати, въ большинствѣ, по тѣмъ или инымъ внѣшнимъ поводамъ.

Ученая работа Александра Сергѣевича была именно обширнымъ цѣлымъ, внутренно связнымъ; поэтому подвести нѣкоторый итогъ его трудамъ, появившимся въ печати, задача нелегкая и малоблагодарная. Пѣтъ въ рукахъ самаго существеннаго, того цѣльнаго труда, къ которому такъ или иначе примыкали всѣ эти этюды по спеціальнымъ вопросамъ. И надо признать, что мы не знаемъ А. С. Лаппо-Данилевскаго, какъ „русскаго историка“, не можемъ подлинно охарактеризовать его, пока не учтемъ его основнаго труда, обширной рукописи, которую судьба забросила далеко—на Волгу, въ Саратовъ, вмѣстѣ съ рукописными сокровищами Академіи Наукъ, „эвакуированными“

¹⁾ Докладъ въ засѣданіи Историческаго Общества при Петроградскомъ Университетѣ 7 мая 1919 г.

передъ грозившей, какъ казалось, опасностью иноземнаго нашествия.

Со временемъ этотъ главный историческій трудъ, поскольку онъ обработанъ авторскою рукою, появится въ печати какъ „посмертный“ трудъ, безъ окончательной авторской редакціи. Академіи Наукъ предстоитъ еще сложная и отвѣтственная забота — выяснить и осуществить, по мѣрѣ возможности, научное наслѣдіе своего сочлена.

Въ ряду русскихъ историковъ А. С. Лаппо-Данилевскій занималъ свое обособленное положеніе. Его научный интересъ былъ сосредоточенъ, можно сказать, не на русской исторіи ради нея самой, какъ у большинства представителей этой специальности, а на исторической наукѣ въ ея цѣломъ, въ ея принципиальныхъ, теоретическихъ основахъ и методахъ. Русский матеріалъ—какъ въ смыслѣ источниковъ, такъ и въ смыслѣ изучаемыхъ явленій—представляется лишь существеннымъ, но вѣдшимъ условіемъ его ученой работы, объектомъ экспериментальнаго примѣненія, проверки и конкретизаціи общихъ представленій о методологическихъ и феноменологическихъ задачахъ исторической науки. Съ этимъ общимъ направленіемъ научнаго мышленія Ал-дра С-ча характерно связано преобладаніе интереса къ такъ называемой новой русской исторіи, въ частности къ XVIII вѣку. Если количественно въ опубликованныхъ имъ работахъ какъ бы даже преобладаетъ изученіе до-петровской Руси, то, съ другой стороны, не только его основной трудъ былъ посвященъ русскому XVIII-му вѣку, но и весь подходъ къ явленіямъ старой Руси въ упомянутыхъ работахъ такъ ориентированъ, что сводитъ ихъ, по существу, къ изученію отдѣльныхъ сторонъ болѣе древней исторической жизни, преимущественно, какъ раннихъ моментовъ тѣхъ историческихъ процессовъ и явленій, которые подготовили основныя черты русской государственной и общественной жизни императорскаго періода. Древняя средневѣковая Русь не привлекала спеціальнаго вниманія А. С. Лаппо-Данилевскаго сама по себѣ, какъ особый, своеобразный историческій типъ. Эта особенность отразилась весьма показательно на университетскомъ преподаваніи А. С. Лаппо-Данилевскаго, на построеніи того общаго курса, который онъ читалъ въ Историко-филологическомъ институтѣ, на постановкѣ и разработкѣ темъ его изслѣдованій, поскольку они касались Московской Руси.

Въ своемъ общемъ курсѣ русской исторіи Ал-дръ С-чъ разсматривалъ развитіе отдѣльныхъ сторонъ исторической жизни Московской Руси за три столѣтія, XV-XVII, въ цѣльныхъ отдѣлахъ, хронологически продольно, если можно такъ выразиться, причемъ, естественно, отступало выясненіе взаимодействія этихъ сторонъ истори-

ческаго процесса въ типичныхъ его моментахъ, и великорусское государство XV-XVI столѣтій сливалось съ московскимъ царствомъ XVII-го вѣка въ одномъ изложеніи въ культурно-исторической періодизаціи. Въ монографіи „Организація прямого обложенія въ Московскомъ Государствѣ времени смуты и до эпохи преобразованій“ видимъ подходъ къ темѣ, обусловленный представленіемъ о XVII-мъ вѣкѣ, какъ о такомъ періодѣ русской національной исторіи, когда проявилось „наиболѣе рѣзкое развитіе специфическихъ особенностей изучаемаго типа“, а именно черты односторонняго преобладанія въ развитіи великорусской національности „привилегированной исторіи“, такъ какъ наиболѣе важными вопросами являлись—финансы и войско. А. С. Лаппо-Данилевскій не видѣлъ въ Московской Руси „разносторонняго движенія всей совокупности народныхъ силъ“, и великорусское средневѣковье представлялось ему мало содержательнымъ. И онъ повторилъ свой приговоръ надъ Московской Русью, высказанный въ первомъ большомъ трудѣ, черезъ много лѣтъ въ одной изъ работъ 1917-го года: „Москва, читаемъ тутъ, была укрѣпленнымъ лагеремъ скорѣе, чѣмъ центромъ цивилизаціи“; не отрицая цѣльности средневѣкового міровоззрѣнія, „установленнаго исключительно съ религіозной и, специально, православной точки зрѣнія“, А. С. находилъ его бесплоднымъ, такъ какъ полагалъ, что „въ старой Руси мысль была отрѣшена отъ дѣйствительной жизни“.

Въ общемъ ходѣ работы Ал-дра С-ча надъ изученіемъ русской исторіи видное мѣсто занялъ XVII вѣкъ, какъ та, преимущественно, эпоха, когда сложился опредѣленный укладъ государственнаго и соціального строя, дальнѣйшее развитіе котораго въ XVIII-мъ столѣтій привлекало его пристальное вниманіе въ связи съ народженіемъ новой общественности, новой духовной культуры, новыхъ формъ соціально-экономической жизни, правосознанія и правовой дѣйствительности.

Специалистомъ по русской исторіи А. С. Лаппо-Данилевскій выступаетъ еще въ студенческіе годы (1882-1886), въ статьяхъ, которыя появились въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Не лишено значенія отмѣтить, что уже въ этихъ юношескихъ дебютахъ затронуты темы, которыя затѣмъ получили существенное значеніе въ дѣятельности Ал-дра С-ча. Таковы, напримѣръ, по поводу труда В. И. Ламанскаго „Secrets de l'état de Venise“, онъ поднимаетъ вопросъ о необходимости систематическаго пересмотра иностранныхъ архивовъ съ цѣлью извлеченія изъ нихъ всего, что имѣетъ отношеніе къ русской исторіи, а, въ частности, отмѣчаетъ особое значеніе итальянскихъ архивовъ для исторіи церковно-религіозныхъ

отношеній Россіи къ Западной Европѣ и роли Московскаго государства въ восточномъ вопросѣ. Прошло много лѣтъ, и мысль эта получила нѣкоторое осуществленіе по почину и подъ руководствомъ академика Лаппо-Данилевскаго въ работѣ римскаго корреспондента Академіи Наукъ. Такъ другая студенческая статья Ал-дра С-ча представляетъ эту же, по поводу книги Ордеги, къ вопросу, которому онъ посвящаетъ много труда и позднѣе: „Русская промышленная политика въ XVIII-мъ вѣкѣ“. И въ первыхъ же выступленіяхъ передъ нами зрѣлый, готовый научный работникъ, который ведетъ свою работу твердой рукой, методически и планомѣрно. Показательна хотя бы статья объ „Иноземцахъ въ Россіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича“, которая всесторонне выясняетъ составъ выѣзжихъ служилыхъ иноземцевъ, мотивы, приводившіе ихъ въ Москву, пути проѣзда, условія ихъ пребыванія на московской службѣ, отношеніе къ нимъ правительства и т. д.

На четвертый годъ по окончаніи университета А. С. Лаппо-Данилевскій выступилъ съ крупнымъ трудомъ, посвященнымъ изученію организаціи прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ XVII-го столѣтія. Трудъ этотъ явился въ свое время, по признанію одного изъ самыхъ строгихъ его критиковъ—П. Н. Милюкова, однимъ изъ „самыхъ замѣчательныхъ явленій въ русской исторической литературѣ“. Основанный на изученіи обширнаго матеріала—печатнаго и рукописнаго, этотъ трудъ ставилъ на очередь рядъ назрѣвшихъ новыхъ вопросовъ, давалъ ихъ первую детальную разработку на основаніи данныхъ, впервые вносимыхъ въ ученый оборотъ, строилъ на нихъ цѣлую систему финансоваго строя и несшей его на себѣ социальную-экономическую базы, выяснялъ тѣмъ самымъ существенныя особенности московскаго государственнаго и общественнаго строя. Къ работѣ этой приступилъ и выполнилъ ее ученый, хорошо подготовленный теоретически въ области финансоваго права и финансовой исторіи западноевропейскихъ государствъ и выработавшій свою технику детальнаго изученія источниковъ на архивныхъ занятіяхъ. „Организація прямого обложенія“ и заняла сразу прочное и признанное положеніе въ русской исторіографіи, въ ряду наиболее видныхъ монографій.

На трудъ этомъ сказались, однако, двѣ особенности общихъ и личныхъ условій, въ которыхъ слагалась научная индивидуальность А. С. Лаппо-Данилевскаго и проявлялись характерныя свойства его мышленія, сказались рѣзко и не вполне благопріятно для достигнутыхъ результатовъ.

Ученая работа Ал-дра С-ча была слишкомъ одинокой, обособлен-

ной. Факультетская школа Петроградскаго университета, гдѣ представителями кафедры русской исторіи были К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и Е. Е. Замысловскій, не могла имѣть для него существеннаго значенія. Онъ самъ себя вырабатывалъ въ упорномъ одинокомъ трудѣ, внѣ вліянія той школы, которая несла въ русскую науку новыя плодотворныя исканія и вѣянія, московской школы В. О. Ключевскаго. А. С. Лаппо-Данилевскій исходилъ изъ тѣхъ воззрѣній на русскую исторію, которыя установлены были старой „юридической“ школой русской исторіографіи, испытавъ на себѣ значительное вліяніе, преимущественно, трудовъ Чичерина и Градовскаго. А эта исторіографическая традиція была къ концу восьмидесятыхъ годовъ въ значительной мѣрѣ изжита и исчерпана. Для читателей историческаго изслѣдованія, вышедшаго въ свѣтъ въ 1890 году, было нѣсколько неожиданно встрѣтить вновь, какъ исходный пунктъ для характеристики XVII-го вѣка положеніе, что „родовыя отношенія, на которыхъ основанъ былъ патріархальный строй древне-русскаго общества... перерождались въ религіозныя и экономическія формы, но не успѣли еще смѣниться юридически опредѣленными и самостоятельными общественными союзами, когда правительство настолько окрѣпло въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами, что стало во главѣ общества, до нѣкоторой степени осуществило въ себѣ идею государства и олицетворило ее въ царской власти“.

А. С. Лаппо-Данилевскій подошелъ къ изученію Московскаго государства съ общихъ точекъ зрѣнія, выработанныхъ частью самостоятельно, частью еще подъ сильнымъ вліяніемъ старой исторіографической традиціи и положилъ ихъ въ основу изученія исторической дѣйствительности, подчиняя ея построеніе въ своемъ трудѣ схемамъ, которыя подъ часъ стѣсняли и связывали живое воспріятіе и непосредственное наблюденіе ея явленій. Обобщеніе этихъ явленій, самая ихъ классификація приобрѣтали поэтому отчасти искусственный, догматическій складъ; ихъ основанія, не вытекаая изъ свойствъ изученнаго матеріала и наложенныя на него извнѣ, приобрѣтали недостаточно гибкій, недостаточно историческій характеръ.

Критика указывала, что Ал-дръ С-чъ воспроизводитъ не столько финансовую исторію XVII-го вѣка, сколько финансовую систему Московскаго государства, причемъ изображеніе „функціонированія установившейся системы“ не замѣняетъ изученія историческаго процесса развитія государственнаго хозяйства въ связи съ общимъ ходомъ исторической жизни въ данную эпоху и даже насилуетъ представленіе о немъ въ пользу „отвлеченной схемы“, мало соответствующей русской дѣйствительности въ вѣкъ броженія и перестройки основ-

ныхъ формъ великорусской жизни въ такую „переходную“, критическую эпоху, какъ XVII-е столѣтіе.

Интенсивность обобщающей, систематизирующей мысли создаетъ одновременно и силу, и слабость научной работы, особенно въ области историческаго изученія. Опытъ „Организаціи прямого обложенія“ раскрылъ передъ А. С. Лаппо-Данилевскимъ основную антиномію историческаго мышленія; на ея уясненіи и поискахъ ея разрѣшенія сосредоточились затѣмъ его методологическія разысканія. Это антиномія индивидуализирующаго—идіографическаго и обобщающаго—номотетическаго осмысленія изучаемой дѣйствительности, антиномія, которую А. С. былъ склоненъ связывать съ болѣе общей и широкой проблемой мышленія, жаждущаго единства и свободы отъ внутреннихъ противорѣчій, проблемой взаимоотношенія двухъ основныхъ его факторовъ—интуиціи и дискурсивной мысли, какъ моментовъ творческой спонтанности и методическаго обоснованія, и далѣе—творящей активности и вдумчиваго критическаго сознанія. Преодолѣніе этой антиноміи въ цѣльномъ синтезѣ „единства мышленія“—стало задачей его „методологіи“, основанной на самостоятельно строяемой теоріи познанія.

Рядомъ съ такой теоретической работой шло, однако, дальнѣйшее изученіе ряда конкретныхъ историческихъ вопросовъ. Съ архивными розысканіями, которыя были начаты Ал-дромъ С-чемъ въ связи съ изученіемъ „организаціи прямого обложенія“, связаны его отдѣльныя археографическія работы, какъ этюды о „приправочныхъ“ книгахъ XVII вѣка, о „поверстной и указной книгахъ“ Ямскаго приказа, о „мостовыхъ и рѣшеточныхъ деньгахъ“ въ Новгородѣ и Москвѣ въ XVII в., а также этюды, предпосланные изданію „кормленой книги Костромской четверти“, „писцовой и переписной книги“ по Нижнему Новгороду, „записной книги“ крѣпостнымъ актамъ дьяка Алябьева, „отрывковъ изъ дѣла о сборѣ земли, дровъ и денегъ на емчужное дѣло съ погостовъ Новгородскихъ пятинъ XVI-го вѣка“, „веревной книги Николаевскаго Корельскаго монастыря 1707 года“ и т. п. Какъ членъ Археографической Комиссіи А. С. Лаппо-Данилевскій принималъ компетентное и дѣятельное участіе въ ея трудахъ, преимущественно по изданію актовaго матеріала. Археографическія изученія заняли крупное мѣсто въ его научной работѣ и въ университетскомъ его преподаваніи, сдѣлали его однимъ изъ крупнѣйшихъ представителей русской археографіи, который создалъ вокругъ себя цѣнную археографическую школу, разработкой методовъ и задачъ русской дипломатики. Съ 1904 г. Ал-дръ С-чъ поставилъ систематическія занятія по „дипломатикѣ частныхъ актовъ“ московскаго

периода, положивъ плодотворное и прочное основаніе разработкѣ этого еще мало использованнаго важнѣйшаго матеріала; но для такой цѣли предстояло разрѣшить иную, предварительную—методологическую задачу: разработать, а точнѣе заново создать крупный отдѣлъ русской дипломатики, что и выполнено Ал-дромъ С-чемъ, какъ въ личной его работѣ, такъ и въ организаціи коллективной работы группы имъ подготовленныхъ учениковъ надъ изданіемъ „Сборника грамотъ бывшей Коллеги Экономіи“. Ал-дру С-чу не пришлось дожидаться выхода въ свѣтъ этого изданія; не успѣлъ онъ и подвести цѣльный итогъ своимъ многолѣтнимъ занятіямъ по дипломатикѣ частныхъ актовъ. Но первый томъ „Сборника“ вполне готовъ къ выпуску, а лекціи, прочитанныя Ал-дромъ С-чемъ на Архивныхъ курсахъ въ осеннемъ семестрѣ 1918 года, находящіяся въ печати, дадутъ цѣнное резюме этой дипломатики. Итоги этихъ работъ и занятій несомнѣнно чреваты плодотворными послѣдствіями для нашей археографіи и займутъ видное мѣсто въ ея дальнѣйшемъ развитіи. Образецъ монографической разработки одного изъ вопросовъ дипломатики частныхъ актовъ А. С. далъ въ изслѣдованіи о „Служилыхъ кабалахъ позднѣйшаго типа“, въ которомъ примѣнилъ къ анализу ихъ формуляра и его мѣстныхъ разновидностей особый, своеобразный пріемъ и выяснилъ развитіе этого формуляра въ теченіе XVII-го вѣка. Касался А. С. и сфрагистики, напримѣръ, въ этюдѣ о „Печатахъ послѣднихъ Галичско-Владимірскихъ князей и ихъ совѣтниковъ“, гдѣ выяснилъ зависимость галицкихъ печатей отъ западно-европейскихъ образцовъ.

Изъ вопросовъ большаго общенсторического значенія, относящихся къ исторіи Московскаго государства (и именно XVII-го вѣка), А. С. посвятилъ отдѣльныя работы исторіи служилаго землевладѣнія, прикрѣпленія крестьянъ и развитія понятія о государственной власти. Его этюдъ о „выслуженныхъ вотчинахъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII в.в.“ выяснилъ одно изъ явленій въ эволюціи служилаго землевладѣнія, принципиально важное въ исторіи русскаго права. Его „Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII в.в.“, опубликованныя въ формѣ отзыва на трудъ М. А. Дьяконова, даютъ стройный и строго продуманный критическій итогъ того состоянія этого существеннаго вопроса русской соціальной исторіи, которое предшествовало его принципиально иной постановкѣ, какава обусловлена неожиданнымъ открытіемъ новаго матеріала о „заповѣдныхъ“ и „выходныхъ“ лѣтахъ. А. С. далъ и болѣе общій широкій обзоръ исторіи сельскаго населенія въ „Очеркѣ исторіи образованія главнѣйшихъ

разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи“: тутъ онъ выясняетъ, какъ сложились эти разряды и какъ они въ XVIII столѣтїи получили бѣльшую правовую опредѣленность и сословное значеніе. Назрѣвшей въ XVII в. перестройкѣ представленій о взаимоотношенїи между государственной властью и населеніемъ посвященъ докладъ А-дра С-ча на Лондонскомъ международномъ историческомъ съѣздѣ, къ сожалѣнію, по необходимости краткій для темы, разработанной на основѣ самостоятельныхъ архивныхъ разысканій, которыя дали А. С-чу возможность использовать нѣкоторый новый матеріаль изъ области политической письменности XVII вѣка.

Экскурсы эти служили, въ значительной мѣрѣ, вступленіемъ къ изученію тѣхъ же явленій въ позднѣйшія историческія эпохи, а частью, какъ лондонскій докладъ или очеркъ образованія разрядовъ крестьянскаго населенія, и переходили въ такое изученіе. Главный интересъ А. С. Лаппо-Данилевскаго-историка былъ обращенъ, преимущественно, на русскую общественную и государственную жизнь XVIII-го столѣтїа. Начавъ въ 1890—91 уч. году университетское преподаваніе специальнымъ курсомъ по исторїи общественнаго строя Московскаго государства, А. С. продолжилъ этотъ полугодичный курсъ—„исторїей сословій въ Россїи XVIII-го вѣка“ въ 1891/2 году, а затѣмъ, въ 1893/4 г. прочелъ курсъ: „Исторїя Россїи въ XVIII столѣтїи“. Въ основу этого курса была положена опредѣленная схема русскаго историческаго процесса, унаслѣдованная А. С. Лаппо-Данилевскимъ отъ „историко-юридической школы“. Важнѣйшимъ явленіемъ этого процесса поставлена „смѣна прежнихъ родовыхъ связей новыми, общественными“, которыя выявляются на рубежѣ XVII-го и XVIII-го столѣтїй въ ассоціаціяхъ, построенныхъ на общности сословныхъ, экономическихъ (торгово-промышленныхъ) и духовно-культурныхъ (новое просвѣщеніе, обученіе въ новыхъ школахъ) интересовъ. Впервые дѣятельнымъ факторомъ русской исторической жизни выступаютъ личность и независимая отъ государства общественность. Новое, свѣтское образованіе и развитіе народнаго хозяйства создали духовную и матеріальную опору личности. Съ этой же точки зрѣнїя разсматривается и значеніе сословнаго начала: сословная группа—замѣна общей гарантїи гражданскихъ правъ и въ подчиненїи ей отдѣльная личность находитъ условія относительно свободной своей жизнедѣятельности. Передъ нами та схема, которая найдетъ примѣненіе въ „Очеркѣ внутренней политики имп. Екатерины II“ (1898 года). XVII-й вѣкъ характеризуется во вступленїи къ этому курсу уже какъ „переходная“ эпоха—между Московскою Русью XVI-го вѣка, для которой типической чертой является прѣ-

обладаніе правительственной дѣятельности, и Россіей XVIII-го столѣтія—періодомъ взаимодѣйствія между дѣятельностью правительственной и общественной. Дальнѣйшее развитіе эта схема получила во внутренней періодизаціи исторіи Россіи XVIII-го столѣтія по четвертямъ вѣка: для первой четверти характерно преобладаніе активной государственной власти, на первомъ планѣ Петръ и правительство; для второй—ослабленіе правительственной власти и преобладаніе общественныхъ силъ, преимущественно—дворянскихъ; для третьей—ихъ взаимодѣйствіе приводитъ къ признанію общества правительствомъ, постепенному освобожденію сословій, образованію общественного мнѣнія и выступленію, какъ руководящей исторической силы, сословныхъ, провинціальныхъ и общерусскихъ общественныхъ интересовъ; а конецъ вѣка — распадъ взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ силъ, эпоха реакціи. Такая конструктивная схема давала возможность обнять въ лекціонномъ изложеніи богатый и многосторонній фактический матеріалъ. Къ сожалѣнію, раскрыть эту матеріальную содержательность курса едва ли возможно на основаніи конспективной студенческой записи.

А между тѣмъ, курсъ этотъ имѣетъ существенное значеніе для общаго представленія о ходѣ научной работы Ал-дра С-ча по русской исторіи. Въ немъ мы находимъ первый сформулированный абрисъ того обширнаго труда, который занималъ его въ теченіе ряда лѣтъ и остался незаконченнымъ, и задачу котораго А. С. такъ опредѣлилъ въ своей краткой автобіографіи: „изслѣдованіе русской общественной жизни XVIII вѣка, матеріальныхъ, а отчасти и духовныхъ факторовъ ея культуры, и взаимоотношенія, какое обнаруживалось между ея проявленіями и правовыми нормами“.

Трудно себѣ представить, чтобы такая сложная задача могла воплотиться въ формѣ монографіи; она, казалось бы, естественно требуетъ общаго курса по исторіи XVIII-го вѣка. И рядъ вопросовъ, намѣченныхъ въ курсѣ 1893/4 г., подвергнуть затѣмъ спеціальной разработкѣ въ особыхъ этюдахъ. Кромѣ упомянутаго общаго очерка внутренней политики имп. Екатерины II, Ал-дръ С-чъ посвятилъ нѣсколько работъ развитію юридическаго образованія и кодификаціоннымъ опытамъ XVIII-го вѣка, возникновенію новыхъ формъ торгово-промышленной организаціи и дѣятельности русскаго капитала, смѣнѣ направленій правительственной экономической политики, тенденціямъ политики социальной и нѣкоторымъ явленіямъ въ области новаго школьнаго просвѣщенія.

Съ точки зрѣнія А. С. Лаппо-Данилевскаго все это, какъ и многое другое,—вопросы изученія новой общественности, все болѣе со-

знательной и ищущей сознательнаго, планомѣрнаго воздѣйствія на окружающую дѣйствительность. Въ частности—онъ слѣдитъ за все возраставшей въ теченіе XVIII вѣка потребностью русскаго общества и правительства въ юридическомъ образованіи и связываетъ ее съ выработкой перваго „Собранія и свода законовъ Россійской имперіи“, составленнаго при Екатеринѣ II подъ названіемъ „Описанія внутренняго правленія Россійской имперіи“. Своеобразное построеніе этого „описанія“, сходнаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ полнымъ собраніемъ, а въ другихъ—со сводомъ законовъ, и побудило А. С. такъ его наименовать. Изслѣдованіе, посвященное „Описанію“, разсматриваетъ его не только какъ опытъ кодификаціонной работы, но и какъ цѣнный матеріалъ для изученія русскаго правосознанія во второй половинѣ XVIII-го вѣка. Это послужило основаніемъ предпосылкѣ самому изслѣдованію двухъ вступительныхъ главъ, изъ которыхъ одна разсматриваетъ „русское юридическое образованіе въ XVIII вѣкѣ“, а другая подводитъ итогъ кодификаціоннымъ работамъ разныхъ комиссій, которыя и подготовили, въ значительной мѣрѣ, составленіе перваго собранія и свода законовъ Россійской имперіи. Съ одной стороны, преобразование государственныхъ учреждений и требованія служебной работы въ правительственныхъ учрежденіяхъ вызвали обученіе законоискусству „юнкеровъ“ въ правительственныхъ мѣстахъ, и, съ другой, стремленіе къ преобразованію Россійской имперіи въ „регулярное государство“ и къ установленію правомѣрныхъ взаимоотношеній сословныхъ группъ между собой и съ правительственной властью вызывало нарастающую потребность въ болѣе содержательномъ юридическомъ образованіи, какъ опорѣ слагавшагося новаго правосознанія. Потребности эти, углубленные знакомствомъ болѣе образованной среды съ западно-европейской правовой литературой, наталкивали на изученіе отечественнаго права и выпали значеніе кодификаціонныхъ опытовъ, какъ задачи не только практической, но и существенной для научнаго преподаванія и правового воспитанія. Такова, въ бѣглой формулировкѣ, та точка зрѣнія, съ которой Ал-дръ С-чъ объединилъ обѣ указанныя темы въ одномъ изслѣдованіи, желая вполнѣ выяснитъ условія возникновенія и внутренній смыслъ изучаемаго памятника. Само изученіе это знакомитъ съ ходомъ работы и приемами составленія „Описанія“, даетъ оцѣнку общаго его значенія, довольно сложнаго, такъ какъ оно, въ виду разнообразія задачъ, какія преслѣдовали составители, должно было оказаться одновременно и полнымъ собраніемъ узаконеній, и сводомъ законовъ, и учебникомъ по законоискусству, составленнымъ, къ тому же, въ опредѣленномъ офиціозномъ направленіи; наконецъ,

выясняетъ и обстоятельства, приведшія къ тому, что „Описаніе внутренняго правленія Россійской имперіи“ осталось необнародованнымъ. Обстоятельная и сложная работа А. С. надъ открытымъ имъ памятникомъ носила характеръ предварительнаго его обслѣдованія; болѣе детальная разработка должна была быть связана, по его мысли, съ изданіемъ всего матеріала, какой „Описаніе“ даетъ въ дополненіе къ „Полному Собранію Законовъ“.

Изученіе того же общаго явленія, характернаго для русской жизни XVIII-го вѣка, т. е. исканія новыхъ формъ организациі общественныхъ силъ, стремившихся къ самодѣятельности, и ихъ взаимоотношенія съ дѣятельностью государственной власти, опредѣлило особый интересъ Ал-дра С-ча къ возникшимъ въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія русскимъ промышленнымъ и торговымъ компаніямъ, а также къ руководящимъ началамъ русской экономической политики. Этимъ темамъ посвящены двѣ монографіи—одна о „Русскихъ промышленныхъ и торговыхъ компаніяхъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія“, другая, изданная на нѣмецкомъ языкѣ въ составѣ сборника въ честь проф. Шиманна,—комиссіи о коммерціи 1763—1796 г. Къ этимъ задачамъ примыкаетъ обширная академическая рецензія на трудъ Н. Н. Фирсова („Правительство и общество въ ихъ отношеніи къ вѣшной торговлѣ Россіи въ царствованіе имп. Екатерины II“), а отчасти и другой отзывъ, о трудѣ Н. Д. Чечулина—„Очеркъ по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II“. Въ автобіографіи своей Ал-дръ С-чъ называетъ эти работы монографіями по исторіи экономической жизни Россіи въ новое время. Но существенный смыслъ ихъ скорѣе иной. Передъ нами не столько монографіи по исторіи экономического быта, сколько—этюды по исторіи русской культуры и отраженію ея проявленій въ нормахъ права. Таковы, напримѣръ, разысканія объ условіяхъ возникновенія, организациі и судьбахъ компанейскихъ предпріятій въ сферѣ промышленности и торговли; таковы и изслѣдованія о смѣнѣ направленій правительственной политики въ данной области.

На первомъ планѣ—изученіе зарождавшихся новыхъ общественныхъ группировокъ и ассоціаций, а съ другой стороны—судьбы на русской почвѣ руководящихъ, заносныхъ съ Запада, идей и принциповъ политической и общественной дѣятельности. Принципы сословной политики, какими руководилась имп. Екатерина II въ своемъ законодательствѣ о крестьянахъ, выяснены въ этюдѣ „Екатерина II и крестьянскій вопросъ“, какъ общія руководящія начала ея правительственной дѣятельности въ различныхъ областяхъ государствен-

ной жизни въ упомянутомъ общемъ очеркѣ ея внутренней политики. И тотъ же характеръ отмѣчаетъ статью объ „И. И. Бецкомъ и его системѣ воспитанія“, выясняющей принципы этой системы ¹⁾.

Такой уклонъ научныхъ интересовъ А. С. Лаппо-Данилевскаго органически связанъ съ его общими воззрѣніями, съ тѣмъ, что можно назвать его философіей исторіи. Онъ не далъ намъ ея изложенія. Но мы можемъ судить о ней по нѣкоторымъ указаніямъ въ „Методологіи исторіи“, а объ ея примѣненіи къ общей схемѣ русскаго историческаго процесса по статьѣ „Развитіе науки и просвѣщенія въ Россіи“, которая появилась въ 1917 году въ составѣ сборника, изданнаго кембриджскимъ профессоромъ Деффомъ, подъ заглавіемъ: „Russian Realities and Problems“.

Въ этой статьѣ обобщающая, схематизирующая сила научнаго мышленія Ал-дра С-ча нашла, быть можетъ, наиболее яркое и характерное выраженіе. Онъ слѣдитъ тутъ за общимъ ходомъ развитія русской мысли въ ея руководящихъ началахъ и характерныхъ особенностяхъ, въ ея общемъ движеніи и специальномъ развитіи. Притомъ исходнымъ положеніемъ всей конструкціи служитъ наблюденіе, что всякая мысль, которая претендуетъ на значеніе познанія, должна быть объединеннымъ познаніемъ; не только философія, но и всякое проявленіе науки и просвѣщенія болѣе или менѣе стремится къ такой цѣли: не только индивидуальное мышленіе, но и коллективное національное идейное творчество ищетъ единства и цѣльности міровоззрѣнія. Развитіе русскаго идейнаго творчества и русскаго просвѣщенія можетъ быть, поэтому, охарактеризовано путемъ выясненія „объединяющихъ началъ“, какія сказались въ его исторіи и слагались въ различныхъ моментахъ его эволюціи въ религіозномъ или въ свѣтскомъ духѣ. На раннихъ ступеняхъ культурно-историческаго развитія единство господствующаго міровоззрѣнія дается преобладаніемъ религіозной мысли. И средневѣковое міровоззрѣніе Московской Руси до такой степени стоитъ, передъ А. С. Лаппо-Данилевскимъ какъ цѣльный культурно-историческій типъ, что даже носителей новыхъ теченій и вѣяній онъ перечисляетъ, напримѣръ, такъ: Максимъ Грекъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, Матвѣй Башкинъ— внѣ хронологической и культурноисторической перспективы. Но постепенная секуляризація просвѣщенія и всего мышленія разлагаетъ такое относительное единство духовной культуры. Настаетъ періодъ исканія новыхъ формъ общественности и мышленія, усвоенія новыхъ

¹⁾ Исторіи просвѣщенія касается очеркъ „Петръ Великій—основатель Академіи Наукъ“; особнякомъ стоитъ, по характеру своему, статья: „Россія и Гольстинія. Очеркъ изъ исторіи германо-русскихъ отношеній въ XVIII в.“.

элементовъ просвѣщенія въ связи съ разнообразными западными вліяніями. У этихъ плодотворныхъ просвѣдительныхъ процессовъ былъ, однако, существенный недостатокъ: отсутствіе единства. И русская свѣтская мысль могла достигнуть такого единства только по достиженіи самостоятельности, и, въ этомъ смыслѣ—національности. Только путемъ переработки заимствованнаго знанія и просвѣщенія и его дальнѣйшаго развитія въ самостоятельномъ творествѣ русское мышленіе могло заново сформулировать „принципъ своего единства“, который ранѣе былъ утвержденъ только на религіозной и спеціально-православной точкѣ зрѣнія. Обзоръ наиболѣе значительныхъ явленій русской духовной культуры и научнаго творчества А. С. заключаетъ такъ: „Въ теченіе XVIII-го и XIX-го столѣтій наука и просвѣщеніе въ Россіи стали, въ нѣкоторомъ смыслѣ, русской наукой и просвѣщеніемъ: русская мысль стала играть свою особую роль въ историческомъ развитіи науки и просвѣщенія, которое постепенно охватываетъ всѣ народы цивилизованнаго міра“. И національная русская мысль ищетъ своего объединяющаго начала. Сказались эти исканія въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, русская философская и научная мысль упорно ищетъ большаго единства въ концепціи тѣхъ явленій, какія изучаетъ, и всего мірозданія. А. С. иллюстрируетъ это заключеніе упоминаніемъ о подвигахъ обобщающей мысли въ трудахъ Лобачевского и Чебышева, Менделѣева, Гадолина и Федорова, Павлова, Влад. и Ал-дра Ковалевскихъ, Мечникова, Вл. Соловьева и Серг. Трубецкого, отмѣчая и представителей „матеріалистическаго монизма“, какъ Плехановъ и Ленинъ. Съ другой стороны, русская мысль стремится къ болѣе широкой постановкѣ „проблемы единства“, такой, которая обняла бы сверхъ теоретическихъ задачъ познанія также иныя элементы сознанія—волю и чувство. Идеалистическія теченія русской общественной мысли, начиная со старыхъ славянофиловъ, русской художественной литературы и русскаго искусства стремились создать единство міровоззрѣнія съ религіозной и моральной точки зрѣнія, примыкая къ характернымъ теченіямъ русской философской, публицистической и соціологической мысли. И А. С. склоненъ признать, что въ этихъ русскихъ концепціяхъ сознанія, какъ синтеза мысли, воли и чувства, религіозная или, по крайней мѣрѣ, моральная точка зрѣнія играетъ выдающуюся роль и, можетъ быть, является по существу, хотя и не вполне отчетливо, характеристикой объединяющаго принципа русской мысли. Но „единство мысли“, ищущей объединенія и цѣльности, должно быть не только продумано, а реализовано. Отсюда тѣсная его связь съ дѣйствительной жизнью. Это единство должно

быть реальнымъ, осуществляемымъ въ устойчивомъ согласованіи мысли и дѣятельности, и сознаніе, синтезирующее мысль, волю и чувство, осуществляетъ его, придавая единство нашей активности. Такова задача будущаго, вполне назрѣвшая. До сихъ поръ строй русской жизни не благоприятствовалъ ни углубленію сознательной общественной, ни оплодотворенію мысли—жизнью, и разладъ между ними былъ вредоносенъ для обѣихъ. Но разладъ этотъ предстоитъ преодолѣть въ русскомъ національномъ самосознаніи и русской національной самодѣятельности и свободномъ сотрудничествѣ Россіи, какъ органической части человѣчества, съ другими народами.

Схема эта, интересная сама по себѣ, какъ отраженіе опредѣленной исторіографической традиціи, поясняетъ подходъ А. С. Лаппо-Данилевскаго къ изученію XVIII-го вѣка. По такой схемѣ, Россія стояла, наканунѣ революціи, въ концѣ историческаго періода, который открывается, послѣ крушенія въ XVII столѣтіи русскаго средневѣковья, XVIII вѣкомъ—съ характерными для него явленіями зарожденія новыхъ формъ общественной самодѣятельности и общественной мысли, преобразенія на новыхъ началахъ русскаго просвѣщенія и русской государственности. Поясняетъ она и ходъ мысли Ал-дра С-ча, столь для него типичный, отъ общей теоретической концепціи къ конкретизирующей ее схемѣ изучаемыхъ явленій, и отъ-схемы къ идиографическому изученію дѣйствительности. Конечно, оцѣнка этой схемы можетъ быть различна. Но ея особенностями, повидимому, объясняется широта постановки задачъ историческаго изученія данной эпохи при стремленіи обнять разныя стороны историческаго процесса въ ихъ взаимодѣйствіи. А такая многосторонность изученія съ цѣлью выяснить единство всѣхъ проявленій исторической жизни въ ихъ синтетическомъ взаимодѣйствіи—основная черта научной работы Ал-дра С-ча и его научнаго преподаванія. Осложненная постоянной методологической вдумчивостью и вооруженная необычной многосторонностью знаній и свѣдѣній мысль историка Лаппо-Данилевскаго была неуклонно направлена на познание сложнаго цѣлаго исторической жизни. Само изученіе національной исторіи представлялось ему лишь частичнымъ подходомъ къ построенію „главнаго объекта исторической науки—историческаго цѣлаго или исторіи человѣчества“, развитіе котораго представлялось ему „единымъ непрерывнымъ процессомъ“, который идетъ черезъ рядъ временныхъ состояній культуры къ все болѣе сознательной реализаціи „историческаго цѣлаго“ во взаимодѣйствіи его съ мірозданіемъ. Въ исторической перспективѣ всемірноисторическая схема А. С. Лаппо-Данилевскаго—отголосокъ Гегелевской философіи исторіи, и въ отношеніи

къ конкретнымъ задачамъ научнаго изслѣдованія оплодотворяла ихъ постояннымъ стремленіемъ къ полнотѣ и всесторонности изученія. Въ этомъ отношеніи показательны всѣ критическіе отзывы и рецензіи Ал-дра С-ча о научныхъ трудахъ. Эти статьи, какъ и его предсѣдательскія резюме въ историческомъ обществѣ заслуживаютъ тщательнаго учета въ итогѣ его научнаго наслѣдія, такъ много тутъ программныхъ указаній на вопросы и матеріалы, подлежащіе обслѣдованію, а также методологическихъ соображеній и феноменологическихъ сопоставленій, которыя могли бы сыграть руководящую роль въ постановкѣ тѣхъ или иныхъ монографическихъ изученій. Ал-дръ С-чъ, въ силу не только своей широкой и углубленной освѣдомленности, но и по всему складу своего научнаго міровоззрѣнія былъ призваннымъ руководителемъ коллективной ученой работы, такъ какъ никогда не терялъ изъ виду ни въ личномъ трудѣ, ни въ руководствѣ занятіями другихъ лицъ или въ оцѣнкѣ ихъ трудовъ—неисчерпаемой сложности и полноты задачъ исторической науки.

А. Прѣсняновъ.

Истор.-теоретическіе труды А. С. Лаппо-Данилевскаго¹⁾.

А. С. Лаппо-Данилевскій принадлежалъ въ очень, къ сущности, небольшому вообще числу историковъ, широко энциклопедически и глубоко философски образованныхъ, и имѣющихъ вкусъ къ теоретическимъ вопросамъ въ области исторической науки, занятіе которыми особенно требуетъ такого образованія. Я познакомился съ Лаппо-Данилевскимъ въ серединѣ восьмидесятихъ годовъ, когда онъ былъ еще студентомъ второго курса; уже тогда его интересовали эти вопросы, онъ о нихъ думалъ и имѣлъ относительно ихъ опредѣленные мнѣнія. Къ сожалѣнію, я не помню содержанія одного изъ первыхъ нашихъ разговоровъ, но въ памяти моей сохранилось, что тема его была историко-философская, что мой молодой собесѣдникъ самъ началъ этотъ разговоръ, развивалъ въ немъ какую-то общую мысль, которую излагалъ, такъ сказать, въ алгебраическихъ выраженіяхъ. На темы подобнаго рода нами и впоследствии велись бесѣды, но такъ какъ мы оба не были охотниками до преній, а по многимъ пунктамъ наши взгляды не совпадали, то съ теченіемъ времени и наши бесѣды становились все болѣе и болѣе рѣдкими.

Это, однако, не мѣшало мнѣ интересоваться тѣмъ, что выходило изъ подъ пера Лаппо-Данилевскаго по даннымъ вопросамъ. Въ настоящемъ очеркѣ я и останавливаюсь на работахъ покойнаго въ указанной области, а такихъ работъ онъ оставилъ три: большую статью объ Огюстѣ Контѣ, курсъ по методологіи исторіи и программу среднешкольнаго курса исторіи человѣчества.

I.

Объ Огюстѣ Контѣ, какъ извѣстно, было написано очень много на разныхъ языкахъ. Къ этой литературѣ можно примѣнить то, что Шиллеръ сказалъ о Кантѣ: „когда строится царь, плотникамъ много работы“. Лаппо-Данилевскій былъ очень хорошо знакомъ съ этой литературой, кромѣ, пожалуй, того, правда, немногаго, что о немъ написано русскими позитивистами, ссылокъ на которыхъ почти нѣтъ въ его статьѣ о Контѣ. Конечно, въ этой литературѣ немало простыхъ только изложеній взглядовъ Конта, какъ родоначальника позитивной философіи и инициатора социологіи, а критика ихъ не всегда

¹⁾ Докладъ, читанный въ Университетскомъ Историческомъ Обществѣ 7 мая 1919 г.

можетъ быть названа объективною. О работѣ Лаппо-Данилевскаго можно сказать, что въ ней на первомъ планѣ какъ разъ не простое изложеніе взглядовъ Конта, а тщательный ихъ анализъ, и что его критика этихъ взглядовъ имѣетъ свой источникъ не въ субъективномъ несогласіи съ философскими взглядами Конта, а въ ихъ оцѣнкѣ, основанной на анализѣ каждаго изъ нихъ къ отдѣльности.

Работа, о которой идетъ рѣчь, называется: „Основные принципы социологической доктрины О. Конта“. Она занимаетъ около ста страницъ (394—490) въ изданномъ Московскимъ Психологическимъ Обществомъ въ 1902 г. сборникѣ „Проблемы идеализма“. Вся ориентация этого сборника опредѣлялась критическимъ отношеніемъ къ прошлому русской мысли, связанному „съ господствомъ позитивизма“, какъ сказано въ предисловіи къ сборнику. Позитивизму здѣсь противопоставлялся идеализмъ, одной философіи — другая философія, но, какъ сказано было въ томъ же предисловіи, съ этимъ устремленіемъ „встрѣтились и критическіе опыты, имѣвшіе своей исключительною цѣлью пересмотрѣть нѣкоторыя построенія съ точки зрѣнія чистой науки“. Точка зрѣнія чистой науки и есть та позиція, которую по отношенію къ Конту занялъ Лаппо-Данилевскій.

Авторъ совершенно правильно находилъ, что въ обширной литературѣ о Контѣ было довольно таки существенныхъ пробѣловъ. Исторія возникновенія позитивизма въ ней почти не была затронута, слишкомъ мало говорилось въ ней объ относительности нашего познанія, составляющей основное положеніе позитивизма, и недостаточно также были обсуждаемы главныя предпосылки социологіи Конта. Работа Лаппо-Данилевскаго и была посвящена именно заполненію этихъ пробѣловъ.

Въ первой главѣ онъ рассмотрѣлъ гносеологическія, во второй психологическія предпосылки Конта въ ихъ отношеніи къ социологіи, въ обѣихъ этихъ главахъ остановившись на предшественникахъ Конта и по ученію объ относительности познанія, и по его стремленію основать всю психологію на одной физиологіи. Въ обоихъ же отношеніяхъ авторъ проявилъ большую освѣдомленность и начитанность во французской философской и психологической литературѣ XVIII и начала XIX вѣка. Здѣсь передъ читателемъ проходятъ Ламеттри, Даламберъ, Дидро, Тюрго, Барте, Гельвецій, Траси, Кабанисъ, Галль, Бруссе и др., съ которыми авторъ познакомился не изъ вторыхъ рукъ. „Ученіе объ относительности познанія“, говоритъ Лаппо-Данилевскій, обзрѣвъ главныхъ его представителей, „было едва ли не общимъ мѣстомъ въ классической литературѣ того времени“, но Контъ „не только принялъ его безъ всякой попытки критически

обосновать его, но и рѣзче своихъ предшественниковъ формулировалъ уже высказанную ими теорію“ (стр. 403—404). Мало того: хотя Контъ и считалъ Канта близкимъ къ позитивизму, тѣмъ не менѣе едва ли „хорошенько ознакомился“ съ его сочиненіями. Онъ оставилъ философію Канта безъ дальнѣйшаго вниманія и „ограничился догматическимъ констатированіемъ самаго факта относительности познанія“ (стр. 406). То же произошло и съ психологіей. Въ первой трети XIX в. многіе изъ представителей французской философіи продолжали смѣшивать метафизику съ психологіей, а за ними и Контъ устранилъ послѣднюю изъ своей системы наукъ, хотя, въ сущности, и воспользовался ею для построенія своей социологіи. Та точка зрѣнія, съ которой онъ готовъ былъ разсматривать явленія душевной жизни, была въ значительной мѣрѣ подготовлена французскимъ матеріализмомъ и сенсуализмомъ XVIII в., хотя бы самъ Контъ и не причислялъ себя къ матеріалистамъ, а также не принадлежалъ вполне и къ лагерю сенсуалистовъ, болѣе завися отъ воззрѣній современныхъ ему „идеологовъ“ и въ частности еще отъ френолога Галля. Вообще Лаппо-Данилевскій показалъ здѣсь, что отношеніе Конта къ своимъ предшественникамъ въ психологическихъ взглядахъ было болѣе сложнымъ, нежели по вопросу объ относительности нашего познанія, и не только болѣе сложнымъ, но и болѣе противорѣчивымъ. Особенно важно въ послѣднемъ отношеніи указаніе на то, что Контъ и предостерегалъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія біологіей, и самъ же не уберегся отъ этого увлеченія; интересно и замѣчаніе автора, что Контъ въ основѣ „настаивалъ скорѣе на методологическомъ, чѣмъ на феноменологическомъ значеніи біологіи для социологовъ“ (стр. 422).

Критика, какой Лаппо-Данилевскій подвергъ ученіе самого Конта въ относительности познанія, отличается большою обстоятельностью и убѣдительностью. Въ этомъ ученіи критикъ нашелъ немало сбивчиваго, колеблющагося, разносмысленнаго и даже прямо противорѣчиваго. Признавъ за относительностью нашихъ знаній значеніе абсолютнаго принципа, Контъ тѣмъ самымъ высказалъ нѣчто такое, что „не вяжется съ его основною теоріей“ (стр. 410).

Особо Лаппо-Данилевскій остановился на примѣненіяхъ, какія Контъ сдѣлалъ изъ своихъ основныхъ положеній къ построенію социологіи. Онъ показалъ здѣсь, во-первыхъ, что, пытаясь чисто догматически создать „соціальную физику“ на томъ основаніи, что социальныя явленія подчинены совершенно такимъ же законамъ, какъ и явленія мертвой природы, Контъ на дѣлѣ болѣе обосновалъ свою социологію на коллективной психологіи, а позднѣе даже на социальной этикѣ, въ области которой, прибавляетъ Лаппо-Данилевскій, произволь-

ныя гипотезы Конта, благодаря его „субъективному методу“, легко превращались въ „законы“ социологіи или нормы политики (стр. 416). Замѣчу, что авторъ говорить о Контѣ не только „Курса положительной философіи“, но и „Системы положительной политики“, хотя, на мой взглядъ, ихъ такъ смѣшивать не слѣдовало бы, какія бы идейныя нити ни протягивались отъ „Системы“ къ „Курсу“.

Особенно подробно разсмотрѣлъ Лаппо-Данилевскій взгляды Конта, касающіеся психическихъ факторовъ общественной жизни. Отрицая смыслъ самонаблюденія, но считая возможнымъ этимъ путемъ провѣрять законы социальной эволюціи, Контъ построилъ свой законъ трехъ фазисовъ развитія; въ сущности, на психическомъ процессѣ индивидуума, въ то же время теоретически отвергнувъ индивидуальную психологію, а съ этимъ вмѣстѣ лишивъ себя возможности построить какое-либо прочное понятіе о субъектѣ какъ въ психологическомъ, такъ и въ моральномъ или юридическомъ смыслахъ; съ другой стороны, отрицательное отношеніе къ психологіи не мѣшало Конту широко пользоваться ея данными для объясненія явленій социальной жизни, особенно много говоря объ эмоціяхъ, какъ психическихъ факторахъ общественности, и обнаруживая здѣсь, какъ признасть это и самъ Лаппо-Данилевскій, „тонкую наблюдательность и большую силу обобщенія“ (стр. 432). Кромѣ того, критикъ отмѣтилъ еще, какъ часто Контъ смотрѣлъ и на разумъ въ качествѣ психическаго фактора прогресса. Тѣмъ не менѣе и въ пользованіи психологическими понятіями Лаппо-Данилевскій обнаруживаетъ у Конта довольно много произвольности и неясности, отъ принципіальнаго же отрицанія какого-либо значенія за волевыми процессами онъ въ послѣдствіи и самъ отказался (въ „Системѣ“).

Больше половины разсматриваемой статьи составляетъ глава третья о „соціологическихъ принципахъ Конта“. Такихъ принциповъ Лаппо-Данилевскій насчитывалъ четыре: 1) принципъ условій существованія, 2) единообразія человѣческой природы, 3) „консенсуса“ и 4) эволюціи. Посвящая каждому особый большой параграфъ, критикъ старается показать, что въ свою „соціальную физику“ Контъ скрыто или явно допустилъ разныя метафизическія предпосылки, отстраняемыя его собственною гносеологіей. Условія существованія—это среда, какъ матеріальная, такъ и духовная, исторію ученія о которой въ XVIII и въ началѣ XIX в. Лаппо-Данилевскій предпосылаетъ анализу взглядовъ самого Конта. Авторъ нашелъ здѣсь, что Контъ, находясь подъ влияніемъ взглядовъ того времени на значеніе среды, не слѣлалъ почти ничего, чтобы прочно установить самое это понятіе; главное же здѣсь то, что принципомъ условій существованія онъ пытался замѣнить прин-

ципъ каузальности, связи между причиною и слѣдствіемъ, на дѣлѣ, однако, не идя далѣе замѣны отрицавшейся имъ причины (cause) другимъ только терминомъ „вліяніе“ (influence). На дѣлѣ Контъ мыслить, пользуясь принципомъ причинности, скрыто допуская въ свои соображенія даже принципъ цѣлесообразности въ его объективномъ значеніи.

Лаппо-Данилевскій остановился и на предшественникахъ Конта въ признаніи принципа единообразія человѣческой природы. Принявъ его, Контъ, однако, очень мало сдѣлалъ для его обоснованія и выясненія. Еще менѣе обратилъ онъ вниманія на принципъ чужого одушевленія, хотя французская философская литература конца XVIII и начала XIX в. не только его затронула, но и отмѣтила его значеніе въ человѣческомъ общеніи. Это также было данью Конта пренебрежительному отношенію къ психологіи. Если онъ и говоритъ объ единообразіи человѣческой природы, то имѣя въ виду, главнымъ образомъ, біологію, а упоминая о сходствѣ аффективныхъ и интеллектуальныхъ способностей челобѣка, не останавливается сколько-нибудь подробно на томъ, какія же изъ этихъ способностей онъ имѣетъ въ виду. Противникъ теоріи Ламарка о измѣняемости видовъ, Контъ не допускалъ мысли о какихъ либо измѣненіяхъ въ человѣческой природѣ; но исповѣдуя ея постоянность, онъ, однако, не воспользовался послѣдней для обоснованія своей теоріи о „постоянныхъ“ законахъ общественныхъ явленій.

Понятіе согласованности между элементами какой-либо соціальной системы, т. е. контовскаго „консенсуса“, какъ показалъ Лаппо-Данилевскій, было уже въ ходу какъ у предшественниковъ, такъ и у современниковъ инициатора социологіи, въ особенности у біологовъ. Контъ попытался обосновать и расширить этотъ принципъ и положилъ его въ основу своей социологіи. Однако, онъ не различилъ между согласованностью элементовъ, механически дѣйствующихъ одинъ на другой, и солидарностью элементовъ, оказывающихъ другъ на друга психическое воздѣйствіе, вмѣстѣ съ тѣмъ съ другой стороны включилъ въ свое понятіе „консенсуса“ тѣ самые принципы причинности и цѣлесообразности, которые имъ были отвергнуты, разъ именно мы имѣемъ дѣло съ взаимодействіемъ, предполагающимъ и причиненіе, и направленіе къ цѣлямъ. Особенно Лаппо-Данилевскій подчеркнул еще, что Контъ пользовался понятіемъ „консенсуса“ для цѣлей, стоящихъ внѣ научнаго кругозора, когда говорилъ о гармоніи между частями и цѣлымъ и примѣнилъ такой консенсусъ-гармонію къ построенію религіознаго понятія о Великомъ Существовѣ.

Разсмотрѣвію отношенія Конта къ принципу эволюціи Лаппо-Данилевскій также предпослалъ справку о взглядахъ писателей конца XVIII и начала XIX в. на прогрессъ. Контъ, какъ извѣстно, предло-

жилъ не соединять понятіе о развитіи съ терминомъ „совершенствованіе“, каковое мыслится въ понятіи прогресса, но это не помѣшало ему самому говорить о сопровождающемъ развитіе улучшеніи. Представляя себѣ, въ сущности, предшествующее состояніе общества, какъ причину, производящую послѣдующее его состояніе, Контъ не включалъ въ понятіе развитія представленія о его цѣли, но, въ концѣ концовъ, не удержался на этой точкѣ зрѣнія и принялся объяснять развитіе человѣчества съ точки зрѣнія его цѣлесообразности. Въ частности, эта склонность Конта проявлялась въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ оцѣнивалъ факты прошлаго въ качествѣ обстоятельствъ, подготовившихъ наступленіе позитивной эры и тѣмъ самымъ исполнявшихъ свое „соціальное назначеніе“: такіе факты для него не только готовили позитивизмъ, но и „были предназначены“ его готовить. Позднѣе Контъ рассуждалъ о прогрессѣ, какъ объ объективномъ процессѣ, имманентною цѣлью котораго оказывается доступное человѣческой природѣ совершенство, а его Контъ мыслилъ, какъ наступленіе господства позитивизма. „Абсолютный характеръ такого утвержденія“, говорить по этому поводу Лаппо-Данилевскій, „нисколько не согласовался съ теоріей относительности познанія“.

Установивъ, хотя и не обосновавъ, свои четыре принципа, Контъ „вообще весьма мало воспользовался ими для открытія какихъ-либо законовъ соціологіи“, говорить Лаппо-Данилевскій, не „предпринималъ работы подобнаго рода хотя бы для того только, чтобы прочіѣе обосновать свои принципы и провѣрить ихъ путемъ приложенія ихъ къ объясненію дѣйствительности“ (стр. 485). „Онъ“, читаемъ мы нѣсколько дальше, „какъ-разъ самъ сторонился тѣхъ самыхъ отраслей обществѣдѣнія и его приемовъ, которые давали возможность наблюдать нѣкоторое постоянство человѣческой природы въ законосообразности соціальныхъ явленій“ (стр. 486). Въ частности, Лаппо-Данилевскій остановился здѣсь на полномъ пренебреженіи Конта не только къ психологіи, но и къ важнѣйшимъ изъ соціальныхъ наукъ (особенно къ политической экономіи, а также къ статистикѣ).

Общее заключеніе Лаппо-Данилевскаго о соціологіи Конта такое. Основныя положенія ея не были достаточно между собою согласованы. Ученію объ относительности нашего познанія Контъ придалъ такой догматическій характеръ, какого нельзя было допустить послѣ критики Юма, но свой релятивизмъ онъ употребилъ въ дѣло только для борьбы съ теологическимъ міровоззрѣніемъ и съ метафизическою философіей, при выработкѣ же собственной доктрины онъ не соблюдалъ своихъ же „позитивныхъ“ требованій и постоянно прибѣгалъ къ допущеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ позитивизмомъ.

Пытаясь объяснить всю человѣческую жизнь дѣйствіемъ механическихъ процессовъ, чтобы создать социальную физику, онъ и психологію сводилъ къ біологіи, на самомъ дѣлѣ орудовалъ, однако, и часто довольно удачно, психологическими понятіями при объясненіи явленій социальной жизни, чѣмъ превращалъ социальную физику въ науку, глубоко отличную отъ наукъ физическихъ. Поэтому „Контъ не удалось ни прочно установить значеніе и систему своихъ социологическихъ принциповъ, ни точно формулировать законы социологіи“ (стр. 489).

Таковы наиболѣе важные выводы изъ анализа и критики доктрины Конта въ статьѣ Лаппо-Данилевскаго. Главное его, если можно такъ выразиться, обвиненіе заключалось въ томъ, что Контъ „приступилъ къ построенію науки объ обществѣ, не выяснивъ себѣ ея основаній“, и что въ воздвигнутое имъ зданіе „попали элементы, не только“ совершенно чуждые истинно-положительному знанію, но и противорѣчащіе самому позитивизму“ (стр. 490). Такимъ образомъ, это была критика не со стороны „метафизики“ и „идеализма“, а со стороны самого „истинно-положительнаго знанія“ и „чистой науки“. Конечно, Лаппо-Данилевскаго можно было бы спросить: чѣмъ же объясняетъ онъ громадное вліяніе Конта, какъ основоположника социологіи, отъ котораго она, какъ особая наука, имѣющая свои предметъ, задачу и методъ, ведетъ свое начало? Отвѣта на этотъ вопросъ въ статьѣ нѣтъ и въ данномъ отношеніи ее нельзя назвать исчерпывающею предметъ. Рѣчь идетъ о предшественникахъ Конта, о томъ, что онъ у нихъ взялъ, но обойдены полнымъ молчаніемъ его послѣдователи и то, что онъ имъ далъ, отмѣчены его ошибки, но не указаны его заслуги, его научная инициатива, его вліяніе на все послѣдующее развитіе социальныхъ наукъ. Лишь мимоходомъ Лаппо-Данилевскій отмѣтилъ въ этой статьѣ, что „Курсъ положительной философіи“ былъ одной изъ первыхъ попытокъ построить логику отдѣльныхъ наукъ, что для автора, какъ методолога, не могло не имѣть особенно важнаго значенія. Въ своей работѣ о Контѣ его критикъ ограничилъ свою задачу заполненіемъ одного существеннаго пробѣла въ литературѣ о родоначальникѣ позитивизма и социологіи, и эту задачу онъ изложилъ вооруженный большою ученостью и съ большимъ безпристрастіемъ, осуждая въ Контѣ не научную положительность его стремленій и инициативу основанія новой положительной науки, социологіи, а то, что первой онъ не далъ прочнаго обоснованія, а ко второму приступилъ безъ обоснованныхъ предпосылокъ. По существу же самъ Лаппо-Данилевскій былъ и позитивистомъ, и социологомъ въ болѣе широкомъ пониманіи и болѣе свободномъ критическомъ направленіи.

II.

Разсмотрѣнная работа Лаппо-Данилевскаго явилась въ печати въ 1902 г., а еще за четыре года передъ тѣмъ имъ былъ прочитанъ въ университетскомъ Историческомъ Обществѣ рефератъ „Объ историческихъ условіяхъ возникновенія позитивизма О. Конта, преимущественно его социологическихъ возрѣній“. Въ эти годы, послѣдніе годы XIX вѣка, Лаппо-Данилевскій, будучи уже приватъ-доцентомъ, обращался къ вопросамъ теоріи исторіи и социологіи и въ своемъ университетскомъ преподаваніи. Обращаясь къ печатнымъ обзорѣніямъ этого преподаванія въ Петербургскомъ университетѣ за отдѣльные годы, мы видимъ, что съ 1894 г. и особенно съ 1897 г. Лаппо-Данилевскій читалъ курсы и велъ практическія занятія, предметами которыхъ были и методологія исторіи и разные вопросы „обществовѣдѣнія“, подъ каковымъ названіемъ фигурировала, собственно говоря, социологія ¹⁾. Кромѣ того, съ 1906—7 г. онъ изъ года въ годъ читалъ курсъ методологіи исторіи, растягивавшійся на три года и каждый разъ подвергавшійся переработкѣ. Этотъ курсъ долгое время существовалъ только въ студенческомъ литографированномъ изданіи, какъ „Пособіе къ лекціямъ по теоретической методологіи исторіи“ или просто „Методологія исторіи“, причемъ первый выпускъ (1906—7 г.) заключалъ въ себѣ 303 стр. текста, второй (1907—8 г.)—290, а третій (1908—9 г.)—249, въ общей же сложности около 840 страницъ, что даже въ болѣе компактномъ изданіи (по 40 т. буквъ въ листѣ), представило бы собою солидный томъ въ 425—450 страницъ. Какъ перерабатывался этотъ курсъ, видно изъ того, что только въ двухъ первыхъ выпускахъ новаго его изданія, уже типо-

¹⁾ 1894—5. Методы изученія источниковъ и явленій русской исторіи.—1897—8. Систематика социальныхъ явленій разныхъ порядковъ.—1898—9. Практическія занятія по тому же вопросу.—1899—1900 и 1900—1. Практическія занятія по VI книгѣ „Логикѣ“ Милля (логика общественныхъ наукъ). 1900—1. Методологія источниковѣдѣнія.—1901—2. То же, что и въ 1898—9 г. 1902—3. Основные вопросы обществовѣдѣнія.—1903—4. Практическія занятія по анализу простѣйшихъ социальныхъ взаимодействій.—1904—5. Практ. зан. по теоріи цѣнности въ приложеніи къ обществовѣдѣнію.—1905—6. Практ. зан. по логикѣ обществовѣдѣнія.—1906—7. Практ. зан. по теоріи эволюціи въ примѣненіи къ обществовѣдѣнію и исторіи.—1908—9 и 1909—10. Практ. зан. по логикѣ общественныхъ наукъ и исторіи.—1910—11. Семинарій по теоріи историческаго знанія: критическій разборъ важнѣйшихъ ученій по теоріи цѣнности.—1911—2. и 1912—3. Критическій разборъ главнѣйшихъ ученій о случайности.—1913—4. То же о цѣнности.—1914—5. То же объ ученіяхъ, касающихся чужого я.—1914—5. То же по методологіи социальныхъ и историческихъ наукъ.—1916—7. То же по гносеологіи и логикѣ социальныхъ и историческихъ наукъ. Такая же тема была предметомъ занятій и осенью 1918 года.

графскаго, вышедшаго въ 1910 и 1913 гг., было уже до 800 стр. болѣе убористой печати (вмѣсто приблизительно 600 стр. литографированнаго изданія). Третій выпускъ въ такомъ видѣ не появлялся, въ послѣдніе же годы жизни самъ Лаппо-Данилевскій предпринялъ окончательную обработку своей „методологіи“, которая и начала печататься въ „Извѣстіяхъ Россійской Академіи Наукъ“¹⁾.

Судя по тому, что до сихъ поръ появилось изъ этой новѣйшей редакціи труда, надъ которымъ Лаппо-Данилевскій работалъ столько лѣтъ, цѣлое было задумано имъ прямо въ грандіозныхъ размѣрахъ. Можно сказать, что методологическій курсъ, читавшійся студентамъ, превратился постепенно въ большой теоретическій ученый трактатъ, я сказалъ бы, для ученыхъ же, какъ по способу трактованія авторомъ своихъ проблемъ, такъ и по тому ученому аппарату, которымъ авторъ его снабдилъ въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній. съ массою деталей, съ цитатами на разныхъ языкахъ, съ обильными ссылками на отдѣльныя книги всякаго научнаго содержанія и съ чуть-что не исчерпывающею полнотою указаній на литературу по затрагиваемымъ въ текстѣ вопросамъ. Не мудрено, что какъ пособіе къ лекціямъ, по которымъ студенты готовились къ экзамену по данному предмету, для громаднаго большинства учащихся курсъ Лаппо-Данилевскаго оказывался необычайно труднымъ, особенно если за изученіе его брались студенты въ первые годы пребыванія въ университетѣ. Самое чтеніе этого курса съ надлежащимъ пониманіемъ и дѣйствительнымъ интересомъ къ его содержанію предполагаетъ въ читателѣ и общую философскую подготовку, и большое знакомство съ самою историческою наукою, чѣмъ этого можно ожидать у средняго студента. Это свое мнѣніе о „Методологіи исторіи“ Лаппо-Данилевскаго я уже раньше высказалъ въ печати, посвятивъ первому печатному ея изданію небольшую рецензію въ безвременно погибшемъ „Научномъ Историческомъ Журналѣ“ (1913 г., № 1, с. 64—69).

Умалая этимъ педагогическое значеніе методологическаго курса Лаппо-Данилевскаго въ томъ видѣ, какой онъ получилъ не въ устномъ преподаваніи съ кафедры, а въ письменномъ его изложеніи, я тѣмъ самымъ, полагаю, поднимаю значеніе этого труда, какъ солиднаго и серьезнаго произведенія ученой литературы. Для его написанія авторъ перечиталъ и пересмотрѣлъ громаднѣйшую литературу, познакомился съ исторіей постановки массы вопросовъ и

¹⁾ Начиная съ № 5 „Извѣстій“ за 1918 годъ, гдѣ положено начало подъ заглавіемъ „Методологія исторіи“, которое съ № 6 замѣняется болѣе длиннымъ: „Основные принципы историческаго знанія въ главнѣйшихъ его направленіяхъ: номотетическомъ и историографическомъ“.

дававшихся на них рѣшеній, не только при томъ въ областяхъ философіи и исторіи, равно какъ другихъ гуманитарныхъ и социальныхъ наукъ, но также и математики и естествознанія. То, что до сихъ поръ появилось изъ окончательной редакціи „Методологіи“ въ „Извѣстіяхъ Академіи Наукъ“, представляетъ собою очень цѣнный обзоръ „общаго хода развитія номотетического построенія исторіи и связаннаго съ нимъ историческаго натурализма“, начиная съ возникновенія философской мысли въ древней Греціи до XIX вѣка. Въ печатномъ курсѣ этому обзору соответствуетъ лишь „краткій очеркъ развитія методологіи исторіи въ прошлой и современной литературѣ“, далеко оставленный за собою упомянутымъ обзоромъ.

Научную методологію Лаппо-Данилевскій не отрываетъ отъ гносеологіи, въ которой даже прямо видитъ необходимое философское обоснованіе всякой методологіи. Въ философскомъ отношеніи самъ онъ примыкалъ къ кантіанскому критицизму, а изъ представителей послѣдняго на него оказали наибольшее вліяніе Виндельбандъ и Риккертъ. Первый изъ нихъ, какъ извѣстно, вообще старался обосновать теорію познанія не только на математикѣ и естествознаніи, но и на историческихъ наукахъ, а въ частности пустилъ въ ходъ различіе между номотетическимъ и идиографическимъ знаніемъ, играющее очень большую, прямо основную роль въ построеніи исторической методологіи Лаппо-Данилевскаго,—мысль, впрочемъ, не новую, такъ какъ это—другая только редакція дѣленія Контомъ наукъ на абстрактныя и конкретныя. Виндельбанду же принадлежитъ мысль, подхваченная потомъ и развитая Риккертомъ, о томъ, что всѣ высказываемыя нами положенія являются или теоретическими сужденіями, или сужденіями оцѣнивающими. Риккертъ связалъ это раздѣленіе съ указаніемъ на разницу между генерализирующимъ пониманіемъ дѣйствительности, какъ теоретическимъ, и индивидуализирующимъ, какъ относящимъ къ цѣнности. Я не говорю, чтобы Лаппо-Данилевскій пассивно подчинился взглядамъ Виндельбанда и Риккерта; онъ отнесся къ нимъ съ извѣстной критикой, но въ общемъ вліяніе ихъ на него не подлежитъ сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ, философская оріентація Лаппо-Данилевскаго была неокантіанская; отношеніе его къ контовскому позитивизму намъ уже извѣстно. Съ другой стороны, въ вопросахъ логики онъ примкнулъ къ новѣйшимъ представителямъ нѣмецкой мысли къ этой области, каковы Вундтъ и Зигвартъ. Изъ того, что на Лаппо-Данилевскаго особое вліяніе оказали новѣйшіе германскіе философы, отнюдь, однако, не слѣдуетъ, чтобы въ его научный синтезъ не вошли элементы мышленія другихъ передовыхъ націй и прежде всего, конечно, французовъ и англичанъ.

Въ „Методологія“ Лаппо-Данилевскій обратилъ больше вниманія и на русскихъ писателей, чѣмъ это было имъ сдѣлано въ статьѣ объ Огюстѣ Контѣ.

Въ методологіи Лаппо-Данилевскій различалъ двѣ задачи: основную, заключающуюся въ выясненіи принциповъ данной науки, (безъ которыхъ послѣдняя не можетъ существовать въ видѣ систематическаго единства понятій, и производную, излагающую ученіе о тѣхъ методахъ, при помощи которыхъ что-либо изучается. Соответственно съ этимъ свой трудъ онъ раздѣлилъ на двѣ части, которыя назвалъ теоріей историческаго знанія и ученіемъ о методахъ историческаго изученія. Въ печатномъ изданіи первая часть занимаетъ весь первый выпускъ и небольшую часть второго, вторая—большую часть этого послѣдняго и весь третій выпускъ, имѣющійся только въ литографированномъ видѣ.

Этотъ цѣльный курсъ методологіи отличается большою систематичностью, влѣдствіе чего и самый порядокъ расположенія его частей заслуживаетъ вниманія. Въ первой части, главнымъ образомъ, разсматривается построеніе теоріи историческаго знанія отдѣльно какъ съ номотетической, такъ и съ идиографической точекъ зрѣнія, или съ обобщающей и индивидуализирующей, причемъ по отношенію къ каждой изъ нихъ сначала говорится о главнѣйшихъ моментахъ въ развитіи того или другого построенія историческаго знанія, потомъ объ основаніяхъ каждаго изъ нихъ, въ заключеніе же оба разсматриваются критически. За этими двумя отдѣлами слѣдуетъ третій, посвященный объекту историческаго познанія, каковымъ для Лаппо-Данилевскаго являлось историческое цѣлое, т. е. исторія чело-вѣчества.

Вторая часть труда распадается на два большихъ отдѣла (изъ которыхъ второй и составляетъ содержаніе третьяго выпуска). Первый названъ „Методологія источниковѣдѣнія“, второй—„Методологія историческаго построенія“. Здѣсь, прежде всего, рѣчь идетъ о томъ, что составляетъ вообще содержаніе большей части такихъ трудовъ, о самомъ понятіи, мыслящемся подъ названіемъ историческихъ источниковъ, о главнѣйшихъ ихъ видахъ, объ исторической интерпретаціи источниковъ и о главнѣйшихъ ея методахъ, объ исторической критикѣ источниковъ и главнѣйшихъ ея разновидностяхъ, наконецъ, объ ихъ значеніи. Въ этомъ отдѣлѣ Лаппо-Данилевскому предстояло преимущественно подводить итоги подъ работою, уже давно производившеюся историками, но во второмъ отдѣлѣ пришлось имѣть дѣло съ вопросомъ, остававшимся до сихъ поръ мало разработаннымъ. Какъ и въ другихъ частяхъ своего курса, онъ далъ обзоръ того,

что было сдѣлано по данному предмету въ прошломъ и что имѣется въ современной литературѣ. Въ дальнѣйшемъ разсматривается, что такое историческій фактъ, или, вѣрнѣе говоря, представление о фактѣ, и какъ совершается само построение историческихъ фактовъ, взятыхъ въ отдѣльности, послѣ чего предметомъ разсмотрѣнія дѣлается построение причинно-слѣдственной связи между историческими фактами, понимаемыми при этомъ, съ одной стороны, какъ факторы, съ другой—какъ продукты. Новую задачу, далѣе, представляетъ собою построение историческихъ группъ, или систематизація фактовъ, причемъ и здѣсь различаются особые виды такой группировки: между ними выдвигаются здѣсь социологическая, при которой историкъ пользуется преимущественно статистическимъ и сравнительнымъ методами, и отличная отъ социологической группировки чисто историческая, которая производится по историческому значенію фактовъ, опредѣляемому путемъ отнесенія ихъ къ какой-либо цѣнности. Завершается этотъ отдѣлъ краткими обзорами построеній состояній культуры, историческихъ рядовъ и, наконецъ, историческаго цѣлаго, подъ каковымъ авторъ разумѣлъ исторію человѣчества. Таково содержаніе всего труда. Въ основу его положена несомнѣнно такая схема. Специальной исторической методологіи, соприкасающей съ вопросами техники историческихъ изслѣдованій, но главнымъ образомъ врашающейся въ области логическихъ вопросовъ, Лаппо-Данилевскій предпослалъ большое гносеологическое введеніе, въ которомъ выразилось общее философское устремленіе его ума. Его здѣсь интересуютъ теоретико-познавательныя точки зрѣнія, съ какихъ историческая наука можетъ изучать данныя нашего опыта, а также вопросы, какое при этомъ можетъ значеніе придаваться принципамъ причинно-слѣдственности и цѣлесообразности въ историческихъ построеніяхъ, что можетъ служить критеріемъ исторической оцѣнки при выборѣ матеріала и т. п. Съ другой стороны, за тою частью курса, гдѣ разсматриваются принципы и приемы, на основаніи и при помощи которыхъ можно съ увѣренностью говорить о существованіи тѣхъ или другихъ фактовъ (что всегда было главнымъ содержаніемъ историческихъ методологій), въ курсѣ Лаппо-Данилевскаго слѣдуетъ заключительная часть о принципахъ и приемахъ, на основаніи и при помощи которыхъ можно объяснять, какъ произошло что-либо, существованіе чего нами признано, и какъ тѣмъ самымъ повторяется историческая дѣйствительность. Въ этой заключительной части Лаппо-Данилевскій уже касался вопросовъ о томъ, что лично я называю, въ отличіе отъ теоріи историческаго знанія, или „историка“, теоріей историческаго процесса, или „исторіологіей“, выходящей уже въ область социологіи.

Этотъ обзоръ содержанія „Методологія“ Лаппо-Данилевскаго даетъ понятіе не только о системѣ, положенной въ его основу, но и о широтѣ захвата въ постановкѣ и рѣшеніи затронутыхъ вопросовъ. Исходнымъ пунктомъ въ трудѣ является философія въ ея гносеологическомъ аспектѣ, своими выводами онъ подходитъ къ проблемамъ философіи исторіи и социологіи, а на пути этомъ отъ теоріи познанія къ теоріи общественной дѣйствительности находятся на своихъ мѣстахъ и логика, и психологія, и археологія, и статистика, вообще цѣлый рядъ научныхъ специальностей, такъ или иначе, какъ матеріально, такъ и формально соприкасающихся съ теоріями историческаго знанія и историческаго процесса. Строя такимъ образомъ свой курсъ, Лаппо-Данилевскій имѣлъ въ виду, прежде всего, принципиальную, а не техническую сторону познавательнаго процесса, правильно рассуждая, что техника историческаго изслѣдованія усваивается лучше всего не чрезъ теоретическія рассужденія, а въ самой работѣ надъ историческимъ матеріаломъ. Это не значить, однако, чтобы въ общей формѣ и эти вопросы не были затронуты въ курсѣ Лаппо-Данилевскаго. Главы объ интерпретаціи и критикѣ историческихъ источниковъ содержатъ въ себѣ немало и „правилъ“ или, по крайней мѣрѣ, такихъ указаній, изъ которыхъ легко извлечь нѣкоторыя правила.

Отличаясь строгою систематичностью, доходящею иногда до послѣднихъ возможныхъ въ данномъ отношеніи предѣловъ, и широтою захвата, предполагающею у читателя уже большую научную подготовку, „Методологія“ Лаппо-Данилевскаго характеризуетъ еще одну черту въ самомъ ея авторѣ—стремленіе избѣгать какой бы то ни было односторонности въ рѣшеніи принятыхъ къ разсмотрѣнію вопросовъ.

Мы уже видѣли, какое важное значеніе принадлежитъ въ курсѣ Лаппо-Данилевскаго различенію номотетической и идиографической точекъ зрѣнія на исторію. Авторъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ историковъ, которые признаютъ правильность только той или другой изъ этихъ точекъ зрѣнія, не довѣряя или относясь съ сомнѣніемъ къ другой, если не прямо ее отрицаая. Для него приемлемы были и та и другая, но каждая изъ нихъ, въ отдѣльности взятая, по его мнѣнію, не въ состояніи вполне упорядочить и систематизировать данныя нашего опыта, и отсюда необходимость сочетанія обѣихъ, какъ дополняющихъ одна другую, какъ изучающихъ одно и то же, только взятое съ разныхъ сторонъ. Притомъ, Лаппо-Данилевскій указывалъ на полную ихъ разлѣвность только въ теоріи: фактически, т. е. въ практическомъ примѣненіи, онѣ между собою для него переплетались. Обѣ точки зрѣнія нашли въ авторѣ „Методологіи“ правильнаго

истолкователя и безпристрастнаго критика, что и дало ему возможность признать относительное значеніе каждой въ достиженіи основной цѣли науки. И это не было, конечно, безпринципнымъ эклектизмомъ, въ которомъ часто готовы обвинять людей, не считающихъ возможнымъ видѣть всю истину только въ одномъ какомъ-либо направленіи: это былъ не эклектизмъ, а синтезъ, снимающій противоположности и примиряющій ихъ въ высшемъ единствѣ. Такой синтезъ достигается только путемъ критики существующихъ взглядовъ, доискивающейся ихъ раціональныхъ основаній и вскрывающей недоразумѣнія, порождаясь одностороннимъ развитіемъ той или другой основной идеи. Лаппо-Данилевскій хорошо зналъ исторію трактовавшихся имъ вопросовъ, всѣ pro и contra, выставившіяся сторонниками и противниками предлагавшихся ихъ рѣшеній, и самъ приписывалъ иногда какъ возраженія на нихъ, такъ и доводы въ ихъ пользу. Конечно, для Лаппо-Данилевскаго исторія сама по себѣ не могла не быть наукою идиографическою, какъ социологія, наоборотъ, наукою номотетическою, а въ этомъ смыслѣ для исторіи идиографическая точка зрѣнія получаетъ самодовлѣющее значеніе, номотетическая какъ бы служебное, но иначе для Лаппо-Данилевскаго дѣло и не могло бы представляться.

Номотетическая точка зрѣнія къ изученію какого-либо предмета примѣняется, поскольку въ немъ есть нѣчто общее съ другими предметами, идиографическая же, наоборотъ, поскольку вещь „представляется намъ частью нѣкагого цѣлаго и въ такомъ смыслѣ единственной въ своемъ родѣ и индивидуальной“. Быть можетъ, можно обосновать понятіе индивидуальности, совсѣмъ не прибѣгая къ приведенному соображенію о части и цѣломъ, но для Лаппо-Данилевскаго характеренъ тотъ монизмъ въ пониманіи главнаго объекта исторіи, какъ всего человѣчества, который, однако, — какъ я ему ни сочувствую, — кажется мнѣ недостаточно если не обоснованнымъ, то защищеннымъ отъ нападенія со стороны современныхъ противниковъ всемірно-исторической точки зрѣнія, между прочимъ, и у насъ. Отношеніе къ этому историческому цѣлому, какъ къ чему-то данному намъ единственнымъ въ своемъ родѣ, конечно, должно быть идиографическимъ, какъ и къ отдѣльнымъ частямъ этого цѣлаго, но настоящее научное пониманіе какъ самого цѣлаго, такъ и его частей Лаппо-Данилевскій не допускалъ безъ пользованія социологическими обобщеніями, что отнюдь не устранило въ его сознаніи и самодовлѣющаго еще значенія социологіи.

Кстати сказать, онъ хорошо былъ знакомъ съ социологическою литературою. Одинъ изъ послѣднихъ научныхъ его докладовъ, кото-

рый мнѣ пришлось слушать, былъ докладъ о скончавшемся незадолго передъ тѣмъ французскомъ соціологѣ Дюркгеймѣ, — докладъ, свидѣтельствовавшій, какъ хорошо зналъ докладчикъ этого представителя современной соціологіи.

Въ методологіи источниковѣдѣнія Лаппо-Данилевскій примѣнилъ и къ самому понятію историческаго источника свою теоретико-познавательную точку зрѣнія. Въ его опредѣленіи историческій источникъ является „реализованнымъ продуктомъ человѣческой психики, пригоднымъ для изученія фактовъ съ историческимъ значеніемъ“. Первая половина опредѣленія, указывающая на психическое творчество человѣка, придаетъ источнику характеръ телеологическаго единства, именно единства сознанія творца источника, реализовавшагося въ данномъ продуктѣ творчества. Отсюда Лаппо-Данилевскій выводилъ, что основнымъ (но не единственнымъ) методомъ интерпретаціи долженъ быть методъ психологическій, самъ обосновывающійся на признаніи чужой одушевленности, о которомъ онъ подробно говоритъ и въ другой связи, какъ объ очень вообще важномъ съ гносеологической точки зрѣнія принципѣ. Очень много въ этой части „Методологіи“ и психологическихъ соображеній по вопросамъ о критеріи и методахъ установленія достовѣрности и недостовѣрности показаній источника и о генезисѣ различныхъ видовъ показаній источника. Какъ широко старается Лаппо-Данилевскій освѣтить значеніе источниковъ, показываетъ заключительное его замѣчаніе о важномъ значеніи ихъ и въ практическомъ отношеніи. Все, что мы знаемъ объ окружающей насъ дѣйствительности и о собственномъ положеніи, въ ней занимаемомъ, основано на свидѣтельствахъ другихъ людей, какъ, съ другой стороны, безъ пользованія историческими источниками человѣкъ лишился бы возможности какъ переживать дѣйствительность въ той ея полнотѣ, которая получается лишь при связываніи настоящаго съ прошедшимъ, такъ и соучаствовать въ культурной жизни человѣчества.

Одна изъ основныхъ мыслей, проходящая черезъ весь разсматриваемый трудъ, заключается въ отдѣленіи теоретико-познавательной точки зрѣнія отъ психологической, другими словами, обоснованности знанія отъ его генезиса. Въ чисто методологической части своего курса устанавливая принципы интерпретаціи и критики источниковъ съ теоретико-познавательной точки зрѣнія, Лаппо-Данилевскій иллюстрируетъ устанавливаемые имъ методы большимъ количествомъ конкретныхъ примѣровъ историческаго содержанія. Если методологія источниковѣдѣнія ставитъ передъ историкомъ преимущественно аналитическія задачи, то методологія историческаго построенія имѣетъ уже характеръ по существу дѣла синтетическій съ усвоенной авто-

ромъ теоретико-познавательной точки зрѣнія; понятіе о фактѣ берется имъ въ смыслѣ нашего представленія о фактѣ, а оно само уже есть извѣстное построеніе наше, въ которомъ можно различать нѣсколько научныхъ операций. Здѣсь опять Лаппо-Данилевскій возвращается къ признанію чужого одушевленія, которое историкъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и долженъ въ себѣ воспроизводить для надлежащаго пониманія какъ мотивовъ совершеннаго дѣянія, такъ и впечатлѣнія, произведеннаго имъ на среду. Это относится къ задачѣ психологическаго истолкованія факта, но кромѣ того, нужно еще его возстановленіе въ смыслѣ построенія нѣкотораго образа путемъ соединенія разрозненныхъ элементовъ, для чего Лаппо-Данилевскій тоже устанавливаетъ извѣстные принципы. Между прочимъ, это требуетъ комбинированія признаковъ, которое не можетъ быть простымъ перечисленіемъ элементовъ, а должно происходить съ выборомъ на основаніи ихъ значенія, въ результатѣ чего получается опредѣленіе главенствующей черты.

Факты въ ихъ отдѣльности сами являются элементами для новыхъ, болѣе сложныхъ и обобщенныхъ построеній, принципы которыхъ устанавливаются все съ той же теоретико-познавательной точки зрѣнія. Выше уже было сказано, подъ какими рубриками разсматривается въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ вопросъ о систематизаціи отдѣльныхъ фактовъ. Въ общемъ, это—очень разработанное ученіе о разныхъ родахъ и видахъ историческаго синтеза; среди которыхъ ставятся рядомъ, какъ оба одинаково законныя, и соціологическая, и историческая группировки, одна, конечно, съ характеромъ номотетическимъ, другая съ идиографическимъ. Конечною цѣлью историческаго синтеза Лаппо-Данилевскій ставитъ здѣсь построеніе историческаго цѣлаго.

Съ номотетической точки зрѣнія, говоритъ онъ, достигнуть объединенія данныхъ нашего опыта, какъ основной цѣли познанія, „можно путемъ общихъ понятій, но съ идиографической точки зрѣнія его нельзя достигнуть иначе, какъ построивъ понятіе о такомъ цѣломъ, въ которомъ всѣ разрозненные части дѣйствительности находили бы каждая свое мѣсто“. Въ послѣднемъ счетѣ такимъ цѣлымъ является цѣлое міровое, но историкъ ограничивается изученіемъ той его части, относительно также нѣкотораго цѣлага, какое представляеть собою все человѣчество. Весь рядъ разсужденій Лаппо-Данилевскаго на эту тему, въ которыхъ видную сторону составляетъ отнесеніе всемірно-историческаго процесса къ высшимъ цѣлностямъ, я назвалъ бы методологіей философіи исторіи, которую онъ совершенно правильно отличалъ отъ соціологіи.

Таково содержаніе „Методологіи исторіи“, очень цѣльной, очень стройной и очень полной, отличающейся, кромѣ того, и большою, въ общемъ, точностью какъ отдѣльныхъ научныхъ понятій, такъ и всѣхъ высказываемыхъ въ ней сужденій. Содержаніе это такъ богато и сложно, что въ такомъ короткомъ очеркѣ, какимъ я вынужденъ ограничиться, передать его даже въ видѣ общаго резюме было бы невозможно. Тѣмъ менѣе представлялось бы возможнымъ анализировать отдѣльныя основныя положенія всей методологической системы Лаппо-Данилевскаго для того, чтобы выдѣлить въ ней то оригинальное, что имъ въ нее внесено, среди идей, вошедшихъ въ его обширный синтезъ. Съ инымъ въ этомъ синтезѣ можно, конечно, и не соглашаться, но критика того, съ чѣмъ, по-моему мнѣнію, нельзя было бы соглашаться, потребовала бы слишкомъ много мѣста. Здѣсь пришлось бы идти за разсужденіями автора шагъ за шагомъ, причемъ, можетъ быть, часто въ результатѣ получились бы лишь поправки и разъясненія, а не опроверженія.

Напримѣръ, я бы обосновалъ необходимость идиографичности въ исторіи не на томъ, что все индивидуальное является отдѣльною неповторяющеюся частью извѣстнаго цѣлаго, какъ это дѣлаетъ Лаппо-Данилевскій. Всякое индивидуализированіе въ идиографическихъ цѣляхъ заключается не только въ выдѣленіи чего-нибудь единичнаго изъ однороднаго (частнаго изъ общаго), но и въ обособленіи какой-нибудь отдѣльной части отъ того цѣлаго, въ составъ котораго она входитъ. Въ частности, то общее, которое мы называемъ человѣчествомъ, въ большей части своей исторіи не было чѣмъ-то цѣлымъ, хотя, взятое въ своихъ разрозненныхъ частяхъ, и является единымъ и единственнымъ, что и дѣлаетъ возможнымъ идиографическое его изученіе.

III.

Я остановился на этомъ пунктѣ въ виду того, что въ связи съ тѣмъ пониманіемъ самаго широкаго синтеза въ исторической наукѣ, который предносился передъ умственнымъ взоромъ Лаппо-Данилевскаго, какъ идея исторіи человѣчества, стоитъ еще одна его историко-теоретическая работа: около двадцати лѣтъ тому назадъ, когда въ Петербургѣ создавалось извѣстное Тенишевское училище, инициаторы котораго хотѣли, чтобы оно внесло нѣчто новое въ педагогическое дѣло, къ выработкѣ учебныхъ плановъ училища и программъ по отдѣльнымъ предметамъ преподаванія были привлечены нѣкоторые

ученые, и среди нихъ былъ также Лаппо-Данилевскій, написавшій по своему предмету, исторіи, небольшую записку, касающуюся, главнымъ образомъ, содержанія среднешкольнаго курса исторіи. Появившись въ печати, сколько мнѣ извѣстно, въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, она и въ свое время мало кому была доступна, а теперь прямо составляетъ библиографическую рѣдкость. Въ свое время она не обратила на себя достаточнаго вниманія, а между тѣмъ она его заслуживаетъ и притомъ не только съ педагогической точки зрѣнія.

Будучи авторомъ школьнаго плана преподаванія исторіи, Лаппо-Данилевскій, конечно, не могъ—да и хотѣть не могъ—отказаться отъ своихъ историко-теоретическихъ взглядовъ. Школьная исторія не должна была въ его пониманіи не быть научною исторіей, а конечною цѣлью историческаго синтеза онъ признавалъ построеніе исторіи человѣчества, которое было бы не только построеніемъ дѣйствительности, но и объединеніемъ ея, и ея оцѣнкою. Конечно, это требовало выработки извѣстной схемы, которая могла подлежать упрощенію въ виду возраста учениковъ средней школы, но отнюдь не должна была терять своей идейности, въ чемъ и заключается особый, чисто теоретическій интересъ педагогической статьи Лаппо-Данилевскаго. Въ наше время, когда и въ области методики исторіи нѣкоторые авторы противопоставляютъ социологическую точку зрѣнія такъ называемой всемірно-исторической, историко-философской, утверждая при этомъ, что первая будто-бы исключаетъ вторую, старая статья Лаппо-Данилевскаго имѣетъ интересъ и съ педагогической точки зрѣнія.

Статьѣ своей, занимающей меньше печатнаго листа, Лаппо-Данилевскій далъ заглавіе „Матеріалы для плана общеобразовательнаго курса по исторіи человѣчества“¹⁾. Онъ назвалъ такъ свою работу, такъ какъ не имѣлъ въ виду дать систематическій и всесторонне разработанный планъ или подробную программу, желая только показать, въ какомъ духѣ должно было бы вестись преподаваніе исторіи въ средней школѣ. Перечитывая теперь эту записку, во многихъ ея положеніяхъ узнаешь идеи „Методологіи исторіи“ въ примѣненіи къ педагогическому дѣлу, идеи, касающіяся достовѣрнаго знанія, какъ единственно цѣннаго съ научной точки зрѣнія, касающіяся группировки и систематизаціи отдѣльныхъ элементовъ знанія, касающіяся культурной эволюціи и т. п.

При составленіи своего плана Лаппо-Данилевскій имѣлъ въ виду,

¹⁾ Памятная книжка Тенишевскаго училища (1902), ч. I, стр. 87—101.

Русск. Ист. Журн., кн. 6.

какъ самъ онъ это подчеркиваетъ, исторію „человѣчества“, но въ основу ея изложенія онъ положилъ, главнымъ образомъ, исторію Европы по самому значенію послѣдней, по малой разработанности исторіи другихъ частей свѣта и по невозможности охватить въ средней школѣ, за недостаткомъ времени, что-либо большее, чѣмъ исторія Европы.

Самый планъ построенъ такъ. Исходнымъ пунктомъ берутся „родъ и племя, какъ древнѣйшіе типы политическаго общенія“, причемъ съ одной стороны разсматривается доисторическая культура Европы, съ другой—современные простѣйшіе типы семейной, родовой и племенной жизни. Затѣмъ идутъ рубрики подъ заглавіями: 1) „Воинствующія державы древнѣйшаго времени“, 2) „Городъ-государство древняго времени“, 3) „Феодальныя государства въ средніе вѣка“, 4) „Національно-правовыя государства новаго времени“ и 5) „Развитіе международной общеевропейской цивилизаціи и распространеніе ея на земномъ шарѣ“. Такимъ образомъ, въ началѣ и въ концѣ плана разсматривается состояніе всего человѣчества, въ началѣ—въ доисторическія времена, въ концѣ—подъ влияніемъ общеевропейской цивилизаціи, въ которой „лучше всего сказалось развитіе человѣческой культуры, если не зародившейся, то во всякомъ случаѣ сложившейся въ одно цѣлое на европейской почвѣ и отсюда распространившейся въ новое время за предѣлы нашего материка“. Между древнѣйшимъ и современнымъ культурнымъ состояніемъ человѣчества, взятаго, какъ единое цѣлое, Лаппо-Данилевскій помѣстилъ то, что я позволяю себѣ называть большою дорогою исторіи, въ сторонѣ отъ которой оказываются, напр., такія страны, какъ Индія и Китай. Вся эта центральная часть плана состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, характеризуемыхъ терминами: „воинствующія державы“, „городъ-государство“, „феодальныя государства“ и „національно-правовыя государства“. При именованіи каждаго періода авторъ принималъ во вниманіе „лишь главенствующій и наиболѣе общій признакъ, его характеризующій“, притомъ хотя и характеризующій съ политической точки зрѣнія, однако, какъ говоритъ самъ Лаппо-Данилевскій, и „указывающій на реальныя свойства“, которыя частью обуславливали политическія формы общенія, частью ими сами обуславливались. Особенностью этого плана является то, что въ немъ отдѣльныя страны занимаютъ мѣсто, съ одной стороны, представительницъ отдѣльныхъ типовъ, съ другой—составныхъ частей нѣкоторыхъ цѣлыхъ. Я бы сказалъ, что въ немъ индивидуализирующая точка зрѣнія уступаетъ мѣсто генерализирующей и въ смыслѣ, какъ я предпочитаю самъ выразиться, замѣны идиографичности типологичностью, и въ смыслѣ

стремленія въ каждой исторической индивидуальности усматривать лишь часть одного всеобъемлющаго цѣлаго. Въ первомъ отношеніи это была ориентація соціологическая, во второмъ—историко-философская.

Мнѣ пришлось слышать такое мнѣніе о схемѣ исторіи человѣчества, предложенной Лаппо-Данилевскимъ, будто она имѣетъ гегельянскій характеръ; но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло вообще съ обвиненіемъ всякой универсальной историко-философской точки зрѣнія въ гегельянствѣ, что совершенно неправильно. Гегель создалъ апріорный планъ, якобы выполнявшійся дѣйствительнымъ ходомъ исторіи, но у Лаппо-Данилевскаго такого апріоризма въ построеніи схемы не было: она создавалась не отвлеченной логикой, такъ сказать, сверху, а строилась снизу, возсоздавая цѣлое изъ отдѣльных частей, изслѣдованныхъ каждая въ своей отдѣльности и въ ея реальныхъ отношеніяхъ къ другимъ такимъ же частямъ. Единство всемірно-историческаго процесса для Гегеля было чѣмъ-то даннымъ съ самаго начала процесса, тогда какъ Лаппо-Данилевскій ведетъ свою линію отъ временъ родовой и племенной разрозненности и самый процессъ понимаетъ, какъ постепенное складываніе общечеловѣческой культуры, какъ объединеніе человѣчества и въ смыслѣ установленія постоянныхъ и прочныхъ связей между отдѣльными его частями, и въ смыслѣ распространенія въ немъ единой культуры, являющейся синтезомъ вкладовъ, которые дѣлались въ нее отдѣльными націями.

Въ этомъ заключается существеннѣйшее отличіе схемы Лаппо-Данилевскаго отъ гегельянской. Въ данномъ отношеніи онъ стоялъ ближе къ V и VI томамъ „Курса положительной философіи“ Конта, чѣмъ къ „философіи исторіи“ Гегеля, хотя и у Конта было желаніе подогнать всю исторію подъ одинъ „основной законъ“, чего у Лаппо-Данилевскаго тоже совершенно не было. Онъ отвергъ контовское дѣленіе исторіи по тремъ фазисамъ развитія при этомъ не для того, чтобы замѣнить его какою-либо другою схемою, хотя бы, напр., Бюхеровской. Оно и понятно: исторія человѣчества для Лаппо-Данилевскаго должна была быть конечнымъ синтезомъ изученія отдѣльных періодовъ, а не заключаться въ раскрытіи какой-либо апріорной формулы, былъ ли ея авторомъ Гегель, Контъ, Спенсеръ, Марксъ, Бюхеръ.

Н. Карѣевъ.

О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г.

Въ концѣ XVIII в. по указанію еписк. Архангелогородскаго Вениамина Краснопѣвкова ¹⁾ было составлено „Подробное историческое описаніе Архангельской епархіи“, напечатанное затѣмъ въ приложеніи къ „Любозпытному мѣсяцослову на лѣто отъ Р. Х. 1795“ (М. 1795). Едва ли не впервые въ печатной литературѣ въ „Описаніи“ даются обстоятельныя свѣдѣнія по исторіи монастырей и церквей упомянутой епархіи, въ частности, по исторіи Печенгскаго монастыря, самаго сѣвернаго изъ русскихъ монастырей, основаннаго въ первой половинѣ XVI в. и имѣвшаго большое значеніе въ дѣлѣ колонизаціи Мурмана. Первоначальная исторія монастыря рассказана въ „Описаніи“ по житію преп. Трифона, основателя Печенгскаго монастыря, и тѣмъ грамотамъ, которыя были въ распоряженіи составителя; одна изъ нихъ, грамота 1556 г. ноября 21, приводится имъ (стр. 172—173 печатнаго изданія „Описанія“) и читается такъ:

„По умоленію дѣтей своихъ царевича князя Іоанна Іоанновича и царевича князя Θεодора Іоанновича пожаловалъ есма Его Царскаго богомолія отъ Студеного моря океана съ Мурманскаго рубежа Пресвятые Живоначальныя Троицы Печенгскаго монастыря игумена Гурія съ братією или кто въ томъ монастырѣ иной игумень и братія будутъ вмѣсто руги и вмѣсто молебныхъ и панахидныхъ денегъ для ихъ скудости на пропитаніе въ вотчину морскими губами Мотоцкою и Лицкою и Урскою и Печенскою и Пазренскою и Навденскою губами въ морѣ всякими рыбными ловлями и морскимъ выметомъ, коли изъ моря выкинетъ кита или моржа или какого иного звѣрка, и морскимъ берегомъ, землею и островами и рѣками и малыми ручейками, и съ верхотинами и тонями и горювыми мѣстами и пожнями и лѣсами и лѣшными озерами и звѣрными ловищи, и лопарями, которые лопари наши данные въ той Мотоцкой и въ Печенской губѣ нынѣ есть и впредь будутъ, и со всѣми луковыми угоды и своими царя и великаго князя денежными оброки и со всѣми доходы и съ волостными кормы; и тѣмъ имъ питатися и монастырь строить. А нашимъ бояромъ

¹⁾ О немъ см. Арханг. Губ. Вѣд. 1847 г. № 25 и Журн. Мин. Нар. Просв. 1848 г., № 5, с. 70—72.

Новгородскимъ и Двинскимъ и Устькольскіе волости приказнымъ и всякимъ приморскимъ людямъ и корельскимъ дѣтямъ и лопарямъ и иному никому въ тое ихъ вотчину, въ рѣки и тони и во всякія рыбныя ловли и во всякія угодыя, не вступаться“.

Тѣ же свѣдѣнія о Печенгскомъ монастырѣ съ перепечаткой грамоты 1556 г. приведены въ вышедшей въ 1812 г. части четвертой „Исторіи Россійской іерархіи“ (с. 582—583); въ слѣдующемъ 1813 г. грамота была напечатана К. Молчановымъ въ „Описаніи Архангельской губ.“ (СПБ. 1813, с. 230—231), съ незначительными вариантами и пропусками по сравненію съ текстомъ „Описанія“ и съ датой 1556 г. ноября 22. Впослѣдствіи во многихъ сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи Мурмана и Печенгскаго монастыря, грамота 1556 г. перепечатывалась неоднократно ¹⁾.

Среди источниковъ по исторіи Мурмана въ XVI в. упомянутая грамота занимаетъ, безспорно, важное мѣсто: большинство авторовъ, писавшихъ по этому вопросу въ той или иной мѣрѣ пользовались ею. Когда въ 1826 г. происходило разграниченіе русскихъ земель съ Норвегіей, мы съ своей стороны, въ качествѣ одного изъ доказательствъ нашихъ правъ на нѣкоторыя изъ нихъ, ссылались на грамоту 1556 г. ²⁾. Для самаго Печенгскаго монастыря эта грамота является древнѣйшей изъ сохранившихся къ серединѣ XVIII в. ³⁾, и значеніе ея для подтвержденія правъ монастыря на его владѣнія очевидно.

До настоящаго времени, несмотря на обиліе литературы по исторіи Мурмана, она представляетъ, въ сущности, небольшую научную цѣнность въ виду отсутствія критическаго обслѣдованія тѣхъ источниковъ, на основаніи которыхъ строится эта исторія. Такъ, кромѣ грамоты 1556 г. и нѣсколькихъ лѣтописныхъ извѣстій ⁴⁾, въ

¹⁾ Та же грамота въ нѣкоторыхъ изданіяхъ ея имѣетъ дату 1556 г. ноября 1 („Житія святыхъ Россійской церкви“. Мѣсяць декабрь (СПБ. 1856), с. 413—414; *Филаретъ*, Житія святыхъ, изд. 3 (дополн. СПБ. 1900), декабрь, с. 281—282 (изложеніе содержанія); *А. Грековъ*) Трехсотлѣтіе преп. Трифону (СПБ. 1883), с. 3—4; *Н. Харузинъ*, Русскіе лопари, М. 1890, с. 38—39; *А. Корольковъ*, Трифоно-Печенгскій мон., с. 12—13; *его же*, Сказаніе о преп. Трифонѣ, изд. 3-е, СПБ. 1902, с. 9—10, прим. 1).—Съ датой 1556 г. ноября 22 грамота напечатана у *Н. Гулевича*, Русская Лалландія, с. 6—8, и у іеромон. *Никодима*, Препод. Трифонъ, просвѣтитель лопарей, СПБ. 1899, с. 12—13.—Съ датой 1556 г. ноября 21—дважды въ Арханг. Губ. Вѣд. (1873 г. № 3 и 1877 г. № 96).

²⁾ *Н. и Н. Чулковъ*, Къ исторіи разграниченія Россіи съ Норвегіей.—въ Русск. Арх. 1901, кн. 1, с. 148, 151.

³⁾ См. Опись монаст. грамотъ 1757 г., въ Арх. Еп. Вѣд. 1896 г. № 24.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VI, с. 282, 289; т. XIII (полов. первая), с. 63; т. XX (полов. первая), с. 404, 415; *А. Шаматовъ*, О такъ назыв. Ростовской лѣтописи, с. 101, 103.

числѣ главнѣйшихъ источниковъ по исторіи края въ XVI в. обычно упоминаются житіе препод. Трифона ¹⁾ и біографія другого дѣятеля XVI в. Теодорита, приводимая кн. А. М. Курбскимъ въ его „Исторіи о великомъ князѣ Московскомъ“ ²⁾. Авторами, писавшими по исторіи Мурмана и Печенгскаго монастыря въ XVI в., потрачено немало остроумія, чтобы какъ-нибудь согласовать показанія этихъ разнорѣчивыхъ и далеко не равноцѣнныхъ источниковъ ³⁾. Не говорю уже о томъ, что долго оставался внѣ научнаго оборота и совсѣмъ критически не изученъ драгоцѣннѣйшій, однако, источникъ по исторіи русскаго крайняго сѣвера—дневникъ Салингена, опубликованный Бюшингомъ еще въ XVIII в. и вновь „открытый“ только въ началѣ XX в. ⁴⁾. Такимъ образомъ, для созданія научной исторіи края, имѣвшаго важное значеніе въ нашемъ прошломъ, необходимо, какъ кажется, произвести прежде всего критическое обслѣдованіе источниковъ. Послѣдующія строки посвящены изученію одного изъ нихъ—жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г.

I.

Впервые въ печатной литературѣ съ нѣкоторыми замѣчаніями по поводу интересующей насъ грамоты 1556 г. выступилъ П. Д. Шестаковъ, авторъ статьи „Просвѣтители лопарей архим. Теодоритъ и св. Трифонъ Печенгскій“ ⁵⁾. Разобравъ критически житіе преп. Трифона, дошедшее, по мнѣнію П. Д. Шестакова, въ спискѣ XVIII в., и установивъ нѣкоторыя даты событій, о которыхъ рассказываетъ житіе, Шестаковъ отнесъ хожденіе преп. Трифона въ Москву и полученіе богатыхъ пожалованій отъ Грознаго „не ранѣе какъ къ 1573 и 74 году, когда царевичу Теодору было 16—17 лѣтъ“, что соотвѣтствуетъ, по мнѣнію автора, разсказу житія, гдѣ царевичъ является юношей ⁶⁾. „Не дана ли грамота, продолжаетъ Шестаковъ, царемъ Теодоромъ Іоанновичемъ?... Ясно, что годъ пожалованія грамоты (1556) означенъ неправильно, ибо выраженіе „по умоленію дѣтей“ не имѣетъ смысла въ приложеніи къ Теодору

¹⁾ Напеч. въ Правосл. Собесѣдн. 1859 г., ч. II, с. 94—120.

²⁾ Р. И. Б., т. XXXI, СПБ. 1914, с. 324—344.

³⁾ В. Ключевскій, Древнерусскія житія святыхъ, М. 1871, с. 337—340.

⁴⁾ Напеч. въ русск. перев. А. М. Филиппова въ „Литерат. Вѣстн.“ 1901 г., т. I, кн. 3, с. 297—305, и поправки къ перев. тамъ же, 1902 г., т. IV, кн. 6, с. 119—120.

⁵⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г., июль, с. 242—296.

⁶⁾ Ibid., с. 283.

Юанновичу, который или еще не родился или если и родился, то былъ лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ“¹⁾. Недоумѣнія П. Д. Шестакова въ отношеніи даты грамоты были повторены нѣсколько лѣтъ спустя іеромон. Никодимомъ, авторомъ брошюры „Преп. Трифонъ, просвѣтитель лопарей“ (СПб. 1899); къ доводамъ своего предшественника онъ присоединилъ новый, заимствованный изъ житія преп. Трифона и кажущійся ему убѣдательнымъ: „если предположить, пишетъ онъ, что грамота дана въ 1556 г., то невѣроятно, что въ 1570-ыхъ годахъ обитель, при такихъ льготахъ, какія даются грамотой, была такъ изнурена голодомъ, что ея основатель долженъ былъ странствовать 8 лѣтъ для сбора. Вѣроятнѣе поэтому думать, что грамота дана въ 1573—74 г.г. 22 ноября“²⁾. „Очевидно, заключаетъ авторъ, годъ выставленъ ошибочно; какъ произошла ошибка, неизвѣстно“. Дѣятельности преп. Трифона и основаннаго имъ монастыря касается, конечно, и авторъ капитальной „Исторіи русской церкви“, покойный акад. Е. Е. Голубинскій; въ частности, по поводу нашей грамоты мы находимъ у него слѣдующія замѣчанія: „извѣстна грамота, данная царемъ Иваномъ Васильевичемъ Трифонову. Печенгскому монастырю, напечатанная въ Исторіи іерархіи,—IV, 582, и въ Описавіи Архангельской губерніи Козьмы Молчанова,—стр. 230, но мы весьма сомнѣваемся въ ея подлинности. Помѣченная 21-мъ ноября 1556 года, она начинается: „По умоленію дѣтей своихъ царевича князя Юанна Юанновича и царевича князя Феодора Юанновича пожаловалъ есма...“ Между тѣмъ въ 1556 году царевичу Ивану было лишь два года, а царевичъ Феодоръ еще и не родился. Потомъ, и это вступленіе въ официалномъ актѣ: „По умоленію дѣтей своихъ...“ вовсе не располагаетъ вѣрить въ грамоту. (И въ грамотѣ монастырю царя Алексѣя Михайловича 1675-го года не упоминается о нашей грамотѣ при указаніи прежнихъ грамотъ монастырю: Акт. Ист. т. IV, № 254, с. 547 col. 2)“³⁾.

Такимъ образомъ, сомнѣнія въ подлинности или только въ точности даты грамоты основываются, главнымъ образомъ, на указаніи грамоты объ участіи въ дѣлѣ пожалованія царевича Феодора, еще не родившагося въ 1556 г. Указанное соображеніе нельзя не признать основательнымъ, не приводя даже въ подкрѣпленіе его тѣхъ ссылокъ на житіе препод. Трифона, источникъ поздняго происхо-

¹⁾ Ibid., с. 284—285. Царевичъ Феодоръ род. 31 мая 1557 г. (П. С. Р. Л., т. XIII, полов. 1-я, с. 283; Временн. Моск. Общ. Ист. и Древн. V, с. 111).

²⁾ Никодимъ, *op. cit.*, с. 11 и 31.

³⁾ Е. Голубинскій, *Исторія Русской Церкви*. т. II, полов. первая, М. 1900, с. 859, прим. 1.

жденія и мало надежный въ своей не только исторической части, которая дѣлается П. Шестаковымъ и іеромон. Никодимомъ. Кромѣ того, Е. Е. Голубинскаго смущало вступленіе къ грамотѣ, дѣйствительно, довольно необычное ¹⁾; что же касается послѣдняго указанія автора „Ист. русск. церкви“ о неупоминаніи грам. 1556 г. при перечисленіи прежнихъ грамотъ, данныхъ монастырю до 1675 г., то оно, какъ увидимъ ниже, можетъ быть только отчасти принято во вниманіе. Въ послѣдующемъ изложеніи будетъ разсмотрѣнъ также вопросъ о возможности отнесенія грамоты къ другому времени болѣе позднему.

Но какъ ни важны сдѣланныя упомянутыми авторами замѣчанія по поводу грамоты 1556 г., любопытиѣе всего то, что ни одинъ изъ нихъ не отмѣтилъ наличность въ печатномъ изданіи не подлиннаго текста грамоты, а его изложенія или пересказа. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ необычнаго начала и столь же необычнаго конца (отсутствіе указаній на мѣсто канцеляріи и дату), эту мысль подтверждаетъ также мѣсто грамоты, слѣдующее за началомъ, — тамъ мы читаемъ: „по умоленію дѣтей своихъ... пожаловаль есма Его Царскаго богомолія...“ Въ подлинномъ текстѣ это „Его“ ни въ коемъ случаѣ стоять не могло, и вмѣсто „Его“, несомнѣнно, должно было быть „нашего“. Такимъ образомъ, ясно, что авторъ „Подробн. опис. Арханг. епархіи“, гдѣ эта грамота была впервые напечатана, что-то сдѣлалъ съ имѣвшимся у него текстомъ грамоты; другими словами, передъ нами, во всякомъ случаѣ, текстъ неподлинный. Изложенная догадка вполне подтвердилась, когда среди грамотъ Коллегіи Экономіи Моск. Арх. Мин. Юст. по Двинскому уѣзду оказался списокъ той же грамоты 1556 г. ноября 21, причемъ по сличеніи выяснилось, что текстъ, извѣстный по печатнымъ изданіямъ, представляетъ лишь изложеніе отрывка грамоты 1556 г. И, конечно, въ текстѣ грамоты 1556 г. по коллежскому списку начало читается такъ: „се язъ царь... пожаловаль есма нашего... богомолія...“ Но отмѣченные недостатки печатнаго текста не устраняютъ всетаки тѣхъ сомнѣній по поводу даты грамоты, которыя были приведены выше. Дальнѣйшее изученіе грам. 1556 г. въ ея полномъ видѣ прибавляетъ только новыя недоумѣнія и сомнѣнія въ ея подлинности и въ конечномъ результатѣ приводитъ къ убѣжденію, что передъ

¹⁾ Но ср. начало жалов. грам. кн. Михаила Андреевича Кирил.-Бѣлоз. мон. на дер. Бренковскую: „Се язъ князь Михаилъ Андрѣевичъ, что ми печаловался смнѣ мой князь Иванъ, чтобъ мнѣ пожаловаль игумена... Нисонта... деревнею Бренковскою, и язъ сына своего дѣля князя Ивана... пожаловаль...“ (С. Шумаковъ, Обз. грам. Кол. Экон., вып. 2-й, М. 1900, с. 83).

нами не списокъ (копія) съ грамоты 1556 г., но если не цѣликомъ подложный актъ, то въ лучшемъ случаѣ т. наз. *acte récrit*, т. е. такой актъ, въ основѣ котораго лежитъ содержаніе дѣйствительно существовавшего, но утеряннаго акта.

II.

Списокъ съ жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г. ноября 21, какъ сказано, хранится въ Моск. Арх. Мин. Юст. среди грамотъ Коллегіи Экон. по Двинскому уѣзду подъ № 4139/57. Кромѣ него, сохранился еще одинъ списокъ, современная копія съ котораго оказалась среди бумагъ покойнаго А. М. Филиппова, много писавшаго о Мурманѣ и, въ частности, извлекашаго изъ забвенія упомянутый выше дневникъ Салингена. Копію съ грамоты 1556 г. вмѣстѣ съ копіями другихъ грамотъ Печенгскаго мон. А. М. Филипповъ, повидимому, получилъ изъ архива Печенгскаго мон. ¹⁾. Этотъ списокъ отличается отъ коллежскаго отсутствіемъ подтвержденій жалованной грамоты и небольшой и несущественной вставкой въ текстъ; о происхожденіи его оригинала свѣдѣній не имѣется. Иначе обстоитъ дѣло съ коллежскимъ спискомъ. Несомнѣнно, что онъ поступилъ въ Коллегію Экономіи вмѣстѣ съ другими грамотами и списками съ нихъ Печенгскаго монастыря. Къ такому заключенію приводитъ, съ одной стороны, изученіе коллежскихъ помѣтъ, находящихся обычно на оборотѣ грамотъ ²⁾, а также и то, что всѣ грамоты Печенгскаго монастыря (за исключеніемъ одной) поступили въ Коллегію въ спискахъ, безъ всякой скрѣпы, писанныхъ однимъ почеркомъ и несомнѣнно однимъ и тѣмъ же лицомъ, причемъ всѣ

¹⁾ Какъ образовался архивъ Печенгск. мон., восстановленнаго въ 80-хъ годахъ XIX в., см. въ рец. А. М. Филиппова на брошюры іером. Никодима о Печенгскомъ мон. (Литер. Вѣстн. 1902, т. IV, кн. 6, с. 158). Списками грамотъ, находящимися въ этомъ архивѣ, пользовался пока въ печатной литературѣ только іером. Никодимъ.

²⁾ Изученіе оборотныхъ помѣтъ грамотъ, поступившихъ въ XVIII в. въ Коллегію Экономіи, приводитъ къ заключенію, что первоначальныя помѣты дѣлались повидимому не въ хронологическомъ порядкѣ, а по мѣрѣ поступления грамотъ въ Коллегію изъ монастырей, архіерейск. домовъ и т. п.; т. обр., грамоты Печенгскаго мон. первоначально были отмѣчены №№ 44—48, какъ поступившіе изъ одного мѣста, въ данномъ случаѣ изъ Архангелогородск. архіер. дома, къ которому Печенгскій мон. былъ приписанъ въ 1701 г. Кромѣ того, тѣ же грамоты имѣютъ другія помѣты, указывающія, напр., на нумерацію въ предѣлахъ даннаго монастырскаго фонда; такъ, наши грамоты имѣютъ побочную нумерацію съ № 1 по № 8 включительно; несоответствіе числа грамотъ по основной и побочной помѣтамъ произошло оттого, что нѣкоторые №№ включают по 2 и по 3 грамоты.

списки были соединены первоначально въ хронологическомъ порядкѣ въ тетрадь или книгу формата поллиста и уже послѣ поступленія въ Коллегію были разъединены (да и то не вполне) на отдѣльныя грамоты и пронумерованы по листамъ въ предѣлахъ каждаго изъ номеровъ первоначальной помѣты. Самая поздняя изъ грамотъ, представленныхъ въ списокъ, относится къ 8 іюню 1689 г. ¹⁾ Изъ этого слѣдуетъ, что копія съ грамотъ были сняты не ранѣе второй половины 1689 г. и вѣроятно же всего послѣ приписки монастыря къ Холмогорскому архіерейскому дому, т. е. въ первой половинѣ XVIII в. ²⁾ Т. обр., списокъ съ грамоты 1556 г. дошелъ до насъ въ копіи не ранѣе послѣдней четверти XVII в. и, м. б., первой половины XVIII в. Остановимся нѣсколько подробнѣе на происхожденіи интересующаго насъ списка. Оказывается, что онъ представляетъ копію съ другого списка, скрѣпленнаго игуменомъ Димитріемъ, бывшимъ на игуменствѣ въ Печенгскомъ мон., по даннымъ П. М. Строева, въ 1635—1637 г.г. ³⁾ Значитъ, въ 30-хъ годахъ XVII в. въ Печенгскомъ мон. уже былъ списокъ съ грам. 1556 г., который былъ скрѣпленъ тогдашнимъ игуменомъ мон-ря и, повидимому, понадобился только въ эти годы, такъ какъ скрѣпы послѣдующихъ игуменовъ (какъ сдѣлано по отношенію другихъ грамотъ мон-ря) на немъ нѣтъ. Въ тѣ же годы и скрѣпленные тѣмъ же игуменомъ Димитріемъ въ монастырѣ существовали списки съ грамотъ 7099, 7115 и 7131 г.г., о которыхъ упоминаетъ жалованная грамота мон-рю 1675 г. ⁴⁾ Правда, какъ уже указано Е. Е. Голубинскимъ, въ грам. 1675 г. грам. 1556 г. не упоминается; но и въ ней есть указаніе на какую-то грамоту Грознаго, по которой мон-рь владѣлъ дворовымъ мѣстомъ въ Колѣ ⁵⁾; впрочемъ, списка, съ этой грамоты, какъ увидимъ ниже, старцы въ 1675 г. не представили.

Но у Печенгскаго монастыря, несомнѣнно, существовали жалованная грамоты, данныя еще Грознымъ. Цѣлый рядъ указаній на нихъ сохранился въ памятникахъ XVI—XVII вв. Самое раннее упо-

¹⁾ М. А. М. Ю., грам. Кол. Экон. по Двинск. у. № 415, л. 4.

²⁾ Изслѣдованіе бумаги, на которой писаны списки, не дало пока окончательнаго отвѣта, но бумага, несомнѣнно, русскаго производства; у Н. П. Лихачова сходныхъ образцовъ филиграней не оказалось.

³⁾ Строевъ, Списки іерарховъ, 833.—Грамота въ коллежскомъ спискѣ озаглавлена: „списокъ зъ государевы грамоты слово въ слово“, а на л. 4-мъ указана скрѣпа списка, съ котораго нашъ представляетъ копію: „на оборотѣ того списка рука приложена [такъ]: къ сему списку игуменъ Димитрій руку приложилъ“.

⁴⁾ Д. къ А. И., VI, № 131, с. 382 col. 2—383 col. 1; та же грам. въ мѣтѣ исправномъ видѣ напеч. въ А. И., IV, № 254.

⁵⁾ Д. къ А. И., VI, № 131, с. 381 col. 2.

наніе о жалованной грамотѣ Грознаго, данной строителю Печенгскаго монастыря Трифону, находимъ въ писцовой книгѣ Кольскаго уѣзда 7082 г. письма Василия Третьякова сына Агалина и подьячаго Степана Федорова сына Соболева; эта книга въ цѣломъ видѣ до насъ не дошла ¹⁾, но выдержки изъ нея приводятся въ писцовыхъ книгахъ того же уѣзда 7116, 7117 и 7119 годовъ письма Алая Михалкова и дьяка Василия Мартемьянова ²⁾, для которыхъ книги 7082 г.

¹⁾ Подлинныя писцовыя кн. 7082 г., новидимому, погибли въ Московскій пожаръ 1626 г. (ср. роспись Новгор. четв. всякимъ дѣламъ, которыя остались послѣ пожара 1626 г.—Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. 1905, кн. 1, смѣсь, с. 12—40); копія съ нихъ за приписью дьяковъ Ив. Вахрамѣева и Ив. Нормаского имѣлась въ 1696 г. въ Кольскомъ острогѣ (*Н. Харузинъ*, Русскіе допари, с. 396); другая копія съ нихъ еще въ 1757 г. хранилась въ Печенгск. мон. (Арханг. Еп. Вѣд. 1896, № 23, с. 670); среди грамотъ Коллеги Экон. по Двинск. у. подъ № 4183/105 имѣется „выпись“ съ писц. кн. 7082 г. на Керепкую вол. Кольск. уѣзда.

²⁾ Часть этихъ книгъ (лл. 1—196; всего въ книгахъ 271 листъ) напечатана въ приложеніи къ изслѣдов. *Н. Харузина* „Русскіе допари“ (Изв. Общ. Любит. Естествозн., Антропол. и Этногр., т. 66 (М. 1890), с. 409—462); ниже они кратко назыв. писц. книгами 1607 г.—Начиная съ 60-хъ гг. XVII в. и до 1697 г. между старцами Печенгск. мон. и посадскими людьми Кольскаго острога съ одной стороны и допари и старцами Прецистенск. Кандагажск. мон. съ другой шелъ споръ въ Новгор. Четверти по поводу этихъ книгъ, причемъ въ одной изъ челобитныхъ первые писали: „въ прошлыхъ де во 116 и во 117 годахъ присланъ былъ съ Москвы въ Кольскій острогъ нисецъ Алай Михалковъ да дьякъ Василій Мартемьяновъ, и тотъ де Алай Михалковъ у нихъ Печенгскихъ старцовъ и у посадскихъ людей просилъ посуловъ и писать хотѣлъ ихъ промыслы въ луки легче книгъ прежняго писца Василия Агалина, и они де тому писцу Алаю отказали, и тотъ Алай, за то браняся на нихъ, тонные ихъ промыслы не противъ стараго писца Василия Агалина книгъ писалъ луки со многю прибылью и написалъ много прибылыхъ: за ними Печенгскими старцами 23 лука съ полулукомъ и полчети и полтрети лука, а за посадскими людьми 50 луковъ съ полтретью луковъ [на самомъ дѣлѣ еще больше: по писц. 7082 г. за кольскими посадскими 9 луковъ, по кн. 7116 г.—„прибыло... вново“ 70. луковъ—(л. 32, 34)]; и они де на того писца, что онъ во многіе новые луки пишетъ, били челомъ, и тому писцу велено ѣхать къ Москвѣ, а писать ему тѣхъ ихъ промысловъ не велѣно; и съ Москвы въ Кольскій острогъ почему собирать всякія подати книгъ его письма не прислано, а собираютъ съ нихъ и со всѣхъ уѣздныхъ людей всякіе подати... прежняго писца Василия Агалина по книгамъ тому де 93-й годъ“. Не входя въ подробности этого интереснаго дѣла, слѣдуетъ указать, что, дѣйствительно, сборъ податей въ Кольскомъ уѣздѣ въ теченіе сего XVII в. происходилъ по книгамъ не 7116, 7117 и 7119 г.г., а по книгамъ 032 г., но въ дѣлахъ о владѣніи землями и угодьями и представители мѣстнаго населенія и центральная власть руководствовались, въ большинствѣ случаевъ, книгами Алая Михалкова 7116—7119 г.г., пока въ 1697 г. послѣднія не были окончательно отставлены и вмѣстѣ съ тѣмъ были отмѣнены постановленія по дѣламъ, верхнимъ на основаніи Алаевыхъ книгъ (*Н. Харузинъ*, Русскіе допари, с. 393—406; Моск. Арх. Мин. Ин. Д., прик. д. стар. дѣлъ, 1626 г. № 38, 1652 г. № 124 и 1680 г. № 81; въ томъ же Архивѣ въ отд. монаст. дѣлѣ дѣло Печенгск. мон. 1674 г.; Моск. Арх. Мин.

служили приправочными. Владѣнія Печенгскаго мон. описаны Алаемъ Михалковымъ особой статьей, причеъ описание ихъ начато съ рѣки Печенги; послѣ перечисленія тоней старыхъ и новоприбылыхъ, писц. 1607 г. отмѣчаетъ слѣдующее (л. 93): „а в Васильевыхъ книгахъ Агалина да подъячаго Степана Соболева написано: владѣютъ тѣми рѣками и озерами и тонями по Печенгской губѣ и на море и губою Печенскою и всякими угоды Печенскіе старцы по данымъ крѣпостямъ, что давали къ монастырю Мотоцкого и Сонельскаго погоста лопари, а дани они давали въ государеву казну прежь сего за тѣ угоды за 4 луки, а с лука по 20 алт. на годъ, и всего полтора ¹⁾ рубля без гривны на годъ. И государь царь и великій князь начальника и строителя Триевана з братьею пожаловалъ дани и оброку с тѣхъ луковъ имати на строителѣ Триевонѣ з братьею не велѣлъ в руги мѣсто 3 р. денегъ, и грамота у нихъ о томъ государева царева и великаго князя жалованная въ монастырѣ есть“; по той же грамотѣ Печенгскіе старцы имѣли право собирать въ свою пользу государеву дань и оброкъ съ лопарей погостовъ Печенгскаго и, повидимому, также Мотоцкаго и Китовскаго (ibid., лл. 95 и 109). Болѣе опредѣленныхъ указаній на содержаніе жалованной грамоты Печенгскому мон., данной ранѣе 7082 г., писцовая книга не даетъ. Кромѣ этой грамоты, у монастыря имѣлась, повидимому, другая грамота Грознаго, освобождавшая, между прочимъ, монастырскій дворъ въ Вологдѣ отъ пошлинъ ²⁾. Нѣкоторыя новыя подробности о грамотахъ Грознаго даетъ жалованная грамота Печенгск. мон. 1606 г. ноября 30, данная по челобитью игумена Ефрема съ братією. Въ послѣднемъ старцы писали, что у нихъ „на всѣ угоды и промыслы и на соленые варницы и на мельницы были жалованные грамоты блаженные памяти великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и государя царя и

Юст., грам. Коллегіи Экон. по Двинск. у. №№ 4318/216 (лл. 9—45 об.) и 4467/385 и по Кольск. у. № 6135/2; А. И., т. IV, № 188). Такимъ образомъ, если книги Алая Михалкова когда-либо „опорочивались“ то не съ точки зрѣнія неправильности записи въ нихъ владѣній, а главн. обр., изъ-за тяжести податей, наложенныхъ имъ на коляны; въ виду этого для слѣдующихъ соображеній о ростѣ вотчины Печенгск. мон. упомин. книги можно считать источникомъ безспорнымъ.

¹⁾ Печатное изданіе писцовой книги 1607 г. крайне неисправно; въ данномъ мѣстѣ очевидная опечатка: слѣдуетъ читать не полтора, а полтретья.

²⁾ Эта грамота упоминается въ монастырской грамотѣ 1590 г. іюля 31; списокъ съ послѣдней (какъ и съ нѣкоторыхъ другихъ грамотъ монастыря, упоминаемыхъ ниже) имѣется среди бумагъ покойн. А. М. Филиппова; означенныя копи сняты со списковъ, находящихся въ архивѣ Печенгск. монастыря, повидимому, въ сборникѣ № 9 (ср. ссылки на эти списки въ брошюрахъ іеромон. Никодима).

великаго князя Ѳедора Ивановича всея Руси, и какъ де Печенгской монастырь в 98-мъ году свейскіе нѣмцы воевали и игумена з братъею да слѣжекъ 95 человекъ убили и казну монастырскую пограбили и весь монастырь до основанія разорили и пожгли и тѣ у нихъ вотчинные жалованные грамоты... царя и великаго князя Ивана Васильевича... и... царя великаго князя Ѳедора Ивановича сожгли, и тѣхъ де грамотъ остались у нихъ списки, а иные де жалованные блаженные памяти г. ц. и в. кн. Ивана Васильевича и г. ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича всея Руси, которые были на Колмогорахъ у немецкой войны, остались, а въ спискахъ де въ старыхъ и въ грамотахъ, которые остались у немецкой войны, ихъ угодыя и промыслы писаны не сряду, а иные де ихъ угодыя и промыслы и ихъ соляное и рыбное торжишко, въ которыхъ городѣхъ соль и рыбу продають... тѣ де города въ прежнихъ грамотахъ не написаны жъ"; при этомъ игумень Ефремъ „положилъ... блаженные памяти в. г. ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. жалованные и з жалованныхъ грамотъ списки“, прося переписать ихъ на имя царя Василія; на основаніи челобитной состоялось пожалованіе: жалованные грамоты царей Ивана и Ѳедора велѣно переписать, „и с списковъ з жалованныхъ грамотъ ихъ монастырскія угодыя и промыслы и торговые статьи по городамъ и о пошлинахъ“, также новоприбылую вотчину вписать въ новую жалованную грамоту, освобождающую монастырскую вотчину по старымъ жалованнымъ отъ дани, оброка, десятины съ сала и рыбы и всякихъ податей и мірскихъ разметовъ ¹⁾. Для ясности послѣдующаго необходимо остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ изложеннаго челобитья.

Нападеніе свейскихъ нѣмцевъ, о которомъ говорится въ челобитной, дѣйствительно произошло въ декабрѣ 1589 г. ²⁾. Убивъ игумена Гурія, трехъ іеромонаховъ (Пахомія, Іосифа и Іону), 38 человекъ братіи и 53 монастырскихъ трудниковъ, „всѣхъ ихъ шведы сожгли вмѣстѣ съ монастыремъ. Сожгли они также всѣ постройки, церковь, большую часть имущества, скотный дворъ и мельницу... отъ монастыря не осталось ни одного строенія, кромѣ бани... да двухъ земля-

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, монаст. дѣла, дѣло Печенгск. мон. 1674 г., лл. 22—24.

²⁾ О томъ см. современный датскій документъ, напечат. въ Сборн. Отд. русск. яз. и слов., т. II (1890), прилож. къ протокол., с. XIV—XIX. П. С. Р. Л., т. XIV (полов. первая) (Новый Лѣтописецъ), с. 44; *іером. Никодимъ*, Преп. Трифонъ (СПб. 1899), с. 34—35 (выписка изъ наказн. памяти кн. Ив. Туренину 1594 г.).

ножь“¹⁾. Возможность гибели вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ грамотъ, можетъ быть, и жалованныхъ грамотъ Грознаго, не вызываетъ, какъ кажется, сомнѣній²⁾. Впрочемъ, въ 1591 г. Печенгскій монастырь получилъ новую жалованную грамоту; въ ней, правда, ничего не говорится о прежнихъ жалованныхъ грамотахъ, но она, несомнѣнно, была переписана съ какихъ-то прежнихъ грамотъ: такъ по грамотѣ 1591 г. монастырь переводится въ самый городъ Колу, а, между тѣмъ, мотивируя предоставленіе мон-рю разныхъ льготъ, жалованная грамота 1591 г. по прежнему объясняетъ ихъ тѣмъ, что „монастырь отъ Колы волости далеко“; съ другой стороны догадка объ отношеніи грамоты 1591 г. къ предыдущимъ грамотамъ подтверждается также тѣмъ, что новоприбылая вотчина (дворъ въ Канда-лакшѣ, купленный у старца Діонисія, и варница въ Лувенгѣ) приписаны особо послѣ всѣхъ предыдущихъ пожалованій³⁾. Значить, отъ царя Ѳедора монастырь получилъ вотчинную тарханную грамоту, погибшую вмѣстѣ съ грамотой Ивана Васильевича въ 1589 г.; и если грамота 1591 г. повторяла ее, то освобожденіе монастырской вотчины и промысловъ отъ дани, оброка, десятины и т. п. было также въ грамотѣ царя Ѳедора, данной между 1584 и 1589 г.г. Но если можно отчасти возстановить содержаніе первой грамоты Ѳедора Іоанновича, то что въ нее было взято изъ грамотъ Грознаго, судить трудно; во всякомъ случаѣ, между той скромной по размѣрамъ монастырской вотчиной, которая возстанавливается по писцовой 7082 г. для жалованной грамоты, данной преп. Трифону, и монастырскими владѣніями по грамотѣ 1591 г. (или ея вѣроятному прототипу грамотъ 1584—1589 г.г.) лежитъ нѣсколько страницъ монастырской жизни...

Что касается грамотъ, представленныхъ старцами въ 1606 г. въ подлинникахъ, то, кромѣ вотчинной грамоты 1591 г., это были „старые жалованные грамоты блаженные памяти в. г. ц. и в. кн. Ивана Васильевича... и г. ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича“, касавшіяся монастырской торговли; одна изъ нихъ, грамота царя Ѳедора 1590 г. іюля 31 о безпошлинной торговлѣ монастыря на двухъ дощанникахъ, какъ указано выше, дошла до насъ; содержаніе же грамоты Грознаго по тому же предмету можетъ

¹⁾ См. вышеуказ. докум., с. XV—XVI.

²⁾ Писц. кн. 1607 г. при описаніи разныхъ монастырскихъ угодій неоднократно дѣлаетъ указанія, что „зѣрности на то угодье изгубилъ въ нѣмецкій приходъ“ (л. 101, 104, 105 и др.).

³⁾ Жалованная грам. 1591 г. сохранилась въ дѣлѣ Печенгск. мон. 1674 г. хранящ. въ Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д. (л. 15—20).

быть восстановлено по грамотѣ 1606 г. декабря 9 и по существу сходно съ грамотой 1590 г. Такимъ образомъ, монастырское челобитіе 1606 г. вполнѣ подтверждается дошедшими до насъ извѣстіями. Вслѣдствіе его монастырь получилъ общую тарханную грамоту 1606 г. ноября 30 ¹⁾, а часть ея, касающаяся торговли, выдѣлена въ особую грамоту, помѣченную тѣмъ же годомъ декабремъ 9. Обѣ грамоты были подтверждены царемъ Михаиломъ 20 декабря 1613 г.

Переведенный по грамотѣ 1591 г. въ Кольскій острогъ, къ церкви Благовѣщенія, Троицкій Печенгскій мон. по грам. 1605—06 г. былъ устроенъ на новомъ мѣстѣ, зарѣкой Колой, „противъ острога на острову на мѣстѣ Петровскаго монастыря, у святыхъ апостолъ Петра и Павла“, причемъ владѣнія Петровскаго монастыря были отписаны къ Печенгскому мон. ²⁾. На новомъ мѣстѣ монастырь простоялъ недолго. „Во 127 г. въ Печенгскомъ монастырѣ церкви, образы и книги и ризы и колокола и всякое церковное строеніе и хлѣбные и платяные и всякіе монастырскіе запасы и жалованные грамоты блаженные памяти г. ц. и в. кн. Ивана Васильевича и ц. и в. кн. Ѳелора Ивановича в. Р. и царя Василія згорѣли“—все эти грамоты были подписаны на имя царя Михаила—и „только... осталось в Вологодской монастырской службѣ государевы двѣ грамоты о пошлинѣ (грамоты 1590 г. іюля 31 и 1606 г. дек. 9) и о милостынѣ, а с третьей жалованной грамоты о монастырскомъ угодѣ и о рыбьей десятинѣ и о пошлинахъ (1606 г. ноября 30) остались списки по городомъ въ таможняхъ“ ³⁾. Несмотря на утерю такихъ важныхъ грамотъ, до 1623 г. монастырь не могъ, однако, добиться того, чтобы жалованные грамоты прежнихъ государей, которыя къ тому же съ 1617 г. стали часто нарушаться, были вновь подтверждены и монастырю выдана новая жалованная грамота. И только въ 1623 г., по челобитію игум. Сергія, государь „велѣлъ въ Новгородской чети діакомъ думному Ивану Грамотину с товарищи распросить о всемъ и списки з грамотъ поискать за руками“. Игуменъ Сергій при допросѣ въ

¹⁾ Упомин. дѣло Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д., лл. 22—34.

²⁾ Писцов. 1607 г., л. 99. О Петровскомъ мон. см. записки *Салингена* въ „Литер. Вѣстн.“ 1901 г., т. I, кн. 3, с. 299; Звѣринскому неизвѣстенъ.

³⁾ Въ приведенномъ челобитнѣ, гдѣ рѣчь идетъ о сгорѣвшихъ грамотахъ царей Ивана, Ѳедора и Василія, имѣются въ виду, повидимому, грамоты 1591 г. и 1606 г. ноября 30, дѣйствительно, подписанныя на имя царя Михаила; о подпискѣ же грамотъ Грознаго судить невозможно, т. к. онѣ не дошли до насъ; изучаемая же нами грамота 1556 г. (въ спискѣ) подписана только на имя царей Ѳедора и Бориса. Правда, при этомъ возникаетъ также другой вопросъ: какія общія тарханныя грамоты Грознаго имѣются здѣсь въ виду? Вѣдь, еще въ 1606 г. старцы утверждали, что общія тарханная Грознаго погибла въ 1589 г.

приказъ положилъ подлинники упомянутыхъ выше грамотъ 1590 г. іюля 31 и 1606 г. декабря 9 „да с царя жъ с Васильевы в жалованные с тарханне грамоты 115 же году (общая тарханная 1606 г. ноября 30) списокъ за своею же и за братцкими руками, а дьячиіи руки у того списка нѣтъ“, прося написать въ новой жалованной грамотѣ монастырскую вотчину по писцовымъ книгамъ Алая Михалкова 1607 г. Но Новгородская четверть не могла сличить списокъ съ грамоты 1606 г. ноября 30 съ упомянутыми писцовыми книгами, „потому что в списекѣ... многія угодыя писаны вмѣстѣ, а в книгахъ тѣ угодыя расписаны порознь“; при этомъ оказалось также, что „дьяка Василя Мартемьянова у тѣхъ писцовыхъ книгъ руки нѣтъ“¹⁾. На основаніи этой приказной справки 20 марта 1623 г. государь приказалъ дать Печенгскому монастырю новую жалованную грамоту „противъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ, а не противъ списка“, т. е. не общую тарханную, а только касающуюся монастырской торговли²⁾. Но необходимость имѣть общую тарханную грамоту была настоятельной, и старцы Печенгскаго мон. дѣлаютъ въ теченіе послѣдующихъ годовъ нѣсколько попытокъ получить такую грамоту. Исторія ихъ интересна и со стороны отношенія приказной практики XVII в. къ спискамъ съ грамотъ утерянныхъ или сгорѣвшихъ. Большой московскій пожаръ 1626 г. поставилъ особенно остро вопросъ объ отношеніи къ спискамъ съ грамотъ, представляемымъ монастырями для подтвержденія. Принятое тогда, кажется, общее постановленіе коснулось также Печенгскаго мон. Въ 1629 г. старцы вновь просили дать имъ жалованную грамоту „противъ списковъ съ прежнихъ... жалованныхъ грамотъ“, сгорѣвшихъ въ 1619 г. Въ докладной выпискѣ приказа сыскныхъ дѣлъ, гдѣ разсматривалось челобитье мон-ря, находимъ слѣдующее постановленіе по этому поводу: „въ которыхъ монасты-

¹⁾ Дьякъ Василій Мартемьяновъ описывалъ только *нѣкоторыя* волости и погосты Кольскаго уѣзда; въ работахъ по описанію остальныхъ, кромѣ Алая Михалкова, принимали участіе подьячіе Постникъ Демештьевъ (л. 181, 185 и 193 писц. 1607 г.) и Нечай Креневъ (см. выпись съ писц. 7117 г. на четверть волости Кереть—Гр. Кол. Экон. по Двинск. у. № 4318/216, л. 9—45 об.); вполне понятно, почему Вас. Мартемьяновъ не могъ скрѣпить всю писцовую 1607 г.; дошедшая до насъ въ подлинникѣ писц. кн. 1607 г. скрѣплена только однимъ (вопреки утвержденію С. Б. Веселовскаго, Сошное письмо, т. I, М. 1915, стр. 51, прим. 3) писцомъ Алаемъ Михалковымъ: на л. 1—12: „к симъ книгамъ Алай Ивановъ сынъ Михалковъ руку приложилъ“, а съ листа 13 и до конца (л. 271): „Алай Ивановъ сынъ Михалковъ“.

²⁾ Изложенныя подробности находятъ въ монаст. дѣлѣ 1623 г., хранящ. въ Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д.; грам. 1623 г. марта 20 также въ дѣлѣ 1674 г. на л. 35—44.

рехъ жалованные грамоты въ смутное время утерялись и въ которыхъ монастырехъ грамоты погорѣли, а остались списки, и тѣ списки за дьячими приписми и за архимаричьими и за игуменскими и за соборныхъ старцовъ руками, и въ тѣ монастыри велѣно давати наши грамоты противъ тѣхъ списковъ таковы жь; а у которыхъ списковъ архимаричьихъ и игуменскихъ и соборныхъ старцовъ и дьячихъ рукъ нѣтъ, и тѣмъ вѣрить не велѣно, а велѣно въ тѣ города, въ которыхъ тѣ монастыри, посылать наши сыскные грамоты и про ихъ жалованные грамоты сыскивать и по обыскамъ давати наши жалованные новые грамоты по нашему новому уложенію¹⁾. Отвѣчая на сыскную грамоту, Кольскій воевода Григорій Зловидовъ 8 августа 1629 г. прислалъ обыски „за обыскныхъ людей руками, а въ обыску обыскные люди сказали по... крестному цѣлованью, что в Печенгскомъ монастырѣ... жалованные грамоты блаженные памяти прежнихъ государей были, с ихъ монастырскихъ промысловъ с рыбныхъ ловель и с сала десятины... не имывано, а тѣ грамоты въ прошломъ во 127 г. въ монастырѣ у нихъ згорѣли“. Но, несмотря на такія показанія, монастырь до конца 1636 г. не получалъ подтвердительной грамоты. Въ 1636 г. игумень Дмитрій, единственная скрѣпа котораго стоитъ на синскѣ съ грамоты Печенгскаго мон. 1556 г., рѣшилъ, повидимому, вновь возбудить дѣло о подтвержденіи прежнихъ вотчинныхъ жалованныхъ грамотъ, данныхъ монастырю въ разное время. Челобитная монастыря оиать разсказывала о томъ, что „в прежнихъ... годехъ Печенгской монастырь трижды свейскіе нѣмцы разорили, а в четвертые згорѣлъ без остатку; и в такое разореніе многіе подлинные жалованные грамоты утерялись, а толко с иныхъ остались списки за руками того монастыря прежнихъ игуменовъ“. На основаніи челобитной было „розыскивано“ о монастырскомъ разореніи, и „заручные списки з жалованныхъ грамотъ 115 году и иныхъ лѣтъ досматриваны“. Въ результатѣ досмотра ихъ была послана въ Кольскій острогъ, воеводѣ князю Осипу Ивановичу Щербатову, грамота съ прочетомъ 1636 г ноября 21, подтверждающая „списки з жалованныхъ грамотъ царя

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Д., монаст. дѣло 1674 г., л. 6.—Но приказная пратива въ эти годы, повидимому, была еще неустановившейся; такъ, въ 1615 г. Троицкому Данилову мон. выдана новая жалованная грам. на основаніи списка, скрѣпленнаго митропол. Сарскимъ и Подонскимъ Іоною; въ 1618 г. Троице-Серг. мон.—на основаніи списка, скрѣпленнаго келаремъ Аврааміемъ, но въ авг. 1628 г. послѣдняя жалованная [была оставлена „потому что дана имъ та г-ва грамота по ихъ челобитью с списка с ихъ же... а не за дьячеш приписью и не за государевой печатью“—А. Г. Р., т. I, с. 303—304, 300—301, 306; *И. Забѣлинъ*, Мвининъ и Пожарскій, изд. 4, прилож. с. 291—292.

Василія Ивановича в. Р. 115-го году с прежнихъ грамотъ блаженные памяти ц. и в. кн. Ивана Васильевича в. Р. и ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р.“ и освобождающая монастырскіе промыслы и угодыя, какъ и вторая грамота царя Василія 9 декабря 1606 г., отъ дани, оброка и всякихъ податей, отъ покупныхъ и продажныхъ пошлинь и мірскихъ разметовъ ¹⁾). Какъ уже отмѣчено, кромѣ списка съ жалованной грамоты 9 декабря 1606 г., игумень Димитрій представилъ „заручные списки з жалованныхъ грамотъ... и иныхъ лѣтъ“ и если припомнить, что монастырь все время, начиная съ 20-хъ г.г. XVII в. вплоть до 1674 г., добивался полученія „с... заручныхъ списковъ... листовой жалованной грамоты за красною печатью“, то почти несомнѣнно, что въ 1636 г. въ Печенгскомъ монастырѣ, наряду со списками съ двухъ общихъ тарханскихъ грамотъ мон-ря 1591 г. и 30 ноября 1606 г., скрѣпленныхъ игуменомъ Димитріемъ ²⁾), былъ заготовленъ и впервые, можетъ быть, представленъ въ Новгородскую четверть и списокъ съ государевой грамоты 1556 г., также общей тарханной, скрѣпленной, какъ уже сказано, единственнымъ игуменомъ—именно, игуменомъ Димитріемъ. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, сохранилось ли дѣло Новгородской четверти по этому поводу, и высказанное предположеніе пока имѣетъ только большую долю вѣроятности. Монастырь имѣлъ основанія рассчитывать, исходя изъ приведенныхъ выше постановленій, касавшихся подтвержденія грамотъ, скрѣпленныхъ игуменами, что списки съ грамотъ 1556 г., 1591 и 1606 г.г. будутъ подтверждены; почему онъ не получилъ просямаго, остается неизвѣстнымъ.

Такимъ образомъ, вышеизложенное позволяетъ, кажется, утверждать, что у Печенгскаго монастыря, дѣйствительно, были жалованная грамоты Ивана Грознаго, причемъ одна изъ нихъ была дана еще до 1574 г.; несомнѣнно, что существовала еще другая общая тарханная грамота, выданная уже послѣ 1574 г. и сгорѣвшая въ 1589 г. во время второго нападенія на монастырь шведовъ; списки съ этихъ грамотъ Грознаго существовали въ монастырѣ послѣ 1589 г., во всякомъ случаѣ, при полученіи общей тарханной грамоты 1606 г. они были представлены; не видно, однако, чтобы монастырь подавалъ ихъ въ послѣдующее время, но, весьма вѣроятно, вновь намѣревался воспользоваться ими при игуменѣ Димитріи, скрѣпившемъ дошедшій до насъ списокъ. Кромѣ упомянутыхъ грамотъ, царь

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Д., монаст. дѣло 1674 г., лл. 5—9.

²⁾ Списки этихъ грамотъ за скрѣпою, между прочимъ, игум. Димитрія были представлены для полученія листовой жалов. грам. въ 1674 г.—Д. къ А. И., т. VI, с. 383 (col. 1).

Иванъ Васильевичъ далъ монастырю грамоту о торговлѣ; о ней находимъ упоминаніе въ жалованныхъ грамотахъ 1590 и 1606 гг.; эта грамота, повидимому, погибла въ 1619 г. Что же касается ссылки на жалованную грамоту царя Ивана, приводимую въ дѣлѣ 1674 г. и въ жалованной 1675 г., о владѣніи дворомъ въ Колѣ, то ее слѣдуетъ, какъ кажется, относить къ жалованной вотчинной, данной мон-рю послѣ 1574 г.

Такъ представляется на основаніи дошедшихъ свѣдѣній происхожденіе списка 30-хъ гг. XVII в. съ грамоты 1556 г. Но въ какой же степени этотъ списокъ можетъ быть признанъ копіей съ несомнѣнно существовавшихъ грамотъ Грознаго?

III.

Выше уже отмѣчено, что, кромѣ грамоты 1556 г., у монастыря имѣлось еще три вотчинныхъ жалованныхъ грамоты — 1591, 1606 и 1675 гг. Содержаніе этихъ грамотъ, кромѣ вступленія, состоитъ изъ двухъ частей: перечисленія 1) монастырскихъ владѣній и 2) даруемыхъ монастырю льготъ. Сличеніе этихъ грамотъ въ части, касающейся размѣра монастырской вотчины, показываетъ, что въ основѣ ихъ лежитъ грамота 1591 г. (или вѣрнѣе, какъ отмѣчено выше, первая грамота царя Ѳедора, сгорѣвшая въ 1589 г.). Перечень владѣній въ трехъ позднихъ грамотахъ идетъ „не сряду“, т.-е. не въ порядкѣ мѣста, а въ порядкѣ хронологическомъ, по времени поступленія владѣній въ вѣдѣніе монастыря; такимъ образомъ, сначала отмѣчаются владѣнія въ Печенгской губѣ, затѣмъ въ волости Колѣ и Кольской губѣ, по рѣкамъ Колѣ и Туломѣ, прибрѣтенныя позже угодыя по рѣкамъ, впадающимъ въ Мотоцкую губу, Лицѣ Большой и Лицѣ Малой, Урѣ Большой и Урѣ Меньшой, наконецъ, владѣнія по Пазь-рѣкѣ и Нявдемѣ, новыя прибрѣтенія по рѣкѣ Туломѣ, владѣнія въ другихъ поморскихъ волостяхъ — Кандалакшѣ, Порьегубѣ и Ковдѣ¹⁾. Въ той же послѣдовательности описываетъ монастырскія владѣнія и писцовая кн. 1607 г.²⁾ Грамота же 1556 г. по дошедшему

¹⁾ Грамота 1675 г. (Д. къ А. И., VI, № 131) въ части, касающейся перечисленія монастырскихъ владѣній, повторяетъ грамоту 1606 г. Ростъ вотчинъ Печенгскаго мон. въ XVII в. былъ искусственно если не приостановленъ, то въ значительной степени затрудненъ рядомъ запретительныхъ указовъ касательно отчужденія лопарскихъ угодій (*Н. Харузинъ*, Русскіе лопари, с. 405—407).

²⁾ Писц. 1607 г., лл. 92—95: Печенгская губа съ рѣками, озерами и тоями, — лл. 96—105: Кольская губа и рѣки, впадающія въ нее, — лл. 108—115: погостъ Мотоцкій и Китовскій и губа Мотоцкая, — лл. 115—117: Пазь-рѣка, — лл. 118—119: Нявдемскія угодыя, — лл. 119—122: Порьегубская вотчина.

списку ея отстываетъ отъ установившагося типа описанія и даетъ перечисленіе вотчинъ именно въ послѣдовательномъ порядкѣ мѣста ихъ расположенія; такъ, въ ней сначала, какъ и въ другихъ, указываются владѣнія монастыря въ Печенгской губѣ, но затѣмъ не в Кольской, а въ лежавшихъ къ востоку и западу отъ Печенгской губахъ Моточкой, Пазрѣцкой и Нявдемской, и уже затѣмъ въ волостяхъ Колѣ и другихъ поморскихъ волостяхъ. Изложенный порядокъ болѣе соответствуетъ тому, чего добивались Печенгскіе старцы еще въ 1606 г., когда указывали, что въ предыдущихъ грамотахъ монастырская вотчина, ихъ угодья и промыслы, писаны не сряду ¹⁾. Но указанное отличіе еще можно бы объяснить и не признать существеннымъ, если бы въ грамотѣ 1556 г., въ части ея, касающейся перечисленія монастырскихъ владѣній, не было сходства съ грамотами болѣе поздними. Сравненіе размѣра монастырской вотчины по грам. 1556 г. и по грамотамъ 1591, 1606, писц. кн. 1607 и грам. 1675 гг. показываетъ, что, если вѣрить грам. 1556 г., монастырь уже въ 1556 г. владѣлъ тѣми же вотчинами, какъ и въ 1591, 1606 и въ послѣдующіе годы. Другими словами, ростъ монастырскихъ владѣній послѣ 1556 г. приостановился. Но это, конечно, противорѣчитъ безспорнымъ свидѣтельствамъ другихъ источниковъ. Не касаясь даже извѣстій Салингена, лично наблюдавшаго за жизнью монастыря послѣ 1565 г. и рассказавшаго его первоначальную исторію, неправильность указаннаго утвержденія о приостановкѣ роста монастырскихъ владѣній послѣ 1556 г. подтверждаютъ также грамоты 1591 и 1606 гг., — источники, въ подлинности которыхъ трудно сомнѣваться. Такъ, въ грамотѣ 1591 г., данной, какъ сказано, взаимнѣ сгорѣвшей въ 1589 г. жалованной грамоты того же царя Федора, указывается новоприбылая монастырская вотчина, а именно: купленный у старца Діонисія дворъ въ волости Кандалакшѣ и варница ²⁾; изъ грамоты 1606 г. видно, что старцы и въ эту грамоту просили включить новоприбылую вотчину, въ частности, лужъ угодій въ волости Кандалакшѣ, данный Митрофаномъ Кукинымъ ³⁾. Если заглянемъ въ гра-

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Д., монаст. дѣло 1674 г., л. 23.

²⁾ Дѣло 1674 г., л. 19.

³⁾ „Да у нихъ же... въ жалованныхъ грамотахъ не написано было ихъ же монастыря на усть-Пазы-рѣки храмъ страстотернецъ Христовыхъ Бориса и Глѣба, а поставлене ихъ начальника, старца Трифона, да на Туломѣ пожни Коржавинскіе и Посниковскіе да на Устюгѣ Великомъ дворъ бѣлой въ Никольскомъ приходѣ да въ волостѣ въ Кандалакшѣ промежъ волостныхъ людей лужъ угодій, что даль вкладомъ въ ихъ монастырь Митрофанъ Кукинъ со всѣми промыслами“; нѣсколькими строками ниже указаннаы владѣнія названы новоприбылыми — дѣло 1674 г., лл. 23—24.

моту 1556 г., то всё указанная приобретения в ней отмѣчены какъ состоящія во владѣнїи монастыря уже въ 1556 г. ¹⁾). Но еще болѣе интересныя подробности выясняются послѣ сравненїя грамоты 1556 г. съ данными, извлекаемыми изъ писцовой книги 1607 г. Какъ уже указывалось, въ качествѣ приправочной Алай Михалковъ имѣлъ писцовую кн. 7082 г. Василия Агалина; методъ описанїя Алая Михалкова обычный: сначала отмѣчается то, что записано за монастыремъ въ писц. книгѣ Василия Агалина 1574 г., затѣмъ указываются владѣнїя, приобретенныя послѣ 1574 г., причемъ обозначаются кратко (разновидности актовъ и дата ихъ) документы, представленные монастыремъ въ доказательство правъ его на тѣ или иныя владѣнїя; впрочемъ, въ спорныхъ случаяхъ писецъ 1607 г. требовалъ оправдательныхъ документовъ также на владѣнїя, записанныя за нимъ еще въ 1574 г. Послѣ кропотливаго изученїя вотчинъ монастыря въ 1574 г. ихъ ростъ въ послѣдующїе годы удастся выяснитъ довольно точно. Результаты этого изученїя для сужденїя о достовѣрности показанїй грамоты 1556 г. получаются вполне опредѣленные. Не вдаваясь въ излишнїя подробности, остановлюсь на нѣкоторыхъ. Вслѣдъ за отмѣченными уже выше четырьмя лугами въ Печенгской губѣ, упоминаемыми во всѣхъ общихъ тарханыхъ грамотахъ мон-ря на первомъ мѣстѣ ²⁾, грамота 1556 г. переходитъ къ владѣнїямъ мон-ря въ Мотоцкой губѣ, причемъ мон-рю якобы уже въ 1556 г. принадлежали „въ Мотоцкой губѣ рѣка Ура Большая да рѣка Ура Меньшая, что были Урскихъ лопарей, три луга... да въ той же Мотоцкой губѣ рѣка Лица Большая да рѣка Лица Меньшая, что были Лицкихъ лопарей,

¹⁾ См. л. 2—л. 2 об. грам. 1556 г. по коллежск. списку: „Да оиѣ въ той же волости въ Кандалякшѣ купили дворъ у старца Дїонїсія; да имъ же далъ владомъ въ монастырь въ волости въ Кандалякшѣ Митрофанъ Кукинъ лугъ угодевъ промежъ волостныхъ людей; да у нихъ же въ Лувенгѣ соляная варница.“ Къ сожалѣнїю, болѣе точнаго опредѣленїя времени приобретенїя названныхъ владѣнїй сдѣлать не удалось; въ печатномъ текстѣ писц. кн. 1607 г. нѣтъ описанїя волости Кандалякши. Старецъ Дїонїсій—въ мирѣ Демка Яковлевъ—постриженникъ Пречистенскаго Коккуева мон. дарилъ и продавалъ свои луги въ этотъ мон-рь послѣ 1574 г. (писц. 1607 г., л. 190). Писц. кн. 1607 г. упоминаетъ въ Кандалякшѣ варницу и пожни Митрофана Кукина (л. 194), который ранѣе 1582 г. былъ сборщикомъ податей въ Лашаднѣ (записки *Салитена* въ Литер. Вѣстн. 1901 г., т. I, кн. 3, с. 305); „Митрофанъ Григорьевъ сынъ Кукина Пижорецъ Кандалякшанинъ“ былъ послухоомъ въ данной 1581 г. Троице-Серг. мон-рю на угоды по рѣкѣ Варзугѣ; данную 1581—82 г. тому же мон-рю на угоды въ Варзужской вол. писалъ „на Москвѣ Митроха Григорьевъ сынъ Кукина Кандалякшанинъ“ (Грамм. Кол. Экон. по Двинск. у. №№ 4221/239, 4222/240 и 4224/242).

²⁾ Грамм. Кол. Экон. по Двинск. у. № 4139/57, л. 1; дѣло 1674 г., лл. 15 и 25; Д. къ А. И., т. VI, № 131.

три жъ лука, і со всею Лицкою губою... да рѣчка Китовка і со всею Мотоцкою губою и с морскими промыслами, с становищемъ с Типуновымъ и с тонишками с лѣшими ухожен“¹⁾). Количество луковъ въ самой Мотоцкой губѣ грам. 1556 г. не отмѣчаетъ; по грам. 1591 г. и слѣдующихъ годовъ ихъ было тамъ три²⁾). Такимъ образомъ, по грамотѣ 1556 г. въ Мотоцкой, Лицкой и Урской губахъ, гдѣ находились угодья лопарей Мотоцкаго погоста, мон-рю уже въ 1556 г. принадлежало, по крайней мѣрѣ, 6 луковъ, а върѣе всего выраженіе грамоты „и со всею Мотоцкою губою“ надо понимать въ томъ смыслѣ, что монастырю принадлежало исключительное право на угодья всѣхъ названныхъ губъ, т.-е. и три лука собственно Мотоцкой губы находились также во владѣніи монастыря. Но писцовая 1607 г. (л. 108 и слѣд.) указываетъ, что мон-рю еще въ 1574 г. принадлежало здѣсь только пол-лука³⁾, а не шесть и больше, какъ утверждаетъ грамота 1556 г.; восемь же съ половиной луковъ, которые, м. б., имѣются въ виду грамотой 1556 г. и несомнѣнно называются въ грам. 1591 г. и слѣдующихъ лѣтъ, а также въ писц. 1607 г., приобрѣтены монастыремъ отъ Урскихъ, Лицкихъ и Китовскихъ лопарей уже послѣ 1574 г., по данной и купчимъ 7084—7096 гг., т.-е. въ промежуткѣ между 1575 и 1588 гг., когда впервые былъ изданъ запретительный указъ, касавшійся отчужденія монастырями лопарскихъ угодій⁴⁾). Съ несомнѣнностью вытекаетъ отсюда, что утвержденіе грамоты 1556 г. о принадлежности мон-рю губъ Мотоцкой, Урской и Лицкой является невѣрнымъ, т. к. приобрѣтеніе ихъ состоялось значительно позже. Въ болѣе позднее время мон-рь освоилъ многіе другіе лука, упоминаемые въ той же грамотѣ. Такъ, по грамотѣ 1556 г. мон-рю принадлежала половина Пазь-рѣчки, въ которой по писцовымъ 1574 и 1607 гг. и грамотамъ 1591 и 1606 гг. считалось три лука, т.-е. Печенгскому мон-рю принадлежало полтора лука, но, какъ видно изъ той же писц. 1607 г., изъ этихъ 1½ луковъ у монастыря еще въ 1574 г. было только поллука, все остальное приобрѣтено позже, по даннымъ и купчимъ 7085, 7086 и 7104 гг.⁵⁾ Еще интереснѣе указаніе на владѣніи мон-ря по р. Навдемѣ: по грам. 1556 г. мон-рю принадлежала здѣсь четверть лука,

¹⁾ Грам. Кол. Экон. по Двинск. у. № 4139/57, л. 1 об.

²⁾ Дѣло 1674 г., л. 17.

³⁾ Писц. 1607 г., л. 109: „да Печенгского жъ мон-ря за старцы лука, что были прѣжь сего Мотоцкаго и Китовскаго погоста лопарей: по Васильевымъ книгамъ Агадина да подъячаго Степана Соболева написано за ними поллука“.

⁴⁾ *Н. Харузинъ*, Русскіе лопари, с. 405—407.

⁵⁾ Писц. 1607, лл. 116—117.

но писц. 1607 г. отмѣчаетъ, что всѣ владѣнія мон-ря по р. Нявдемѣ въ 1607 г. (лука безъ получети лука) приобрѣтены послѣ 1574 г. по даннымъ и купчимъ варенгскихъ и нявдемскихъ лопарей 7087 и другихъ годовъ¹⁾. Въ заключеніе списка владѣній монастыря въ губахъ Печенгской, Мотоцкой, Лицкой, Урской, Пазрѣцкой и Нявдемской, въ грамотѣ 1556 г. находимъ слѣдующее мѣсто, отсутствующее во всѣхъ остальныхъ вотчинныхъ грамотахъ монастыря: „а давали де тѣ всякія угоды Живоначальные Троицы въ ихъ Печенгской мон-рь начальнику ихъ старцу Трифону Мотоцкіе и Печенгскіе и иныхъ погостовъ новокрещенные лопари по душахъ своихъ вкладомъ, какъ онъ старецъ Трифонъ тѣхъ лопарей ко крещенію приводилъ“. За приведеннымъ отрывкомъ слѣдуетъ текстъ, встречающійся во всѣхъ остальныхъ вотчинныхъ грамотахъ, но помѣщенный тамъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, а именно — послѣ указанія самыхъ раннихъ приобрѣтений монастыря въ Соньелѣ и Мотоцкой губѣ²⁾; этотъ текстъ гласитъ слѣдующее: „и даны имъ на тѣ свои

¹⁾ Писц. 1607 г., л. 118. Тоня Давыдовская — одно изъ угодій, принадлежащее мон-рю по грамотѣ 1556 г., но писц. 1607 г. „расчищена послѣ письма Василья Агалина“ (л. 119).

²⁾ Грам. 1591 г.: „что ми били челомъ, а сказали, что дали де имъ въ домъ Живоначальные Троицы новокрещенная лопь, старецъ Логгинъ Мироновъ (въ грам. 1556 г.—Мороковъ, въ грам. 1686 г. дек. 21—Марковъ) з дѣтми да Веимъ Ногтевъ (въ грам. 1556 г. по коллежск. списку Ного, по списку Филиппова-Ногостевъ) да Микюла Конановъ въ Соньеле свои два лука со всѣми угоды и съ половною рѣчки Печенги и съ лѣшими озерки (въ грам. 1556 г. прибавлено: и звѣринными ловлями), да Кирило Ермолинъ да Онтоней Спиридоновъ (въ грам. 1556 г. прибавлено: Мотоцкіе лопари) дали имъ въ Мотоцкой губѣ свои два жъ лука со всѣми жъ угоды и съ половиною рѣчки Печенги (въ грам. 1556 г. прибавлено: и с тоями и с озерки) и съ рѣчкою с Воряею и с лѣшими озерки (вмѣсто „лѣшихъ озерокъ“ въ грам. 1556 г. „и з звѣринными ловлями“, а затѣмъ дополнено: „да и даны имъ на тѣ луки подавали“—и далѣе слѣдуетъ перечисленіе луковъ въ Урской, Лицкой и др. губахъ).—Въ противорѣчіе съ показаніемъ писц. 1574 г., всѣ вотчинныя грамоты (за исключ. грам. 1556 г.) первоначальными приобрѣтеніями мон-ря называютъ не четыре Печенгскіе лука, а луки въ Соньелѣ и Мотоцкой губѣ; изъ опис. Соньельскаго погоста (л. 176—178) не видно, однако, чтобы мон-рь владѣлъ тамъ луками,—луки же Мотоцкой губы по писц. 1574 и 1607 гг. поздняго происхожденія. Шовидимому, граница Мотоцкаго и Соньельскаго погостовъ въ серединѣ XVI в. была иная, тѣмъ въ 1574 г., и рѣка Печенга (половины ея, по выраженію грамотъ) принадлежала этимъ двумъ смежнымъ погостамъ; „погостиншко“ Печенгское образовался здѣсь значительно позднѣе, въ результатъ колонизаторской дѣятельности Печенгскаго мон-ря. Изъ исторіи его извѣстно, что районъ первоначальной подвижнической дѣятельности преп. Трифона (берега рѣки Манны, впадающей въ Печенгу, и рѣка Печенга) представлялъ, по словамъ Салингена, пустыню, съ трудомъ заселявшуюся-еще послѣ 1565 г.; памятники же начала XVII в. отмѣчаютъ, что „изначала в тѣхъ мѣстахъ почали селитца русскіе люди и лопь для морскихъ промысловъ, а люди были в то

згодья подавали; а тѣ лопскія згодья наши данные луковые; а дани съ нихъ идетъ мнѣ царю и великому князю въ казну по книгамъ Никитки (въ грам. 1591 г. добавлено: Карпова сына) Сорокопенина съ товарищами по 2 р. по 13 алтынъ по 2 д. на годъ (въ грам. 1591 г.: „по полутретья рубли безъ гривны“, что равняется тѣмъ же 2 р. 13 алт. 2 ден.)“. Отмѣченная разница въ текстахъ разбираемой грамоты и прочихъ грамотъ мон-ря даетъ, между прочимъ, любопытную страницу въ исторіи Печенгскаго мон-ря, именно — говорить о тѣхъ представленіяхъ о районѣ дѣятельности преп. Трифона, которыя существовали въ первой половинѣ XVII в. ¹⁾ Что же касается писца Никиты Карпова сына Сорокопенина, описывавшаго Кольскій уѣздъ ранѣе 7082 г., то онъ бралъ съ лука по 20 алтынъ ²⁾; т. обр., 2 р. 13 алт. 2 д. (= 80 алтынамъ) шли, повидимому, съ тѣхъ 4 луковъ, которые, какъ ранѣе всего пріобрѣтенные, монастырь закрѣпилъ за собой дѣйствительно существовавшей когда-то жалованной грамотой Ивана Грознаго, свѣдѣнія о которой приводились выше. Это предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что во всѣхъ общихъ вотчинныхъ грамотахъ монастыря, какъ сказано, послѣ перечисленія 4 луковъ, данныхъ мон-рю Мотоцкими и Сольельскими лопарями, слѣдуетъ указаніе на подобное же количество дани, шедшей съ нихъ по книгамъ Никиты Сорокопенина. Но, какъ отмѣчалось уже выше, по жалованной грамотѣ царя Ивана Васильевича, упоминаемой въ писц. 7082 г., „г. ц. и в. кн. начальника и строителя Трифона с братією пожаловалъ дани и оброку с тѣхъ луковъ имати на строителѣ Трифонѣ съ братією не велѣлъ“. Освобожденіе это подтверждалось и впоследствии: иначе терялся бы смыслъ указывать книги Сорокопенина, когда существовали, напр., во время выдачи жалов. 1591 и 1606 гг., другія писцовыя книги, болѣе позднія. Но въ такомъ случаѣ перечисленіе всѣхъ владѣній мон-ря въ губахъ Печенгской, Мотоцкой, Лицкой, Урской и др., предшествующее въ грамотѣ 1556 г. разобранному мѣсту ея, гдѣ приводится ссылка на книги

время немногіе и сѣдѣлись врознь“, „и людей межъ Кольскаго городка и... городка Варгава нѣтъ никакихъ, oprычъ лопарей и то немного людшко, человекъ с 200 или мало больше“ (Р. И. Б., т. XVI, с. 524, 562). Выдержки изъ писцов. 1574 г. только дополняютъ эту картину малой населенности края.

¹⁾ Сохранившееся житіе ирен. Трифона составлено едва ли ранѣе самаго конца XVII в. и точнѣе въ первой половинѣ XVIII в., притомъ лицомъ, не знавшимъ главнаго мѣста подвижнической дѣятельности основателя Печенгск. мон-ря и не монахомъ этого мон-ря (трудно представить, напр., чтобы послѣдній не зналъ, гдѣ похороненъ преп. Трифонъ); — ср. Правосл. Собес. 1859, ч. II, с. 114, и писц. 1607 г., л. 89.

²⁾ Писц. 1607 г., л. 93. Ср. Р. И. Б., т. XVI, № 17, с. 51—54.

Никиты Сорокопенина, являющееся вставкой по сравненію съ грамотами 1591 и 1606 г., сдѣлано очень неудачно, безъ всякой попытки соотвѣтственно измѣнить количество дани, шедшей якобы съ нихъ въ государеву казну по книгамъ Никиты Сорокопенина. Попытка же составителя грамоты 1556 г. возвести пріобрѣтеніе наиболѣе цѣнной части монастырскихъ владѣній ко времени препод. Трифона вполне понятна. Время дѣятельности преп. Трифона и первоначальная исторія мон-ря уже тогда (въ 30-е годы XVII в.) точно не были извѣстны; а въ концѣ XVII в. (въ 1686 г.) старцы Печенгскаго мон-ря утверждали даже, что первые луки въ Соньелѣ были даны лопарями преп. Трифону въ 7001 году, т.-е. дѣятельность преподобнаго относили даже къ XV в.

Въ челобитной монастыря, поданной якобы игуменомъ Гуріемъ ¹⁾, послѣ перечисленія владѣній мон-ря въ губахъ Печенгской, Мотоцкой и др., и количества дани и оброка съ нихъ, находимъ такое заключеніе: „а нынѣ де у нихъ въ мон-рѣ братіи и мірскихъ людей прибыло много, и имъ-де мон-ря строити и самимъ питатися нѣчимъ, потому что у нихъ индѣ нигдѣ ни въ которыхъ городѣхъ вотчинъ и пашенныхъ земель нѣтъ“. Хотя въ предисловіи къ житію Зосимы и Савватія, писанномъ, повидимому, незадолго до 1556 г., преп. Максимъ Грекъ отмѣчаетъ, что уже въ то время на р. Печенгѣ „близъ моря... устроися мон-рѣ честенъ и совокупися многа чета иноческаго пребыванія“ ²⁾, но показанія Салингена даютъ болѣе точную справку о количествѣ братіи въ мон-рѣ. Не говоря ничего о размѣрѣ ея на первоначальномъ мѣстѣ мон-ря, при впаденіи р. Манны въ Печенгу, что въ 15 в. выше устья, уже послѣ перенесенія мон-ря къ устью, въ Печенгскомъ мон-рѣ насчитывалось въ 1565 г. до 20 монаховъ и 30 служекъ; ростъ братіи начался только послѣ 1566—67 г. г. и къ 1572 г. „тамъ было 50 монаховъ и около 200 бѣльцовъ“ ³⁾. Такимъ образомъ, заключеніе челобитной о составѣ братіи мон-ря врядъ ли имѣетъ подѣ собой несомнѣнные факты,

¹⁾ Самое раннее извѣстіе о немъ относится къ 1579 г. (см. отписку Печенгск. мон. къ братіи Соловецкаго мон. о Порьегубскихъ угодахъ—въ архивѣ Печенгск. мон.); погибъ во время нападенія шведовъ въ декабрѣ 1589 г.; но онъ не былъ первымъ игуменомъ; въ 1575 г. упоминаются въ мон-рѣ только келарь Іевъ и казначей Макарій; отъ болѣе ранняго времени имѣются свидѣнія о строителяхъ (въ 1569 г. имъ былъ Феодоритъ), самъ препод. Трифонъ именуется писц. 1607 г. строителемъ; послѣдніе были въ мон-рѣ и позже (въ 1579 г. вмѣстѣ съ игуменомъ Гуріемъ упоминаетъ строитель Сергій, онъ же одинъ въ 1590 г.).

²⁾ Прав. Собес. 1859, ч. II, с. 216—217.

³⁾ Салингенъ въ перев. А. М. Филиппова въ Литер. Вѣсти. 1901 г., т. I, кн. 3, с. 303.

если не считать его обычнымъ риторическимъ приѣмомъ. На основаніи этой челобитной состоялось пожалованіе, неполное изложніе содержанія котораго напечатано впервые, какъ уже сказано выше, въ „Подробномъ описаніи Архангельской епархіи“.

Остановимся на этомъ отрывкѣ. Выше уже указывалось, что въ 1556 г., ни позже мон-рь не былъ единственнымъ вотчинникомъ во всѣхъ якобы пожалованныхъ ему губахъ, за исключеніемъ Печенгской; другими словами, подобнаго пожалованія мон-рь не получалъ... Въмѣстѣ съ тѣмъ указываемая западная граница монастырскихъ владѣній—р. Нявдема едва ли могла быть таковою въ 1556 г., т. к. мон-рь сравнительно поздно, какъ отмѣчено выше, началъ свою дѣятельность во владѣніяхъ Пазрѣцкихъ и Нявдемскихъ лопарей. Впрочемъ, въ самой грамотѣ 1556 г. по отношенію къ упомянутымъ губамъ Пазрѣцкой и Нявдемской можно установить нѣкоторую невыдержанность; вмѣстѣ съ губами были пожалованы мон-рю лопари, „которые лопари наши данные в той Мотоцкой і в Печенской губѣ...“ и составитель какъ бы забылъ, что выше шла рѣчь и о другихъ губахъ¹⁾, не только о Мотоцкой и Печенгской. Думается поэтому, что дѣйствительное пожалованіе Грознаго мон-рю—право собирать дань и оброкъ съ лопарей—и относилось только къ лопарямъ позднѣйшаго Печенгскаго и Мотоцкаго погостовъ²⁾. Такимъ образомъ, если ограничить пожалованіе предѣлами монастырской вотчины, которую онъ могъ имѣть въ 1556 г. или приблизительно около этого времени, главнымъ образомъ, Печенгской губой, то предоставленныя мон-рю льготы, за единственнымъ исключеніемъ, не вызываютъ никакихъ сомнѣній; онѣ повторяются къ тому же во всѣхъ общихъ тарханыхъ грамотахъ мон-ря³⁾. Исключеніе составляетъ будто бы предоставленное мон-рю право собирать въ свою пользу десятину съ промышленниковъ, промышленяющихъ въ предѣлахъ монастырскихъ владѣній „для своей корысти“. Такого права у мон-ря не было ни по пожалованной 1591 г., ни по пожалованнымъ 1606 и 1623 г.г. Богатыя рыбой, морскими звѣрями, жемчугомъ и проч. монастырскія владѣнія привлекали промысловыхъ людей. Мон-рь, повидимому, допускалъ совмѣстную добычу, выговаривая себѣ опредѣленную долю ея. Грамоты, подученныя мон-мъ до 30-хъ г. г. XVII в., освобождали отъ сбора

¹⁾ Неудоминаніе губъ Лицкой и Урской можетъ быть объяснено тѣмъ, что онѣ разсматриваются какъ части одной большой губы, въ которую онѣ впадаютъ—Мотоцкой.

²⁾ Указаніе на это право мон-ря „по государ. жалов. грамотѣ“ собирать дань и оброкъ съ лопарей Мотоцкаго погоста см. въ писц. 1607 г., л. 109; это указаніе, надо думать, заимствовано изъ писц. 7082 г.

³⁾ См., напр., для жалов. 1591 г. лл. 18-19 дѣла 1674 г.

десятины только монастырскіе промыслы, гдѣ добыча шла цѣликомъ въ его пользу; со всѣхъ же остальныхъ таможенныхъ головы и цѣловальники собирали десятину въ государеву казну; но нерѣдко подъ видомъ монастырскихъ промышленниковъ скрывались люди, работавшіе, по словамъ грамотъ, для своей корысти,—въ результатѣ споры казны съ мон-мъ. Изложенныя пререканія были разрѣшены грамотой съ прочетомъ 1636 г. ноября 21-го Кольскому воев. кн. Осипу Ивановичу Щербатову, данной по челобитью игумена Димитрія, того самого, который именно въ 145 году ѣздилъ въ Москву добиваться полученія вотчинной тарханной грамоты и представилъ при этомъ списки съ жалованныхъ грамотъ прежнихъ государей. Хотя грамота 1636 г. подтверждала всѣ прежнія привилегіи мон-ря въ отношеніи взиманія десятины съ монастырскихъ промысловъ, но она же содержала и слѣдующее дополненіе: „а которые сторонніе люди съ ними вмѣстѣ на морскихъ промыслахъ рыбою и салою учнутъ промыслять по уговору ис полу и ис трети и ис чети для своей корысти, и ты бѣ тѣхъ стороннихъ людей с ихъ доль таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ велѣлъ имати десятину на насъ попрежнему“¹⁾. Въ связи съ этимъ неудивительно, что въ спискѣ съ грамоты 1556 г., который могъ быть представленъ игуменомъ Димитріемъ (его скрѣпа на оборотѣ списка) въ доказательство якобы стараго права мон-ря, оказалось то пожалованіе, которое разбирается нами. Изложенныя соображенія не позволяютъ признать и это мѣсто списка подлиннымъ.

Съ формальной точки зрѣнія конечный протоколъ грам. 1556 г. не вызываетъ особенныхъ замѣчаній. Всѣ клаузулы, которыя мы находимъ въ конечномъ протоколѣ жалованныхъ грамотъ XVI в., здѣсь на лицо—и потому останавливаться на нихъ нѣтъ необходимости. Вслѣдъ за датой въ спискѣ читаемъ: „А на грамотѣ подпись государева. А подлинная грамота листовая за вислою печатью. На оборотѣ объявленнаго списка подписано: Божією милостію царь и государь і великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси. Грамоту подписалъ дьякъ Борисъ Алексѣевъ сынъ Щекинъ“.—То описаніе подлинной грамоты 1556 г., которое здѣсь дано, слишкомъ общее, чтобы судить объ его точности. Впрочемъ, „подпись“ государеву по формулѣ „Божією милостію...“ мнѣ не приходилось встрѣчать въ жалованныхъ грамотахъ времени Ивана Грознаго,—нѣтъ ли и здѣсь нѣкотораго поновленія? Что же касается дьяка, подписавшаго подлинную жалованную грамоту 1556 г.—Бориса Щекина, то личность его вы-

¹⁾ Моск., Арх. Мин. Ин. Д., монаст. л. 1674 г., лл. 5—9.

ясняется по актамъ довольно хорошо¹⁾. Въ частности, въ 1556 г. съ мая по сентябрь онъ принималъ участіе въ посольствѣ, отправленномъ къ Польскому королю Сигизмунду Августу для присутствованія при крестномъ цѣлованіи короля на договорныхъ грамотахъ²⁾. Назначеніе же его въ дьяки Новгородскіе вмѣсто Ѳедора Еремѣева состоялось во всякомъ случаѣ послѣ ноября 1556 г.³⁾ Т. обр., въ ноябрѣ 1556 г. онъ могъ быть въ Москвѣ и подписать жалованную грамоту Печенгскому монастырю.

IV.

Сводя все сказанное выше, можно, кажется, утверждать, что грамота 1556 г. по дошедшимъ спискамъ не можетъ быть признана подлинной потому, что 1) въ ней указаны такія лица, которыя не могли участвовать въ выдачѣ грамоты (имѣю въ виду еще не родившагося царевича Ѳедора и мало вѣроятное участіе игумена Гурія, по челобитью котораго якобы дана грамота), 2) не говорить за подлинность, главнымъ образомъ, и то, что въ грамотѣ перечисляются такія владѣнія, которыя монастырь приобрѣлъ значительно позже или которыми онъ никогда не владѣлъ; 3) кромѣ несоотвѣтствія грамоты 1556 г. типу вотчинныхъ жалованныхъ грамотъ Печенгскаго мон., грамота 1556 г., вопреки извѣстнымъ изъ другихъ источниковъ свѣдѣніямъ, почти исключаетъ возможность роста монастырской вотчины, давая для 1556 г. тѣ же размѣры ея, что и въ 1591 г. и во время позднѣйшее, 4) по сохранившемуся списку въ грамотѣ 1556 г. есть несомнѣнное противорѣчіе между первой и второй ея частью—съ одной стороны, мон-рь будто бы владѣлъ, какъ указывается въ первой части грамоты, громадной вотчиной, но съ другой стороны та же вотчина (да еще съ нѣкоторыми исключеніями—не указаны, напр., владѣнія въ Колѣ и Кольской вол.) какъ бы вновь даруется мон-рю, съ распространеніемъ на нее такихъ льготъ, нѣкоторыя изъ которыхъ едва ли когда-нибудь были у мон-ря; и, наконецъ, 5) содер-

¹⁾ О немъ см. у *Н. Лихачева*, Разрядные дьяки (по указат.); также Изв. Русск. Генеал. Общ., в. I (1900), отд. I, ст. *Н. П. Лихачева*, Родственные связи княжескихъ фамилій съ семьями дьяковъ, с. 119; *С. Шумаковъ*, Общ. грам. Коллегіи Экон., в. I, М. 1899, с. 31.

²⁾ Сборн. И. Русск. Истор. Общ., т. 59, № 33.

³⁾ Въ ноябрѣ 1556 г. дьяки Новгородскіе: Ѳедоръ Еремѣевъ Сырковъ и Казаринъ Дубровскій (*Б. Грековъ*, Опис. актов. книгъ, хранящ. въ архивѣ И. Археогр. Ком. (Пг. 1916), с. 46—грам. 1556 г. ноября 17), но въ январѣ 1557 г. уже Борисъ Щекинъ и Казаринъ Дубровскій (Сборн. И. Русск. Истор. Общ., т. 129, с. 23).

жаніе жалованной грам. 1556 г. по сохранившимся спискамъ много сложнѣе содержанія той жалованной грамоты царя Ивана Васильевича, данной строителю Печенгскаго мон-ря Трифону ранѣе 1573—74 г., свѣдѣнія о которой встрѣчаются въ другихъ источникахъ и которая, повидимому, сгорѣла въ 1589 г., „старые же списки“ съ нея погибли, кажется, въ пожаръ 1619 г. На основаніи приведенныхъ соображеній правильнѣе, кажется, относить грам. 1556 г. по нашимъ спискамъ къ числу „составныхъ“ грамотъ, причемъ считать ея произведеніемъ Печенгскихъ старцевъ середины 30-хъ годовъ XVII в.; въ виду же тѣхъ особыхъ цѣлей, которыя имѣлись въ виду при составленіи списка, онъ является не только поддѣльнымъ, но и подложнымъ¹⁾.

Попытка спасти т. назыв. грамоту 1556 г. по дошедшимъ до насъ спискамъ отъ признанія ея источникомъ малопригоднымъ для исторической науки, именно, попытка отнесенія ея къ позднѣйшему времени, къ 1573—74 г., должна быть признана неудачной, такъ какъ всѣ сомнѣнія, изложенныя выше, главнымъ образомъ въ отношеніи размѣра монастырской вотчины, остаются въ силѣ. Выше, впрочемъ, была отмѣчена возможность существованія у мон-ря второй вотчинной жалов. грамоты, данной царемъ Иваномъ Грознымъ послѣ 7082 г., но судить о содержаніи ея приходится скорѣе по грамотамъ позднѣйшимъ, а не на основаніи грамоты 1556 г. Должна быть отвергнута и попытка отнесенія нашей грамоты ко времени царя Ѳедора, по той причинѣ, что у Печенгскаго мон-ря, дѣйствительно, имѣлась (и дошла до насъ) грамота 1591 г., данная царемъ Ѳедоромъ, лишь отчасти сходная съ т. назыв. грамотой 1556 г.

А. Андреевъ.

¹⁾ Объ отличіи подложныхъ отъ поддѣльныхъ грамотъ см. А. С. Ланно-Данилевскій, Методологія исторіи, в. II, Спб. 1913, с. 602 и слѣд.

Къ вопросу о времени появленія на Руси свадебныхъ актовъ.

Передъ каждымъ изслѣдователемъ русскихъ частныхъ актовъ встаетъ вопросъ о происхожденіи ихъ на Руси. Гдѣ, когда, при какой обстановкѣ зародились эти акты, что вызвало ихъ къ жизни? На всѣ эти вопросы, при современномъ состояніи русской дипломатики, нѣтъ твердыхъ отвѣтовъ. Изъ области фактовъ здѣсь приходится идти въ область гипотезъ. Для разрѣшенія поставленныхъ вопросовъ нашему размышленію представляются два возможныхъ пути. Либо частные акты на Русь явились подражаніемъ другимъ, ушедшимъ впередъ странамъ, съ которыми мы были въ частыхъ сношеніяхъ; либо къ нѣкоторому моменту на Руси создавалась та обстановка, выросли такія потребности, которыя сдѣлали необходимымъ появленіе у насъ частныхъ актовъ. Возможно, конечно, комбинированное рѣшеніе: благоприятная обстановка вынудила обратиться къ заимствованію у другихъ народовъ, находившихся въ однородныхъ условіяхъ жизни, но уже пользовавшихся частными актами.

Такіе серьезные ученые, какъ Побѣдоносцевъ, рѣшали обсуждаемый нами вопросъ такъ, что мы заимствовали обычай написанія частныхъ актовъ (въ частности, свадебныхъ актовъ) изъ Византіи¹⁾. Для обоснованія такого рѣшенія необходимо сравнить акты Византійскіе съ нашими, чего до сихъ поръ не сдѣлано. А между тѣмъ по поводу дѣйствительности Византійскаго вліянія въ данномъ вопросѣ возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія.

Во-первыхъ, казалось бы естественнымъ, чтобы это вліяніе сказалося въ періодъ интенсивныхъ сношеній Руси съ Византіею, но русскихъ частныхъ актовъ до XII в. мы не имѣемъ вовсе, а отъ XII и XIII вв. извѣстны лишь 5—6 актовъ, массовое же появленіе ихъ относится лишь къ XIV—XV вв., когда Русь находилась въ дѣловыхъ сношеніяхъ не съ Византіею, а съ Западной Европой черезъ Новгородъ.

Второе возраженіе заключается въ томъ, что при заимствованіи наши предки, несомнѣнно, воспользовались бы готовыми образцами

¹⁾ К. П. Побѣдоносцевъ, Курсъ русск. гражд. права, т. II, с. 44 и 58.

развитого гражданского права Византіи, и наши древніе акты должны бы явиться въ достаточно совершенномъ видѣ, а между тѣмъ развитого формуляра наши акты достигаютъ лишь къ концу XVI-го, къ XVII-му вѣку.

Въ-третьихъ, вліяніе Византіи, казалось бы, должно было отразиться прежде всего на Кіево-Черниговской Руси и уже оттуда перейти въ другія русскія области, но этого мы не видимъ.

Время массоваго появленія у насъ актовъ — XIV—XV вв. и мѣсто ихъ—Новгородскій и Псковскій край,—неволью наводятъ на предположеніе о возможности заимствованія не изъ Византіи, а изъ Западной Европы, съ которою Новгородскій и Псковскій край къ этому времени были въ такихъ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Конечно, этотъ отвѣтъ остается лишь въ области гипотезъ, гаданія. Для утвержденія его также необходимо параллельное изученіе нашихъ древнѣйшихъ актовъ съ Западно-Европейскими. Но все же косвенное подтвержденіе нашего предположенія мы видимъ въ томъ, что даже древніе единичные акты XII-го, XIII-го вѣка всѣ тянутся къ Новгороду. Древнѣйшимъ частно-правовымъ актомъ у насъ считаютъ грамоту в. кн. Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю ¹⁾ (перв. пол. XII в.); и Юрьевъ монастырь, упоминаемый въ грамотѣ, и озеро Буица, жалуемое монастырю, находятся въ Новгородскомъ краю. Купчая и духовная Антонія Римлянина ²⁾ (пол. XII в.) говоритъ о земляхъ у р. Волхова. Вкладная грамота Варлаама Хутынскому монастырю ³⁾ (кон. XII в.) ведетъ насъ опять къ Волхову. Духовная Климента ⁴⁾ (XIII в.) передаетъ имущество Юрьевскому Новгородскому монастырю. Рядная Тѣшаты ⁵⁾ (вторая пол. XIII в.) относится къ Псковскому краю, а была найдена въ Рижскомъ Архивѣ. Итакъ, всѣ извѣстные акты XII—XIII вв. связаны съ Новгородско-Псковскимъ краемъ, а одинъ какъ-будто даже ведетъ насъ прямо въ Ригу, къ нѣмцамъ.

Переходя къ выясненію той обстановки, тѣхъ обстоятельствъ, которыя вызвали къ жизни наши частные акты, мы должны ограничиться, къ сожалѣнію, только постановкою этого вопроса, а не его разрѣшеніемъ. Различныя разновидности частныхъ русскихъ актовъ возникли не сразу: однѣ раньше, другія позже, однѣ на Новго-

¹⁾ М. Владимірскій—Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, в. I, изд. 6-ое, 1908 г., с. 112—113.

²⁾ Тамъ же, с. 114.

³⁾ Тамъ же, с. 115.

⁴⁾ Тамъ же, с. 118—119.

⁵⁾ Тамъ же, с. 116—117.

родской почвѣ, другія уже при Московскомъ господствѣ. Для научнаго отвѣта на нашъ вопросъ необходимо изученіе всѣхъ разновидностей, необходимо предварительное появленіе дипломатическихъ монографій о разныхъ видахъ русскихъ частныхъ актовъ.

Въ настоящей замѣткѣ я и хотѣлъ попытаться освѣтить вопросъ о времени появленія у насъ одной изъ разновидностей частныхъ актовъ, а именно рядныхъ-сговорныхъ, относящихся къ группѣ свадебныхъ актовъ.

Лица, посвящавшія свои статьи изслѣдованію этого вида актовъ ¹⁾, оперировали надъ записями XVI—XVII вв., причемъ наиболѣе старымъ актомъ, вошедшимъ въ поле зрѣнія изслѣдователей, была „рядная“ 1541 г. (А. Ю. № 392).

Между тѣмъ два акта этой группы, относящіеся къ болѣе раннему времени, первой половинѣ XVI в., напечатаны въ извѣстныхъ сборникахъ актовъ Н. П. Лихачова—„запись“ 1529 г. ²⁾—и М. А. Дьяконова—„рядная грамота“ 1513—1514 г.г. ³⁾. Въ „Записной книгѣ крѣпостнымъ актамъ XV—XVII вв., явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябеву“ записаны также двѣ раннихъ „рядныхъ“—7049 и 7020 г.г. ⁴⁾. Но самый ранній актъ этой группы, извѣстный намъ, помѣщенъ въ правой грамотѣ 1498 г., а, слѣдовательно, написанъ до этого года. Вслѣдствіе краткости „грамоты“ позволяемъ себѣ привести ее цѣликомъ. „Се азъ Ѳеодоръ Струна Сухеринъ далъ есмь своему зятю Ивану за своею дочерью Онисею зарѣцкое селище Федоровское своей отчины, куда нашъ плугъ ходилъ и коса и топоръ. А на то послуши: Тимошей Васильевъ сынъ Сухарокова да Проня Михайловъ. А грамоту писалъ игумень Андрей введенской. Грамота безъ печати“ ⁵⁾. И лица, представившія эту „грамоту“ суду, и подьячій, писавшій правую грамоту, квалифицировали приведенный актъ, какъ „рядную грамоту“; слѣдовательно, въ юридическомъ сознаніи людей

¹⁾ Древности, Труды Моск. Археол. Общ. 1865—1867 г., т. I, в. II, с. 67—72, Матеріалы для археол. словаря: Н. Калачовъ, Рядныя; Д. Лебедевъ, Московскій Публичный и Румянцевскій музей, Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣльева, М. 1881 г., с. 65—69; Историч. Обзор., т. XXI, Сборникъ статей, посв. А. С. Лапш-Данилевскому, с. 182—229, Г. М. Котляровъ, Рядныя—сговорныя записи XVI—XVII вв.

²⁾ Н. Лихачевъ, Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и бібліотекахъ, в. I, с. 104, № XXX.

³⁾ М. Дьяконовъ, Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ, в. II, с. I, № 2.

⁴⁾ Р. И. Б., т. XVII, № 64, ст. 21—22 и № 110, ст. 38—39.

⁵⁾ М. Горчаковъ, О земельныхъ владѣніяхъ Всеросс. митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода, прилож. I, с. 53.

второй половины XV в. этот актъ являлся рядною-свадебною. Если-бы не было такой квалификации, сдѣланной современниками, мы отнесли бы этотъ актъ къ даннымъ по ряднымъ. Данные на людей съ совершенно такимъ же формуляромъ были обычнѣйшимъ явленіемъ XVI—XVII вв., и дача ихъ большею частью оговаривалась въ рядныхъ-сговорныхъ записяхъ. Въ приведенной „рядной грамотѣ“ нѣтъ клаузулы, характерной для всѣхъ безъ исключенія извѣстныхъ намъ рядныхъ-сговорныхъ, начиная съ 1541 г., а именно отсутствуетъ указаніе на сговоръ.

Такой же пропускъ клаузулы о сговорѣ замѣчается и въ записной книгѣ Алябьева у двухъ вышеназванныхъ рядныхъ (№№ 64 и 110), тогда какъ въ болѣе позднихъ рядныхъ Алябьевъ записываетъ и клаузулу о сговорѣ (№№ 259 и 256) ¹⁾. Самую раннюю „рядную“ 1511—1512 г. (№ 64) Алябьевскій писецъ даже называетъ то „рядной“, то „данной“; для приказнаго человѣка конца XVI в. такая рядная безъ клаузулы о сговорѣ представлялась, какъ и намъ теперь, скорѣе данной, чѣмъ рядной.

Переходимъ къ разбору свадебнаго акта 1513—1514 г., напечатаннаго М. А. Дьяконовымъ. Этотъ актъ самъ называетъ себя „рядною грамотою“. Въ противоположность вышеприведенной грамотѣ XV в. онъ очень длинный, но клаузуальный составъ его чрезвычайно простъ: основныхъ клаузулъ всего три—дача приданаго, послухи и канцелярія—и имѣется еще одна случайная клаузула о томъ, что долгъ, лежащій на имуществѣ тещи, не переходитъ на зятя и невѣсту. Опять мы не находимъ характерной для позднѣйшихъ рядныхъ записей клаузулы о сговорѣ, какъ будто эта „рядная грамота“ написана не при сговорѣ, а послѣ свадьбы для укрѣпленія передаваемого приданаго за новыми владѣльцами. Зато перечисленіе приданаго въ 1-ой клаузулѣ этой „рядной грамоты“ чрезвычайно подробно, какъ и въ позднѣйшихъ записяхъ; здѣсь дается „милосердіе Божіе“—образа, „полсела Богородцкаго“ „со всѣмъ, что къ той половинѣ изстари потягло“, платье, кузнь, низанье и люди.

Актъ 1529 г., напечатанный Н. П. Лихачевымъ, уже замѣняетъ старое названіе „грамоты“ на болѣе позднее—„запись“. Этотъ актъ можетъ быть причисленъ къ группѣ рядныхъ-сговорныхъ записей ²⁾. Въ

¹⁾ Правда, въ „рядной“ 1592 г. (№ 376) указаніе на сговоръ также отсутствуетъ, но вообще полагаться на точность передачи актовъ при записи въ книгу нельзя, и мы пользуемся этимъ матеріаломъ лишь какъ добавочнымъ къ актамъ, напечатаннымъ цѣликомъ.

²⁾ О раздѣленіи свадебныхъ актовъ на рядныя записи, сговорныя записи и рядныя-сговорныя записи см. нашу статью въ „Сборникѣ статей, посвященныхъ А. С. Лапко-Данилевскому“, Истор. Обзор., т. XXI, с. 188—191.

немъ можно намѣтить слѣдующія клаузулы: 1-ая о сговорѣ вмѣстѣ съ краткимъ указаніемъ на дачу приданого—„со всѣмъ съ тѣмъ, чѣмъ ее (невѣсту) благословилъ отецъ ея Алексѣй, что ей написалъ въ духовной своей грамотѣ“; 2-ая клаузула о неустойкѣ въ случаѣ невыдачи замужъ невѣсты, 3-я—послухи и 4-ая—канцелярія. Соединеніе въ первой клаузулѣ сговора съ дачею приданого встрѣчается, хотя и не часто, и въ позднѣйшихъ рядныхъ-сговорныхъ ¹⁾. Въ этой клаузулѣ нѣтъ даты сговора, какъ и въ другихъ болѣе раннихъ рядныхъ-сговорныхъ, тогда какъ въ позднихъ дата сговора обыкновенно присутствуетъ. Еще одну особенность можно отмѣтить въ первой клаузулѣ разбираемаго акта—представители невѣсты сговариваются не съ самимъ женихомъ, а съ его отцомъ, что позднѣе встрѣчается чрезвычайно рѣдко ²⁾. Но главною особенностью этого акта по сравненію съ позднѣйшими рядными-сговорными является отсутствіе клаузулы о срокѣ свадьбы. Поэтому-то во второй клаузулѣ разбираемаго акта неустойка положена не за невыдачу въ срокъ, какъ это обычно въ позднѣйшихъ актахъ, а за невыдачу невѣсты замужъ вообще: „а не дадимъ мы за его сына за Михайла Алексѣева дочери Орины, и Колупаю на насъ взяти двесте рублей по сей записи“.

Послѣ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ раннихъ свадебныхъ актовъ передъ нами намѣчается слѣдующая схема. Въ концѣ XV и въ самомъ началѣ XVI-го вѣка типъ рядной-сговорной еще не установился; возможно даже, что актъ писался не при сговорѣ, а при дачѣ приданого. Но вотъ съ 20-хъ г.г. XVI в. свадебный актъ несомнѣнно пишется при сговорѣ, являясь договоромъ о предстоящемъ бракѣ, о чемъ гласитъ клаузула о сговорѣ. Сначала форма этой клаузулы не выкристаллизовалась: „Мы Алексѣевы Лукина прикащики сговорили съ Васильемъ съ Михайловымъ сыномъ Преклонского дати намъ за его сына за Михайла Алексѣева дочи Орина“ ³⁾. Не установилась она еще и къ 40-мъ г.г. XVI в.; вотъ какъ читается она въ извѣстной рядной 1541 г.: „Се язъ княгиня Марья князь Иванова дочь Кѣмского князь Константинова жена Ахметекевича Согорского даю дочь свою княгиню Соломониду князь Андреевскую жену Юрьевича Пронского за князя за Данила Васильевича Хованскаго“ ⁴⁾. Въ жениховской рядной-сговорной 1548—1549 г. соотвѣтствующая клаузула тоже носить отгнѣнокъ еще неполной кристаллизаціи: „Се

¹⁾ Тамъ же, с. 193—194.

²⁾ Тамъ же, с. 195.

³⁾ Н. П. Лихачевъ, Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и библіотекахъ, в. I, с. 104, № XXX.

⁴⁾ А. Ю., с. 418, № 392.

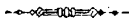
язъ Тишина Костянтиновъ сынъ Сулменева: жениться мнѣ у Замятни да у Василья у Михайловыхъ детей Ржевского“¹⁾. Къ 60-мъ годамъ XVI-го столѣтія писаніе рядныхъ-сговорныхъ съ клаузулою о сговорѣ становится обычнымъ и форма клаузулы дѣлается графаретной: „Се азъ Анна Иванова жена Федоровича Тверитинова зговорила есми дочь свою Орину за Дмитрія за Семенова сына Олябьева“²⁾.

Алябьевская записная книга даетъ намъ любопытныя косвенныя указанія на то, что и вообще то рядныя въ большомъ количествѣ стали писать лишь къ 60-мъ годамъ XVI в. Изъ 69 датированныхъ данныхъ по ряднымъ, являвшихся какъ бы дополнительными актами къ ряднымъ, на конецъ XV и первую половину XVI-го вѣка падаетъ всего 13 актовъ, на 60-ые годы—12 актовъ, на 70-ые—13 данныхъ, на 80-ые—12 актовъ и на 90-ые—19 данныхъ. Не противорѣчить этому выводу и Записная книга XVI в., сообщенная А. Б. Лакіеромъ³⁾; въ ней такихъ же данныхъ по ряднымъ напечатано 17; къ первой половинѣ XVI в. изъ нихъ относится всего 3 данныхъ, а остальные падаютъ на вторую половину.

Къ срединѣ XVI в. исчезъ и прежній терминъ для этихъ актовъ— „грамота“, „рядная грамота“. Законодательство еще хранить его: „Указная книга холопьяго суда“ 1567 г. признаетъ „рядную грамоту“ безспорнымъ на судѣ актомъ.—„А по ряднымъ грамотамъ на всѣхъ людей правити сполна всегда“⁴⁾; но жизнь выдвинула уже другую форму—„запись“, „рядную запись“.

Конецъ XVI и XVII в. в. даютъ намъ уже вполне установившійся развитой формуляръ разныхъ видовъ свадебныхъ актовъ.

Г. М. Котляровъ.

¹⁾ А. Ю., с. 418, № 393.

²⁾ Сб. бумагъ Щукина, III, с. 70; см. также другія рядныя-сговорныя.

³⁾ Арх. ист.-юр. свѣд., отн. до Россіи, кн. II, пол. I, отд. II, Акты, записанные въ крѣпостной книгѣ XVI вѣка.

⁴⁾ М. Владиміръскій-Будановъ, Христ. по истор. русскаго права, ч. III, СПБ., 1908 г., с. 77.

Работа Александра Сергѣевича Лаппо-Данилевскаго въ Академіи Наукъ.

Когда Александръ Сергѣевичъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Академіи Наукъ онъ состоялъ профессоромъ Историко-Филологическаго Института. Послѣ избранія въ Академію онъ покинулъ профессуру. Помню, какъ покойный вице-президентъ Л. Н. Майковъ спросилъ его: почему онъ ушелъ изъ Института? Александръ Сергѣевичъ отвѣтилъ: „я думаю, что меня выбрали въ Академію для того, чтобы я посвятилъ ей всѣ свои силы, отдалъ ей всю свою работу“. Эти слова молодого академика были знаменательны: они показываютъ, какъ онъ понималъ свое отношеніе къ Академіи, и тѣ, кто, какъ пишущій эти строки, видѣли день за днемъ академическую работу А. С., имѣютъ право сказать, что работа эта была исключительно и по напряженности и по своему научному значенію.

Какъ близкій товарищъ покойнаго и неперемѣнный секретарь, я имѣлъ возможность видѣть и крупное и мелкое, и начинанія, и колебанія, сомнѣнія и исканія и, наконецъ, завершенія работы Александра Сергѣевича, которая при его исключительно строгихъ требованіяхъ часто превращалась для него въ мучительно тяжелый трудъ. Посторонніе видѣли результаты, они уже пользовались въ законченномъ видѣ тѣмъ, что стоило такъ много А. С., который не умѣлъ и не хотѣлъ дѣлать ничего слегка, ничего приблизительно.

Раньше чѣмъ приступить къ описанію академическихъ работъ А. С., скажу о томъ, какъ онъ смотрѣлъ на задачи Академіи Наукъ и какія требованія онъ предъявлялъ къ академику.

Наука и высшая школа, получившія свое настоящее развитіе въ теченіе послѣднихъ двухъ съ половиною столѣтій, развивались не параллельно: XVIII вѣкъ былъ вѣкъ науки и академій, какъ центровъ научной работы, XIX былъ вѣкомъ разцвѣта высшей школы; особенно это сильно сказалось въ Германіи, гдѣ высшая школа стала однимъ изъ главныхъ элементовъ народнаго возрожденія послѣ наполеоновскаго погрома. Уже къ концу XIX вѣка настолько разрослась высшая школа по отношенію къ числу слушателей, что преподаваніе заняло въ ней первое мѣсто, и научная работа въ значительной мѣрѣ вернулась въ академіи и въ спеціальныя ученыя учрежденія. При боль-

шомъ развитіи науки вопросъ о правильной организаціи работъ занялъ чрезвычайно важное мѣсто, и этой организаціей больше всего занялись академіи, образовавшія къ началу XX вѣка и свой международный союзъ.

А. С. живо интересовался этими вопросами, будучи и академикомъ и преподавателемъ высшей школы; ему было ясно, что главная научная работа должна производиться въ ученыхъ учрежденіяхъ, а высшая школа должна воспитывать научныхъ работниковъ и дѣлать это только на научной почвѣ. Въ составленномъ имъ, по порученію Академіи, привѣтственномъ адресѣ Берлинскому университету ко дню его столѣтняго юбилея, А. С. говорилъ: „Въ своей могучей дѣятельности Берлинскій университетъ сумѣлъ сочетать научную работу съ воспитаніемъ подрастающихъ поколѣній; будучи высшей школой, полной жизни и энергіи, богатой силами и сильной своею организаціею, онъ много содѣйствовалъ развитію духовной мощи своего народа и государства и не разъ служилъ образцомъ для другихъ странъ“.

Точка зрѣнія А. С.-ча здѣсь вполне ясна, и онъ положилъ ее въ край угла своей научной работы. Другіе скажутъ о его работѣ въ высшей школѣ, которая велась имъ тоже только какъ научно-организационная: онъ готовилъ научныхъ работниковъ, административной стороною высшей школы А. С. не занимался.

Нужно ясное сознаніе того, что безъ организаціи наука, уже дошедшая до той степени развитія, до какой она дошла, не можетъ успѣшно развиваться, ибо сознаніе это налагаетъ очень большія тяготы на ученаго, особенно на того, кто чувствуетъ себя призваннымъ къ организаторской дѣятельности; вѣдь это значитъ въ большой мѣрѣ отказъ отъ личной работы въ томъ видѣ, въ какомъ это хочется дѣлать каждому ученому; это значитъ постоянное отлаживание обнародованія своихъ работъ и выдвиганіе на ихъ мѣсто чужихъ работъ, по опредѣленному, строго продуманному плану. Здѣсь часто встрѣчается непониманіе, даже въ самой научной средѣ, гдѣ, къ сожалѣнію, далеко еще не господствуетъ представленіе о необходимости организаціи научной работы, гдѣ напротивъ того господствуетъ утрированный индивидуализмъ и часто даже просто моды и случайности. Пониманіе личности ученаго и необходимости оберегать цѣнный индивидуальный элементъ научной работы, безъ котораго она лишена истиннаго, дѣйствительнаго творчества, у насъ пока очень узкое и идетъ рѣзко противъ тѣхъ организаторскихъ начинаній, которыя потому такъ еще слабы, особенно у насъ въ наукахъ гуманитарныхъ. Попытки организаціи работъ толкуются какъ посягательство на индивидуальное творчество, на человѣческую личность ученаго, причемъ,

видимо, творчество научное бессознательно приравнивается къ творчеству художественному. Несомнѣнно, что между ними много общаго, несомнѣнно, что творчество не можетъ и не должно быть насилуемо, но научное творчество всеже существенно отлично отъ творчества художественнаго, ибо если оба они и стремятся къ пониманію жизни по существу, къ проникновенію въ самую глубину становленія и полному осознанію жизни, то пути ихъ разные: путь науки есть по преимуществу путь анализа, путь искусства—путь интуиціи.

А. С. не побоялся трудной, отвѣтственной и часто столь неблагоприятной работы организаціонной. Съ первыхъ же его шаговъ въ Академіи онъ принимается съ этой точки зрѣнія за пересмотръ работы своихъ предшественниковъ по специальности и вообще всей соответствующей дѣятельности Академіи. На первомъ мѣстѣ хронологически мы ставимъ здѣсь его инициативу по вопросу объ изданіи документовъ XVI—XVIII в.в.

24 мая 1900 г. (въ первый разъ въ Академіи А. С. присутствовалъ 15 января въ Общемъ Собраніи Конференціи и затѣмъ 26 января въ Отдѣленіи Историческихъ Наукъ и Филологіи) онъ „напомнилъ Отдѣленію, что въ засѣданіи 23 ноября 1899 года (§ 196), Отдѣленіе постановило: просить управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи Д. Я. Самоковасова окончить печатаніе III тома Актовъ Московскаго Государства на прежнемъ основаніи, а затѣмъ принять мѣры къ упорядоченію этого изданія. Въ настоящее время III томъ Актовъ заканчивается печатаніемъ, почему адъюнктъ А. С. Лаппо-Данилевскій признавалъ бы своевременнымъ поручить кому либо изъ членовъ Отдѣленія выработать планъ изданія „Архивныхъ документовъ XVI—XVIII вв.“, на которое отпущены были изъ Государственнаго Казначейства средства“. Отдѣленіе постановило: „просить А. С. Лаппо-Данилевскаго составить планъ изданія и представить его на разсмотрѣніе Отдѣленія“¹⁾. Такъ начинается большое дѣло, которое А. С. велъ до самой своей смерти, ибо еще въ больницѣ онъ просматривалъ корректуры изданія документовъ. Прослѣдимъ теперь, какъ онъ взялся за предложенную имъ работу и какъ онъ ее повелъ.

Прежде всего онъ рѣшаетъ подготовить себя провѣркою хорошо ему знакомой по прежней его научной работѣ архивной разработки документовъ у насъ, а затѣмъ ознакомиться съ постановкою дѣла за границей. Для перваго онъ ѣдетъ въ Москву, чтобы работать въ тамошнихъ архивахъ, для втораго ѣдетъ за границу, посѣтитъ Австрійскій институтъ для историческихъ разысканій; Берлинскую и

¹⁾ Проток. Иф. 1900. V. 24. § 147.

Мюнхенскую археографическія комиссіи для изданія документовъ, Прусскій институтъ въ Римѣ и Итальянскій историческій институтъ ¹⁾. Проходить немного мѣсяцевъ, и А. С. представляетъ интересную, составленную имъ записку: „Планъ изданія архивныхъ документовъ XVI—XVIII вѣковъ“, съ подзаголовкомъ: „Какое изъ изданій архивныхъ документовъ стоитъ на очереди въ современной русской исторіографіи?“ ²⁾. Продолженіе этой записки, съ подзаголовкомъ: „Планъ изданія сборника частныхъ и правительственныхъ великорусскихъ актовъ XIV—XVIII в.в.“, появилось уже въ январѣ 1901 г. ³⁾. Чрезвычайно интересная и содержательная записка проникнута убѣжденіемъ въ громадномъ значеніи организаціи для всякаго истинно научнаго дѣла. Параллель, которую А. С. проводитъ между планомерной организаціей нѣмецкой архивно-издательской работы и случайными, чисто личными вспышками такой же работы въ Россіи, въ высшей степени поучительна. Она вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно характерна для организаторскаго направленія А. С. За всѣ двадцать почти лѣтъ его пребыванія въ Академіи мы видимъ непрестанную его заботу объ этомъ громадномъ предпріятіи, которое онъ стремился сдѣлать образцомъ для изданія въ Россіи архивныхъ документовъ. Онъ подбираетъ сотрудниковъ, спрашиваетъ специалистовъ, до мельчайшихъ деталей разрабатываетъ планъ, и постепенно во время работы составляется „Сводъ правилъ, касающихся изданія грамотъ Коллегіи Экономіи“, который совсѣмъ готовъ въ послѣднихъ корректурахъ, но до выхода въ свѣтъ котораго А. С. не дожилъ. Несомнѣнно, что сводъ этотъ имѣетъ большое значеніе для специалистовъ и важенъ методологическими указаніями на то, какъ вести планомерную работу.

Къ первому же времени вступленія А. С. въ Академію относится и другая серія его работъ, связанная съ именемъ А. А. Куника и его ученою дѣятельностью. Нигдѣ, кажется, кладбище незаконченныхъ научныхъ трудовъ не достигаетъ такихъ страшныхъ размѣровъ, какъ именно у насъ въ Россіи. Причины этого печальнаго явленія, увы, намъ вполне ясны: русскій ученый работаетъ обыкновенно съ громаднымъ увлеченіемъ, онъ вкладываетъ всю душу, всего себя въ свою работу, планы его громадны, онъ вѣритъ въ свои силы, въ свою способность совершить чудо—одному сдѣлать работу троихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, обыкновенно, индивидуалистъ, боится организаціи и сотрудничества, ему всегда кажется, что кто-то посягнетъ на его

¹⁾ Прот. Иф. 1900. V. 24. § 157.

²⁾ Тамъ же. Прил. къ прот. Иф. 25. X. 1900.

³⁾ Тамъ же, Прил. къ прот. 10 янв. Тамъ же, 1902. IV. 3. § 95 о поѣздкѣ въ Германію и Италію. Ср. Изв. Ак. Н. V ст. XVII, № 4, 01—0IV. 1902.

индивидуальные подходы и построения. Условия жизни ученаго и раньше были всегда мало благоприятны: дѣятельность, работу ученаго иногда уважали, но заботы о немъ всегда было мало; и всѣ мы видѣли, какъ ученый часто угасаетъ въ полномъ разцвѣтѣ силъ, или, если онъ чело-
вѣкъ слабый, трудности жизни заставляютъ его бросить науку и искать болѣе легкихъ путей. Въ результатѣ—неоконченныя работы, начала, которымъ не суждено увидѣть конца; кладбище русскихъ научныхъ начинаній громадно, больше чѣмъ, какой либо другой страны, и когда это измѣнится, не вѣдаетъ никто ¹⁾. Вѣдь, самъ А. С., такой исключительный работникъ, почти исключительно преданный наукѣ въ теченіе всей своей жизни, оставилъ, увы, такъ много незаконченныхъ трудовъ, которые, можетъ быть, лишь отчасти удастся издать.

Отношеніе, которое А. С. проявилъ къ посмертнымъ трудамъ Куника, исключительное; въ это дѣло научнаго пѣтета онъ вложилъ столько вниманія и труда, что надо горячо желать, чтобы къ его собственному научному наслѣдію было проявлено то же отношеніе. Со свойственной ему методичностью онъ прежде всего принимается за разслѣдованіе начатыхъ печатаніемъ работъ Куника; по поводу нихъ въ своей запискѣ ²⁾ онъ пишетъ: „такъ какъ большинство изъ нихъ богато научнымъ содержаніемъ, значеніе котораго, въ виду развитія нашей исторической литературы, съ каждымъ годомъ умалывается, а многія оказываются сочиненіями постороннихъ лицъ, ожидающихъ появленія ихъ въ свѣтъ, то я считаю долгомъ представить Отдѣленію списокъ изданій А. А. Куника, начатыхъ печатаніемъ въ академической типографіи, съ тѣмъ, чтобы предварительно выяснить исторію ихъ возникновенія, а также внѣшнее состояніе въ настоящее время и, такимъ образомъ, способствовать скорѣйшему рѣшенію ихъ участи“. Работа предстояла громадная, и А. С. и его товарищамъ, примкнувшимъ къ ней, удалось ее только отчасти выполнить, но зато выполнить образцово. Укажемъ здѣсь на изданіе сборника „Боле-славъ-Юрій II, князь всей Малой Руси“, которому А. С. предпослалъ вступительную замѣтку и присоединилъ цѣлое сложное изслѣдованіе: „Печати послѣднихъ Галичско-Владимірскихъ князей и ихъ совѣтниковъ“. Далѣе укажемъ на работу Гиппинга, которая вышла

¹⁾ Ср. С. К. Буличъ, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. I. Спб. 1904. Эта книга полна картинъ русскихъ начинаній, скороненныхъ въ пыли архивовъ и библиотекъ.

²⁾ Записка о трудахъ А. А. Куника и о состоявшихся подъ его наблюденіемъ изданіяхъ, начатыхъ печатаніемъ въ академической типографіи. I Прил. къ Прот. Иф. 1900. II. 16.

съ его весьма цѣнной замѣткой ¹⁾. До выхода въ свѣтъ работы Гедеонова о варяжскомъ вопросѣ А. С. не дожидъ ²⁾. Въ превосходной статьѣ: «Аристь Аристовичъ Куникъ. Очеркъ его жизни и трудовъ» ³⁾, А. С. мастерски нарисовалъ картину обширныхъ начинаній Куника, его глубокаго участія въ чужихъ трудахъ и его чрезвычайно строгихъ къ себѣ требованій, которыя замедляли его работы, къ несомнѣнной и громадной пользѣ того, что удавалось закончить, но и къ значительному ущербу по отношенію къ быстротѣ работы. Здѣсь А. С. невольно далъ характеристику и своего отношенія къ редакторской работѣ: если А. С. не удалось закончить многого и изъ работъ Куника, то основною причиною этого была его исключительная добросовѣстность; къ нему вполне примѣнимы слова Куника о самомъ себѣ, что онъ «давно взялъ себѣ за правило, особенно подозрительно относиться къ самому себѣ въ отношеніи къ цитатамъ» ⁴⁾, и слова А. С. о Куникѣ, что желаніе Куника возможно лучше обставить печатаемый трудъ, «иногда вредно отражалось на ходѣ руководимаго имъ изданія» ⁵⁾. Какъ непремѣнный секретарь, знаю, какъ часто А. С. бралъ назадъ уже подписанные къ печати листы, п. ч. ему казалось что онъ еще что-то можетъ исправить и дополнить; знаю хорошо, сколько вниманія, труда и заботы А. С. вкладывалъ не только въ свои, но, м. б., (еще въ большей мѣрѣ, если только это было возможно, въ чужія работы: ему казалось, что нельзя достаточно бережно отнестись особенно къ труду того, кто уже самъ не можетъ приложить къ нему руки, провѣрить и дополнить; надо горячо желать, чтобы посмертное изданіе оставленныхъ А. С. трудовъ нашло себѣ издателей такихъ, какимъ былъ онъ по отношенію къ работамъ своихъ умершихъ предшественниковъ.

Академическая дѣятельность потребовала отъ А. С. очень скоро еще одного рода работы—оцѣнокъ научныхъ работниковъ и ихъ трудовъ; въ общемъ, можно различить четыре главныхъ типа такихъ оцѣнокъ. Первый—это научная характеристика ученаго, котораго Академія

¹⁾ Нева и Нѣншанць. Составилъ А. *И. Гиппинъ*. Съ вступительной етатсьей А. С. Лаппо-Данилевскаго, ч. I и II. Спб. 1909.—Карты и планы Невы и Нѣншанца, собранныя А. *И. Гиппингомъ* и А. А. Куникомъ, съ предварительною замѣткою А. С. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1913.—Сборникъ документовъ, касающихся исторіи Невы и Нѣншанца. Приложеніе къ труду А. *И. Гиппина* „Нева и Нѣншанць“, съ предварительной замѣткою А. С. Лаппо-Данилевскаго. Петроградъ 1916.

²⁾ Изв. А. Н. 1914. 1455—1479.

³⁾ Въ 1903 г. онъ издалъ статью Куника: „Открытое письмо къ сухопутнымъ морякамъ“. См. выше „Списокъ трудовъ“ № 66.

⁴⁾ Изв. А. Н. 1914. 1478, прим. 2.

⁵⁾ Тамъ же, 1478.

предполагаетъ привлечь или въ свою непосредственную среду или къ работѣ при Академіи. Такія характеристики особенно трудны и особенно отвѣтственны, п. ч. онѣ являются основнымъ источникомъ при принятіи рѣшеній, могущихъ имѣть большое вліяніе на ходъ академической работы. Составляемая т. о. характеристика, разъ она получаетъ санкцію Академіи, является затѣмъ своего рода и отчетомъ передъ общественностью, указаніемъ на причины, побудившія Академію сдѣлать тотъ или другой отвѣтственный выборъ. А. С. это глубоко сознавалъ, и потому всѣ его записки о научной дѣятельности и о трудахъ лицъ, подлежащихъ тому, или другому выбору въ Академію, носятъ всегда отпечатокъ глубокой продуманности и проработанности до мелочей. Записки эти относятся и къ русскимъ ученымъ и къ иностраннымъ; списокъ ихъ длинный и обнимаетъ имена: В. О. Ключевского, Ѳ. И. Успенскаго, Е. Ф. Шмурло, М. А. Дьяконова, И. В. Лучицкаго, Д. А. Корсакова, Н. И. Карѣева, П. Г. Виноградова, А. А. Кизеветтера, И. А. Линниченко изъ русскихъ и Э. Мейера, Брайса, Моно, Гирке, Біоллэ, Лависса, Я. Голля, Бутру, Дайси, А. Пиренна изъ иностранцевъ.

Второй типъ—это некрологи и характеристики покойныхъ ученыхъ, подведеніе итоговъ ихъ работъ. Здѣсь А. С. въ меньшей степени, чѣмъ въ статьяхъ перваго типа, проявилъ свое глубокое проникновеніе въ духовный міръ ученаго, умѣнье характеризовать его работу и выяснитъ то, что онъ далъ для науки; надо пожелать, чтобы всѣ эти статьи были собраны и изданы вмѣстѣ; изъ русскихъ мы здѣсь имѣемъ: Н. Ф. Дубровина, Г. А. Леера, В. Б. Антоновича, В. О. Ключевского, А. А. Куника, Д. Ф. Кобеко, изъ иностранцевъ Я. Каро, А. Сореля, Г. Иречека, К. К. Ширрена.

Третій типъ—это разборы научныхъ трудовъ, представлявшихся на соисканіе разныхъ премій, издавна учреждавшихся при Академіи. Въ теченіе долгаго времени держалось убѣжденіе, что путемъ конкурсовъ на преміи можно вызвать къ жизни цѣнные научные труды. Соображенія эти жизнью оправданы не были, и только на специалистовъ критиковъ была возложена большая работа изученія многихъ, зачастую весьма слабыхъ работъ и въ гораздо болѣе рѣдкихъ случаяхъ дѣйствительно цѣнныхъ научныхъ трудовъ. Конкурсы при Академіи Наукъ естественно прежде всего налагали работу на академиковъ и здѣсь-то А. С. пришлось много разъ выступать съ разборами. Эти его разборы почти всегда не были только непосредственною критикою представленнаго на конкурсѣ сочиненія, они заключали въ себѣ обыкновенно элементъ большого самостоятельнаго изслѣдованія; эти ра-

боты отмѣчены въ спискѣ трудовъ А. С., и потому мнѣ не приходится ихъ перечислять.

Четвертый типъ оцѣнокъ чужихъ работъ былъ уже совершенно специфически академическій: въ Академію постоянно обращались и обращаются лица, желающія получить оцѣнку своимъ трудамъ, еще не появившимся въ печати; въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ это просто жизненные неудачники или мегаломаны, или просто плохіе работники, но иногда и въ этой средѣ появляется проблескъ научной работы настоящей и цѣнной, и потому Академія, несмотря на значительный трудъ, который зачастую ложится при этомъ на ея сочленовъ, считаетъ себя обязанной разсматривать присылаемыя ей рукописи. А. С. и тутъ никогда не измѣнялъ своему принципу внимательнаго и тщательнаго разсмотрѣнія того, что передавалось на его отзывъ, какъ академика. Приходилось часто жалѣть о непроизводительномъ затраченномъ времени крупнаго ученаго, но отказаться было невозможно, нельзя было не оправдать того довѣрія, которое издавна у насъ питали къ высшему ученому учрежденію страны. А. С. это хорошо понималъ и ни разу не уклонился отъ порученія Академіи.

Это же самое положеніе академика влекло за собой часто и отзывы по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, возбуждавшимся уже не частными людьми, а цѣлыми учрежденіями, общественными и государственными. Дѣлалось это настолько часто, что я ограничусь здѣсь указаніемъ лишь на самое главное. Когда въ 1905 г. сталъ на очередь вопросъ о свободѣ слова, Академія приняла дѣятельное участіе въ работахъ по этому важнѣйшему дѣлу: какъ представительница науки, по самому существу своему требующей неограниченной свободы мысли и слова, Академія не могла не отнестись горячо къ вопросу о свободѣ слова, она составила подробную мотивированную записку, не потерявшую значенія и теперь. Однимъ изъ главныхъ составителей этой записки былъ А. С. Въ ней подробно разобраны печальныя судьбы скованнаго русскаго слова и указано на то непоправимое зло, какое наносится народу отсутствіемъ свободы слова. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ заключительнаго слова записки: „Общество, признающее печать всегда и вездѣ выразительницею своего мнѣнія, требуетъ отъ государства одного,—и это даже въ сложномъ дѣлѣ борьбы съ социальными недугами, которыми болѣетъ всякая страна,—оно требуетъ свободы для своего мнѣнія, для своего слова... Судьба нашей печати и вмѣстѣ съ тѣмъ судьба общества находится во власти правительства: неужели оно пренебрежетъ печатью именно теперь, когда такъ важно огра-

дять общество отъ разложенія и осуществить великія реформы?.. Освобожденіе печати неотложно: его ждетъ вся Россія!“

Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялся и вопросъ о малорусскомъ языкѣ, столько времени запретномъ для тѣхъ, для кого онъ былъ роднымъ языкомъ! Академія учреждаетъ комиссію для разработки мотивированной записки. Какъ извѣстно, записка Академіи Наукъ по вопросу о малорусскомъ языкѣ получила широкое распространеніе и имѣла несомнѣнное вліяніе на раскрѣпощеніе малорусскаго языка отъ правительственнаго гнета, такъ что Академія въ правѣ сказать, что не даромъ было ею высказано правительству убѣжденіе, что „малорусское населеніе должно имѣть такое же право, какъ и великорусское, говорить публично и печатать на родномъ своемъ языкѣ“. И въ этой комиссіи А. С. принялъ непосредственное дѣятельное участіе.

Когда въ Россіи были сдѣланы первые шаги къ созданію народнаго представительства, и Академіи было предоставлено право имѣть своихъ представителей въ одной изъ палатъ, А. С. оказался однимъ изъ первыхъ избранниковъ Академіи. Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ произнесъ обратившую на себя вниманіе рѣчь по вопросу объ амнистіи. Но А. С. не былъ политикомъ; по характеру своему человекъ не гибкій и прямой, онъ счелъ, что въ обстановкѣ, тогда царившей въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ только даромъ теряетъ дорогое время, которое должно быть имъ съ гораздо большей пользою употреблено на научную работу, и покинулъ Государственный Совѣтъ.

Когда Академія, при министрѣ народнаго просвѣщенія Кассо, въ 1911 году поставившемъ себѣ цѣлью сломить автономію высшей школы, слишкомъ по его мнѣнію радикальной, заявила о невозможности учреждать за границею особые питомники русскихъ ученыхъ, отрывая отъ русскихъ профессоровъ ихъ учениковъ, А. С. принялъ дѣятельное участіе въ составленіи записки Академіи по этому вопросу. Какъ преподаватель высшей школы, онъ особенно хорошо сознавалъ то, что Академія отмѣтила въ своей запискѣ, когда она говорила, что программа занятій молодого ученаго должна опредѣляться въ значительной мѣрѣ „свойствами того отечественнаго матерьяла, который для него, какъ для русскаго ученаго, долженъ въ послѣдствіи сдѣлаться главнымъ предметомъ научной разработки. Не иностранцу, какъ бы онъ ни былъ ученъ и гениаленъ, судить объ этихъ условіяхъ; ихъ можетъ знать и съ ними въ полной мѣрѣ можетъ сообразоваться только тотъ русскій профессоръ, который привлекъ молодую любознательность стипендіата къ занятіямъ предметами извѣстной научной области“. А. С. особенно горячо

привѣтствовалъ заключеніе записки, гдѣ Академія предостерегала министерство отъ принимаемаго шага, говоря: „принявъ предполагаемыя мѣры, русское министерство народнаго просвѣщенія объявить русскую высшую школу научно несостоятельною; тѣмъ самымъ оно открыто признаетъ и слабость русскаго государства, будто бы лишеннаго того источника жизни, которымъ является самостоятельное развитіе науки; оно всенародно заявить, что наше государство не въ состояніи создать въ нашемъ отечествѣ условія, необходимыя для свободнаго и здороваго ея роста; поколеблетъ вѣру въ силу и значеніе русской науки, безъ которой не можетъ быть и могучаго русскаго государства“.

Не было почти начинанія въ самой Академіи или участія ея въ международныхъ предпріятіяхъ, къ которымъ бы не привлекался немедленно А. С., избираемый для этого то Общимъ Собраніемъ Конференціи, то Отдѣленіемъ Историческихъ наукъ и филологіи: Академія всегда особенно цѣнила въ А. С. то рѣдкое вниманіе, которое онъ удѣлялъ даваемому ему порученію. А. С. всегда изучалъ основательно вопросъ, привлекалъ всѣ доступныя матеріалы, часто сравнивалъ и хорошо ему извѣстныя иностранныя матеріалы; его участіе во всякой научной комиссіи было исключительно цѣнно, потому что А. С., принявъ разъ избраніе, считалъ себя обязаннымъ работать въ полную мѣру своихъ силъ: просто числиться къмъ-нибудь было для него невозможно. При этомъ было особенно важно, что А. С. имѣлъ привычку, ради точности, почти всегда письменно формулировать свою мысль; какъ извѣстно, точная формулировка мысли избавляетъ насъ отъ недоразумѣній и очень часто и отъ ошибокъ. Русская дѣйствительность ближайшаго прошлаго и настоящаго такъ загромождена всякими „комиссіями“, что мы привыкли относиться къ нимъ чрезвычайно скептически, считая ихъ почти всегда праздною тратой времени; отношеніе такихъ людей, какъ А. С., къ работѣ комиссій ярко показываетъ всю ошибочность этого легковѣснаго мнѣнія: еслибы у насъ было больше такихъ людей, какъ А. С., то работа комиссій была бы всегда цѣнной и нужной, потому что неизмѣнно давала бы опредѣленные результаты.

Одною изъ наиболѣе жизненныхъ формъ научной организаціи внутри нашей Академіи являются ея „постоянныя комиссіи“. Придавая большое значеніе организаціи работъ по исторіи въ Академіи, А. С. принялъ дѣятельное участіе въ созданіи „Постоянной Исторической Комиссіи“, душою которой онъ былъ съ самаго ея учрежденія, съ 1902 года. Комиссія эта была тѣсно связана съ Ученымъ Корреспондентомъ Отдѣленія Историческихъ наукъ и филологіи въ Римѣ. Въ

1903 г. А. С. по порученію Постоянной Исторической Комиссiи составлялъ „Проектъ положенія объ обязанностяхъ и службѣ Ученаго Корреспондента Историко-филологическаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ въ Римѣ“ и „Предварительную инструкцію Ученому Корреспонденту“. Казна въ тѣ годы была чрезвычайно скупа на ассигнованія для нуждъ научныхъ: надо было стараться съ малыми средствами сдѣлать многое, восполнить упорнымъ личнымъ трудомъ то, на что нельзя было получить денегъ. И этого своего труда А. С. не жалѣлъ; онъ мечталъ съ теченіемъ времени добиться открытія историческаго института въ Римѣ, но, вѣрный своему принципу никогда не создавать широкихъ плановъ тамъ, гдѣ онъ не видѣлъ возможности немедленнаго осуществленія, онъ заботился о томъ, чтобы сдѣлать работу ученаго корреспондента наиболѣе планомѣрной и плодотворной. Удачный выборъ корреспондента, опытнаго историка, прекрасно знакомаго съ архивнымъ дѣломъ, превосходно владѣвшаго итальянскимъ языкомъ, знатока Италіи, много способствовалъ плодотворности работы. А. С. принималъ въ ней дѣятельнѣйшее участіе, имъ въ сущности держалась Историческая Комиссiя и ея участіе въ работахъ Ученаго Корреспондента. А сложились эти работы чрезвычайно благоприятно: благодаря связямъ Ученаго Корреспондента Е. Ф. Шмурло въ ученое католическое міръ, ему удалось очень хорошо поставить свои занятія въ знаменитомъ и малодоступномъ Архивѣ Пропанды (*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*), что и выразилось въ цѣнной работѣ объ этомъ Архивѣ. Отчеты Ученаго Корреспондента всегда вызывали дѣятельную переписку съ нимъ А. С. Такъ постепенно создались двѣ серіи: „Россiя и Италія“ и „Памятники дипломатическихъ и культурныхъ сношеній Россiи съ Италіей“. Большая часть матеріаловъ относилась къ XVI, XVII и XVIII вѣкамъ. Любопытный вопросъ о Лжедмитріи вызвалъ тоже интенсивное собраніе матеріаловъ. Громадный опытъ А. С. въ разработкѣ архивовъ имѣлъ чрезвычайно важное значеніе въ дѣлѣ правильной постановки работъ въ Римѣ, особенно благодаря уже указанной большой компетентности Ученаго Корреспондента. Типографскія затрудненія, естественно возникавшія отъ отсутствія автора отчетовъ и издателя матеріаловъ изъ Петербурга, мѣшали часто работѣ, и рукописи, уже готовые къ печати, должны были лежать подолгу безъ движенія; война и революція еще болѣе затруднили дѣло. Тѣмъ не менѣе мы въ правѣ сказать, что благодаря инициативѣ и упорному труду А. С. собранъ и частью обнародованъ большой и цѣнный матеріалъ для русской исторіи.

Другимъ, весьма крупнымъ научнымъ предпріятіемъ, возникшимъ по непосредственному почину А. С. и притомъ въ первые же годы

послѣ его вступленія въ Академію и въ связи съ „Постоянною Историческою Комиссіею“, было изданіе „Памятниковъ стариннаго русскаго законодательства XVII—XIX в.в.“. Изданіе это, наряду съ „Грамотами Коллегіи Экономіи“, занимало вниманіе А. С. въ теченіе всего времени до его смерти. Въ заявленіи, поданномъ имъ Отдѣленію Историческихъ Наукъ и Филологіи¹⁾, мы читаемъ: „Одною изъ самыхъ существенныхъ потребностей русской исторической науки должно, конечно, признать критическое изданіе важнѣйшихъ памятниковъ стариннаго русскаго законодательства. Въ самомъ дѣлѣ древнѣйшіе изъ нихъ, какъ то: Русская Правда, Судебники и проч. уже имѣются у насъ подъ руками въ научныхъ изданіяхъ Археографической Комиссіи и частныхъ лицъ, но такихъ же изданій Уложенія царя Алексѣя Михайловича и слѣдующихъ за нимъ по времени законодательныхъ актовъ до сихъ поръ не существуетъ; русскимъ историкамъ приходится пользоваться совершенно устарѣвшими и мало-пригодными для научныхъ цѣлей сборниками XVIII-го вѣка и Полнымъ Собраніемъ Законовъ. Въ послѣднемъ, однако, такіе памятники изданы безъ соблюденія самыхъ элементарныхъ правилъ всякаго критическаго изданія: ни исторіи текста, ни его редакцій и разночтеній въ немъ не указано, подлинныя тексты въ окончательномъ ихъ видѣ воспроизведены не безъ многихъ опечатокъ“. Соображенія эти побудили А. С. столкнуться съ специалистами и предложить къ изданію рядъ текстовъ; первыми откликнулись М. А. Дьяконовъ, взявшій на себя „Уложеніе“, Н. Д. Чечулинъ, взявшій „Наказъ“ Екатерины, В. Н. Бенешевичъ, взявшій „Кормчую книгу“, и О. И. Остроградскій, взявшій „Новотерговый Уставъ“; къ нимъ впоследствии присоединился рядъ специалистовъ: М. М. Богословскій—„Воеводскія инструкціи Петра Великаго“, П. В. Верховскій—„Духовный Регламентъ“, А. А. Кизеветтеръ—„Городовое Положеніе“ Императрицы Екатерины II, А. А. Жижиленко и А. В. Бородинъ—„Артикуль Воинскій“, самъ А. С.—„Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г.“ и др.

Работа по „Памятникамъ“ скоро показала А. С. необходимость поставить на очередь изданіе параллельной серіи „Матеріаловъ“. Вотъ, что онъ пишетъ объ этомъ въ 1909 г.²⁾: „При изученіи исторіи текста нѣкоторыхъ памятниковъ русскаго законодательства в архивныхъ разысканіяхъ, сопряженныхъ съ такимъ изученіемъ, изслѣдователи встрѣчаютъ новые матеріалы для исторіи русскаго за-

¹⁾ Прот. Иф. 1909. 16. X. § 188.

²⁾ Прот. Иф. 1909. 14. I. § 20 и III прилож. къ Прот.: „Записка С. Веселовскаго“. Ср. Прот. Иф. 1918. 27. II. § 70 и приложеніе.

конодательства, письма, бумаги, проекты, указы, „книги“ и т. п., содержаніе которыхъ представляетъ большой научный интересъ частью для исторіи возникновенія текста, частью для исторіи примѣненія законовъ въ жизни, но далеко не все можетъ быть использовано при изданіи „Памятниковъ“. Весьма желательно было бы, въ дополненіе къ серіи „Памятниковъ“, издавать „Матеріалы для исторіи русскаго законодательства“, которые могли бы выходить отдѣльными выпусками въ приложеніи къ изданію соответствующихъ памятниковъ, напримѣръ, подъ заглавіемъ: „Матеріалы для исторіи Новоторговаго Устава“, „Матеріалы для исторіи Учрежденія о губерніяхъ“ и т. п.

Однимъ изъ важныхъ научныхъ предпріятій, перешедшихъ подъ наблюденіе Постоянной Исторической Комиссіи, было изданіе „Писемъ и бумагъ Петра Великаго“. А. С. принялъ на себя главное наблюденіе за этимъ изданіемъ, находившимся въ опытныхъ рукахъ И. А. Бычкова. Въ больницѣ, въ послѣдніе дни жизни, онъ горячо интересовался этимъ важнѣйшимъ изданіемъ и спрашивалъ меня о возможности выпустить въ свѣтъ первую часть VII-го тома, корректуры которой всѣ прошли черезъ его руки.

Интересуясь всѣми русскими центрами организованной исторической работы, А. С. естественно обратилъ вниманіе на губернскія ученыя архивныя комиссіи; въ 1903 ¹⁾ году А. С. указалъ, что отъ директора Археологическаго Института не поступаютъ въ Академію, какъ того требуетъ положеніе объ архивныхъ комиссіяхъ, ни свѣдѣнія объ ихъ занятіяхъ, ни ихъ отчеты. Слѣдствіемъ этого заявленія были сношенія съ директоромъ Института и поступленіе отчетовъ комиссій, первый подробный отзывъ о работѣ которыхъ былъ данъ А. С. въ „Запискѣ академика А. С. Лаппо-Данилевскаго о дѣятельности губернскихъ учебныхъ архивныхъ комиссій“. Записка эта была первою изъ цѣлаго ряда другихъ. „Первая записка“ ²⁾ А. С. совершенно правильно ставитъ прежде всего вопросъ о невыясненности задачъ архивныхъ комиссій и о ихъ несогласованности: „губернскія архивныя комиссіи“, говорятъ А. С., „лишены общей инструкціи, которой онѣ могли бы руководствоваться въ своей научной дѣятельности; а между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ вполне сознаютъ необходимость нѣсколько объединить дѣятельность комиссій“. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что записки-отзывы А. С., печатавшіяся въ „Извѣстіяхъ“ Академіи, чрезвычайно содѣйствовали обращенію вниманія на полезную научную дѣятельность этихъ скромныхъ

¹⁾ Прот. Иф. § 227. 5 ноября.

²⁾ Прил. къ Прот. Иф. 1917. 3 мая.

провинціальныхъ научныхъ учреждений и ихъ неменѣ скромныхъ, но высоко почтенныхъ и полезныхъ научныхъ сотрудниковъ. Многія комиссіи стали въ послѣдствіи важными культурными центрами нашей столь бѣдной культурною родины. Отношеніе А. С. къ губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ не будетъ забыто.

Относясь съ большимъ вниманіемъ къ своимъ обязанностямъ русскаго историка, А. С. принималъ мѣры къ тому, чтобы все, что относилось къ его специальности въ Академіи, было надлежащимъ образомъ организовано. Мы видимъ, что онъ вскорѣ по вступленіи въ Академію знакомится съ работами по бумагамъ князя Меншикова ¹⁾. Онъ тотчасъ же отмѣчаетъ, что нѣтъ основаній печатать малозначущее или уже ранѣ напечатанное, что приемы печатанія требуютъ опредѣленной системы, причемъ указываетъ конкретно на недочеты и на средства ихъ исправить. А. С. создаетъ комиссію по изданію сочиненій, бумагъ и писемъ гр. М. М. Сперанскаго, поставившую себѣ задачей полное выясненіе личности и дѣятельности крупнѣйшаго государственнаго дѣятеля. А. С. опирался въ работѣ Комиссіи на выдающихся сотрудников ²⁾.

Широко интересуясь постановкою научной работы въ Академіи, А. С. уже въ 1908 году вноситъ въ Конференцію „Записку объ усиленіи личнаго состава Историко-филологическаго Отдѣленія“, которую онъ начинаетъ словами: „Въ силу своего устава обязанная стараться расширять предѣлы всякаго рода полезныхъ человѣческихъ знаній, Академія давно уже сознаетъ назрѣвшую потребность усилить личный ея составъ, въ особенности по разряду историческихъ и политическихъ наукъ“. Инициатива А. С. получила поддержку Конференции и, несмотря на большую осторожность министерства финансовъ, удалось добиться нѣкотораго расширенія Отдѣленія. Въ томъ же направленіи А. С. продолжалъ дѣйствовать до самой кончины, имѣя теперь уже въ виду расширеніе въ сторону социологическихъ дисциплинъ, которыя ему, какъ историку, были чрезвычайно близки. Во второй половинѣ 1918 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, А. С. предсѣдательствовалъ въ комиссіи по вопросу объ учрежденіи Института Соціальныхъ Наукъ, подробный планъ котораго былъ тогда же разработанъ А. С. Онъ мыслилъ Институтъ, который служилъ бы центромъ, объединяющимъ дѣятельность научныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью изученіе социальныхъ наукъ; будучи учрежденіемъ научнымъ, Институтъ имѣлъ бы цѣлью изслѣдованіе социальныхъ проблемъ вообще и въ особенности тѣхъ, которыя вы-

¹⁾ Прот. Иф. 1905. 30. IV. 5—112.

²⁾ I-ое прил. къ прот. Иф. 26 Января 1905 г.

двигаются современною жизнью. Къ сожалѣнію, работа А. С. и возглавлявшейся имъ комиссіи не увѣнчалась жизненно положительными результатами: комиссаріатъ не откликнулся на предположенія Академіи.

Въ самомъ началѣ я сказалъ о томъ, какъ исключительно строго А. С. смотрѣлъ на свои обязанности, какъ академика; изъ всего послѣ того сказаннаго, мнѣ кажется, ясно, какъ много онъ сдѣлалъ для Академіи; необходимо добавить еще одно указаніе: когда скончался академикъ К. Г. Залеманъ, завѣдывавшій Нумизматическимъ Кабинетомъ, то А. С. немедленно принялъ на себя исполненіе его обязанностей, такъ какъ Нумизматическій Кабинетъ по своему составу стоитъ ближе къ работѣ историческихъ дисциплинъ.

Работа Академіи, какъ русскаго ученаго учрежденія, естественно имѣетъ главнымъ образомъ отношеніе къ Россіи, къ ея ученымъ учрежденіямъ, высшей школѣ и ученымъ, но какъ ученое учрежденіе и международнаго характера, Россійская Академія Наукъ имѣла постоянныя научныя сношенія и отношенія со всѣми другими странами, и потому естественно и работа каждаго академика имѣла всегда и характеръ международный.

Международныя отношенія А. С. по Академіи были весьма многообразны. Какъ уже было указано, для работъ по изданію историческихъ документовъ, въ связи съ дѣлами Постоянной Исторической Комиссіи и ученаго корреспондента въ Римѣ, А. С. ѣздилъ за границу и имѣлъ рядъ сношеній съ иностранными учеными и учеными учрежденіями. Какъ представитель Академіи, онъ принималъ участіе въ пересмотрѣ статуты Международнаго Союза Академій, въ одномъ изъ съѣздовъ Союза за границую; а когда Союзъ собрался въ Петербургѣ, А. С. былъ однимъ изъ главныхъ его организаторовъ и редакторовъ его отчетовъ. Когда Берлинскій университетъ праздновалъ свой столѣтній юбилей, то А. С. былъ представителемъ Академіи на юбилей.

Представителемъ Академіи являлся А. С. и на международныхъ конгрессахъ историковъ, которые были ему особенно близки, какъ историку. Международные конгрессы носятъ чрезвычайно разнообразный характеръ и въ зависимости отъ этого являются болѣе или менѣе дѣйствительными средствами для организаціи науки. Конгрессы историковъ, къ счастью, принадлежатъ къ наиболѣе плодотворнымъ, и потому естественно, что А. С., человѣкъ, не привыкшій тратить времени зря, но охотно отдававшій всѣ свои силы настоящему, живому дѣлу, былъ увлеченъ конгрессами историковъ. Онъ читаетъ въ Академіи отчетъ о конгрессѣ въ Берлинѣ въ 1908 г. ¹⁾, дѣлаетъ докладъ

на Лондонскомъ конгрессѣ въ 1913 г.: „L'idée de l'Etat et son évolution en Russie depuis les troubles du XVII siècle jusqu'aux réformes du XVIII-me ¹⁾), на томъ же конгрессѣ А. С. возбуждаетъ вопросъ о назначеніи мѣстомъ будущаго конгресса Петербурга. Предложеніе А. С. было принято, и онъ сталъ во главѣ организационнаго комитета для созыва конгресса въ Петербургѣ въ 1918 г. Одновременно былъ поставленъ и важный для русскихъ ученыхъ вопросъ о правахъ гражданства русскаго языка на международныхъ конгрессахъ, который долженъ былъ получить разрѣшеніе на Петербургскомъ конгрессѣ. Съ увлеченіемъ принялся А. С. за подготовительныя работы въ конгрессу, которыя были задуманы чрезвычайно широко и систематично: А. С. мечталъ сдѣлать этотъ конгрессъ образцовымъ. Война народовъ почти всего міра помѣшала осуществленію этого научнаго предпріятія, но работа, произведенная А. С. и его сотрудниками, не пропадетъ: надо надѣяться, что ею воспользуются наши преемники.

Еще дважды мы видимъ А. С. выступающимъ въ международныхъ научныхъ предпріятіяхъ представителемъ Академіи. Въ 1916 году онъ ѣдетъ въ Англію прочесть лекцію о русской наукѣ, гдѣ онъ указываетъ на специфическія черты русскихъ ученыхъ. Къ сожалѣнію, въ томъ текстѣ, который напечатанъ въ Англии и который, по видимому, составляетъ окончательную редакцію чтенія, принятую А. С., я не нашелъ многого, очень цѣннаго, что я слышалъ отъ него по этому вопросу. Почему А. С. перемѣнилъ часть своего первоначальнаго плана, я не знаю. Единственное, что могу предположить, это то, что онъ видѣлъ въ немъ слишкомъ яркое проявленіе эмоциональности, которую не любилъ и которой боялся въ научныхъ трудахъ. Самъ онъ уже теперь никому не скажетъ того, что я слышалъ тогда, и не знаю, найдутся ли соответствующія замѣтки въ его бумагахъ, потому рѣшаюсь повторить здѣсь, что помню.

Для меня этотъ вечеръ у А. С., за нѣсколько дней до его отъѣзда въ Англію, останется памятенъ навсегда: А. С. былъ какъ-то удивительно мягко и нѣжно настроенъ, его обычной внѣшней суровости не было и слѣда, онъ говорилъ и увлекался тѣмъ, что говорилъ. „Я много думалъ о своей темѣ“, сказалъ онъ, „много перечелъ и пересмотрѣлъ, и мнѣ показалось, что я ясно вижу, какъ черезъ всю научную работу русскихъ ученыхъ, въ какой бы области они ни работали, проходитъ одно настроеніе, одно нувство, одна мысль: ихъ работа связывается съ жизнью, съ тѣмъ, что мы въ Россіи зо-

¹⁾ Напечатано въ *Essays in legal History* и т. д. См. выше списокъ работъ А. С.

вемъ идею; для русскаго ученаго нѣтъ науки внѣ жизни и безъ жизни; конечно, есть отдѣльныя исключенія, но это тѣ исключенія, которыя, какъ говорится, подтверждаютъ правило. Припомни хорошенько русскихъ ученыхъ и въ XVIII и въ XIX вѣкахъ и въ наши дни, и ты согласишься со мною. Вотъ это мнѣ бы такъ хотѣлось сказать на Западѣ, дать имъ понять, чѣмъ мы живемъ, что житье нашу работу. Не знаю, найду ли я только настоящія слова“. Думается, что я почти дословно запомнилъ сказанное тогда А. С. Боюсь, что онъ счелъ, что не нашелъ настоящихъ словъ для выраженія своей мысли, а разъ не нашелъ, значитъ, думалъ онъ, и не говори ничего.

Немного позднѣе въ октябрѣ 1917 г. А. С. долженъ былъ ѣхать во Францію съ делегаціею для учрежденія въ Парижѣ Русскаго Научнаго Института и для ознакомленія заграничныхъ ученыхъ круговъ съ научною работою русскихъ ученыхъ. Поѣздка по политическимъ причинамъ не состоялась.

Не знаю, сумѣлъ ли я въ своемъ краткомъ очеркѣ дать хоть нѣкоторое представленіе о громадной организационной работѣ, произведенной А. С. въ Академіи Наукъ за тѣ девятнадцать лѣтъ, что онъ пробылъ ея членомъ; для меня, какъ непремѣннаго секретаря Академіи, она была особенно видна: такъ ясно и ярко выступаетъ эта неустанная, проникнутая всегда глубокой, суровой самокритикою работа большого ученаго. Какъ глубоко правъ былъ Александръ Сергѣевичъ, когда говорилъ объ идейности русскаго ученаго! Примѣромъ всей своей жизни и работы онъ доказалъ, что лозунгъ русскихъ ученыхъ, русской науки — наука для жизни, въ самомъ высокомъ и глубокомъ ея пониманіи.

Дорогой другъ, вѣрь, что мы, твои друзья и товарищи въ общей работѣ, чувствуемъ и вѣримъ, какъ ты; какъ ты, не взирая ни на что, мы будемъ продолжать твою — нашу работу, и я увѣренъ, что тогда и тѣ, кто теперь сомнѣвается, поймутъ, наконецъ, какой великій искусъ выдерживали и выдерживаютъ русская наука и русскій ученый, поймутъ и научатся уважать и цѣнить ихъ, и не будетъ тогда тѣхъ ненужныхъ, бессмысленныхъ жертвъ темноты и невѣжества, жертвъ лучшими жизнями страны, тѣхъ жертвъ, одною изъ которыхъ явился ты.

Въ великіе свѣтлые дни русскаго будущаго память объ Александрѣ Сергѣевичѣ Лаппо-Данилевскомъ будетъ свѣтлою памятыю объ истинномъ русскомъ ученомъ.

Сергѣй Ольденбургъ.

А. С. Лаппо-Данилевскій въ Университетѣ.

(Двѣ рѣчи).

I ¹⁾.

Глубокоуважаемый Александръ Сергѣевичъ! Не въ качествѣ члена нашего Историческаго Кружка и не отъ лица тѣхъ, кого принято считать Вашими учениками, рѣшился я сегодня здѣсь, въ тѣсномъ товарищескомъ кругу, выразить въ немногихъ словахъ чувства глубокой признательности, уваженія, благодарности и привязанности къ Вамъ, университетскому учителю тѣхъ „русскихъ историковъ“, которые вступали съ Вами въ научное общеніе не только въ Кружкѣ, но и въ Вашемъ домашнемъ семинаріи.

Наше поколѣніе—вступившихъ въ Университетъ въ 1905 и 6 гг. и проведенныхъ въ немъ слѣдующія 4—5 лѣтъ—навсегда сохранитъ воспоминаніе объ Университетѣ того времени, какъ самое яркое, живое, цѣльное моральное переживаніе. Мы любимъ Университетъ такимъ, какимъ онъ былъ тогда; для насъ была бы щемяще болѣзненная утрата—увидѣть вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ прекрасное архитектурное сооруженіе, на которомъ значилось бы „Петроградскій Университетъ“. Мы любимъ его такимъ, какимъ онъ былъ тогда, когда мы впервые вошли сюда. Длинные хвосты канцелярскихъ очередей и столовыхъ стояній, пылъ столбомъ въ корридорѣ, по которому едва продерешься бывало до библіотеки, тамъ предоконная толкотня съ вытянутыми руками и подчасъ бесплодная, жаръ и духота въ аудиторіяхъ, въ которыхъ никогда не сомнѣвались, что онѣ вмѣстятъ всѣхъ и всѣмъ будетъ хорошо, несмолкающій гулъ этого этажа, нескромно врывающійся въ аудиторію: мы любимъ и это, когда любимъ Университетъ, потому что такимъ онъ былъ тогда, когда мы впервые вошли сюда. Мы шли въ Университетъ каждый изъ

¹⁾ 27 октября 1915 г. Историческій Кружокъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ въ открытомъ засѣданіи, происходившемъ въ помѣщеніи Историческаго Семинаріи, чествовалъ А. С. Лаппо-Данилевскаго, предсѣдателя Кружка, по случаю 25-лѣтія его научно-литературной дѣятельности. Печатаемый здѣсь текстъ воспроизводитъ рѣчь, читанную Б. А. Романовымъ въ означенномъ засѣданіи, безъ какихъ либо измѣненій. Послѣдующія примѣчанія принадлежать автору.

своего уголка, каждый съ своей біографіей, со своей „программой“, со своими чаяніями, но всё мы съ одинаковымъ напряженіемъ рвались туда, потому что тамъ, казалось намъ, настоящая жизнь, жизнь во всёхъ ея видахъ и на всё вкусы, жизнь, которой только и можно жить и которой мы до той поры жить не могли... Но едва-ли мы ждали, что попадемъ въ хаосъ ¹⁾. Намъ пришлось не только присутствовать при „твореніи“, не столько чувствовать себя его жертвами, сколько самимъ творить свою жизнь, утверждать свое существованіе въ мельчайшихъ его подробностяхъ. Можно сказать, что наша жизненная мускулатура свободно и здорово развивалась именно въ этомъ процессѣ свободного выбора и неподсказанныхъ рѣшеній. Тѣмъ легче каждому изъ насъ было брать, что намъ казалось, что намъ не только ничего не навязываютъ, но и не предлагаютъ. Мы знали не мало старыхъ политическихъ вождей и признавали политическія традиціи: мы не знали старыхъ студентовъ и никакого академическаго преданія. Сейчасъ, г.г., мы право же готовы выдать себя за старыхъ студентовъ и съ радостью передали бы наше преданіе. Но не придетъ еще весна—и преданіе въ нашей средѣ, можетъ быть, оборвется ²⁾. Миѣ бы хотѣлось рассказать Вамъ, Александръ Сергѣевичъ, какую роль Вы играли въ сложеніи этого академическаго преданія.

Мы познакомились съ Вами, какъ сказали бы со стороны, слишкомъ рано. Въ 1906 г. Вами былъ объявленъ курсъ методологіи исторіи, дисциплины, о существованіи которой едва ли всё у насъ знали и о которой, тѣмъ болѣе, имѣли сколько нибудь ясное представленіе. Намъ говорили съ деканской кафедры, и намъ самимъ такъ казалось, что историкамъ прежде всего необходимо познакомиться со своей методологіей; разъ она существуетъ. Прямо съ гимназической скамьи, совсѣмъ еще юными (нѣкоторымъ изъ насъ было всего 17 л.) попали мы на Вашу первую лекцію въ одной изъ комнатъ Старо-Физическаго Института. Первое впечатлѣніе: интересно, понятно, но трудно, такъ какъ требуетъ ослабнаго вниманія къ каждому слову. Затѣмъ лекціи были перенесены въ XI аудиторію. Отъ введенія Вы перешли уже къ очерку развитія методологіи исторіи въ литературѣ. Это было еще не столько трудно для пониманія, сколько тяжело для того, чтобы перенести. Обильная литература, много именъ и въ такомъ контекстѣ, который какъ бы предполагалъ, по крайней мѣрѣ, имена намъ

¹⁾ 1906 г. былъ первымъ академическимъ годомъ университетской „автономіи“ и примѣненія т.-наз. предметной системы преподаванія.

²⁾ Военныя обстоятельства складывались тогда такъ, что выдвигалось предположеніе объ отбѣнѣ всёхъ отсрочекъ призыва по высш. уч. заведеніямъ.

извѣстными. Какой-то странный стыдъ за наше невѣжество давилъ на сознание. Многіе теперь, м. б., признаются, что, когда дѣло дошло до „номотетического построения“, мы перестали понимать; въ этомъ плачевномъ состояніи прошло все первое полугодіе, и, надо сказать, что непониманіе какъ-то углублялось, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Думаю, это не случайно, что мы не пришли въ отчаяніе и продолжали тѣмъ болѣе аккуратно посѣщать лекціи. Вами прошла незамѣченной интенсивность умственной радости, когда во второмъ полугодіи мы вдругъ стали вновь понимать. Именно, потому, что было выстрадано, было такъ радостно. Это было совсѣмъ не похоже на другія лекціи, даже философскія. Тамъ мы видѣли фасадъ и не знали черновой работы; тамъ было приспособленіе къ намъ—здѣсь требовалась самодисциплина, упорное вниманіе, непрерывная работа ума безъ всякой надежды на отдыхъ въ теченіе часа. И нельзя было не приходиться, потому что должно было слушать. Еще до появленія Вашего на кафедрѣ въ аудиторіи царилъ какая-то строгость; во время чтенія она ясно сознавалась, какъ неумолимая. Не всѣмъ и не сразу удавалось ее объяснить. Васъ совсѣмъ не знали внѣ кафедры и не умѣли себѣ иначе представить: когда разъ Вы пропустили лекцію, приславъ записку, что Вы больны, нѣкоторымъ это на мгновеніе показалось страннымъ. Только тѣхъ, кто за Вами не записывалъ, поражалъ взглядъ Вашихъ глазъ: онъ хорошо объяснялъ самую строгость, вскрывая ея моральный источникъ.

Слѣдующая фаза нашего знакомства съ Вами, Александръ Сергѣевичъ, экзаменъ. Мы имѣли возможность не разъ быть на Вашемъ экзаменѣ, кто по свой волѣ, а кто и недобровольно. Вашъ экзаменъ былъ не менѣе особливъ, чѣмъ Ваша аудиторія. И здѣсь импонировала не столько внѣшняя сторона его, сколько содержаніе самаго діалога. Вы съ ровнымъ вникающимъ вниманіемъ слѣдили за сплосью и рядомъ сбивчивою и терминологически неясною рѣчью экзаменуемаго; въ Васъ свѣтилось заранѣе благожелательное отношеніе къ личности студента, которое непрерывно сочеталось съ логической требовательностью. Какъ сейчасъ помню день, когда пришелъ, наконецъ, экзаменоваться и я; экзаменъ начался въ 2 ч. дня и длился безъ малѣйшаго перерыва до двѣнадцатаго часа ночи, когда пришелъ мой чередъ; въ процессѣ отвѣта я ничуть не волновался, вопреки обыкновенію—такъ вѣрилъ я въ Васъ... и я не могу забыть Вамъ тѣхъ двухъ минутъ (которыя мнѣ, конечно, показались тогда вѣчностью), что у меня прервалось теченіе мысли, и я молчалъ, ловя ее подъ мѣрный звукъ Вашихъ шаговъ: я зналъ, что Вы дадите мнѣ собраться съ силами. Я бы сказалъ, что уваженіе къ личности

человѣка—это рѣдкая, характернѣйшая черта Вашего экзамена. Экзаменъ въ этомъ смыслѣ былъ для насъ тоже урокомъ.

До сихъ поръ, слушая и наблюдая Васъ, мы, специалисты по русской исторіи, зная, что Ваша литературная дѣятельность обнимала русскую исторію по преимуществу, не знали въ Васъ „русскаго историка“. Больше того: слѣдя за методологіей, мы иногда жадно ждали, чтобы среди многочисленныхъ историческихъ примѣровъ въ Вашемъ курсѣ появились они изъ родной намъ русской исторіи, — и не дождались ни разу. Нечего и говорить, что, когда Вы объявили въ 1908 г. курсъ русской исторіографіи, — мы всѣ тамъ оказались въ сборѣ. И мы всѣ жалѣемъ и по сей день, что курса этихъ лекцій нѣтъ хотя бы въ литографіи. Мы кончали слушать его тоже съ сожалѣніемъ, что не послѣдуетъ его продолженія. Но мы уже были крѣпко убѣждены, что просить Васъ читать исторіографію вплоть до Ключевского было тогда любознательностью, которая не считалась бы съ научнымъ цѣломудріемъ.

Когда въ 1909 г. мы рѣшились принять участіе въ Вашихъ практическихъ занятіяхъ по исторіи крестьянъ, мы хорошо знали, на что идемъ: было общепризнаннымъ, что въ основѣ занятій ляжетъ строго продуманная система, что вопросы, Вами поставленные въ опредѣленной связи, должны дебатироваться въ этой связи, что разработка всякаго вопроса должна опираться на этотъ, а не на иной кругъ матеріала, что этотъ матеріалъ долженъ быть исчерпывающе и методически изученъ, что докладъ о немъ долженъ быть представленъ въ намѣченный, а не иной срокъ. По Вашей мысли нашими старшими были прочитаны руководящіе доклады, указавшіе намъ нѣкоторые приемы работы надъ матеріаломъ. Для нѣкоторыхъ изъ насъ такая постановка занятій была необычной, но давно желанной. То, что мы сами пытались ввести въ другихъ семинаріяхъ и что намъ роковымъ образомъ не удавалось, оказалось обеспеченнымъ у Васъ: занятія шли не отъ понедѣльника до понедѣльника, въ мучительномъ подчасъ состояніи невѣдѣнія, что будетъ со слѣдующимъ понедѣльникомъ, будетъ ли приготовленъ какойнибудь докладъ и будетъ ли онъ сопровождаться обмѣномъ мнѣній. Я не помню ни одного неудавшагося вечера и я не помню доклада безъ преній; наоборотъ, я помню, какъ зачастую къ преніямъ готовились, и докладъ подвергался внимательной товарищеской критикѣ. Въ своей страстности пренія не переходили, однако, никогда той деликатной черты, что отдѣляетъ личное отъ объективнаго. И это не зависѣло отъ состава участниковъ занятій, а бессловесно требовалось Вами. Всякій вечеръ былъ для участниковъ чѣмъ-то цѣльнымъ, потому что заканчивался

Вашимъ заключеніемъ. Оно всегда исчерпывало содержаніе преній, давало дополнительную критику доклада и выправляло неясную или неудачную постановку вопроса. Въ Вашихъ занятіяхъ мы, помимо всего прочаго, учились уважать чужую мысль, учились строго относиться къ своей. Тѣ изъ насъ, кто былъ легокъ на слово, привыкали его взвѣшивать, чтобы имъ не злоупотребить. Глядя на Васъ, прислушиваясь къ Вамъ, нельзя было говорить, напримѣръ, о занимательности предмета, о пикантности мысли; надо было говорить, что предметъ имѣетъ объективное значеніе, что мысль заслуживаетъ вниманія потому-то. Въ дѣловомъ общеніи съ Вами трудно было рѣшиться мотивировать свой поступокъ, необходимо было его обосновать. Если хотите, мы боялись Васъ, Александръ Сергѣевичъ, но это былъ страхъ логическій, страхъ этический; и ни дотѣ, ни другой въ отдѣльности, а оба они въ нерасплетаемомъ сочетаніи. Я не знаю, думали ли Вы его намъ внушать, когда его внушали. Насколько помню, однако, дальше внушенія Вы не шли: Вы никогда не высказывались.

Только разъ во время студенческой забастовки въ 1908-9 г. Вы пришли на очередную лекцію методологіи и застали насъ здѣсь человекѣ 6—7; на кафедрѣ Вы не взошли, а предложили обмѣняться взглядами на происходящее. Вы ставили вопросъ не о цѣлесообразности забастовки, а о ея допустимости въ этихъ стѣнахъ вообще. Вы сказали намъ, что, ничуть не отрицая необходимости протеста, какъ момента политической борьбы, Вы не считаете возможнымъ дѣлать Университетъ его ареной. Вы настаивали на томъ, что нельзя объективныя культурныя цѣнности нести въ жертву инымъ цѣлямъ, что эти цѣнности должны существовать, какъ таковыя, непривосновенно и непрерывно; указывали на деликатность культурной традиціи и необходимость бережнаго съ ней обращенія, на хрупкость Университета въ русской дѣйствительности. Острое впечатлѣніе, помню, произвели Ваши слова о томъ, что руки готовы опуститься, когда видишь, какъ Университетъ приносится въ жертву: „да стоитъ ли тогда и биться за научную культуру, ее поддерживать, и не лучше ли все бросить!“ Подлинный трагизмъ звучалъ въ этихъ словахъ для тѣхъ, кто зналъ, что дня за два до того Вы, ничего не подозревая, прочли во II аудиторіи очередную лекцію исторіографіи и послѣ, узнавъ, что въ Университетѣ—городовые, горько сожалѣли, что объ этомъ не знали: а то бы въ аудиторію не вошли... Васъ хорошо выслушали и очень хорошо поняли; не хуже, чѣмъ Вы—нашъ отвѣтъ, что иначе—не можемъ. Не промелькнуло ни тѣни, ни тѣни...

Простите, дорогой Александръ Сергѣевичъ, за все, сегодня мною Вамъ здѣсь въ глаза высказанное. Я всѣмъ существомъ чувствую,

что по своему будетъ правъ тотъ, кому покажется оно неумѣстнымъ. Но я прошу Васъ вѣрить, что оно—отъ искренняго сердца. И Вамъ это будетъ тѣмъ легче, что всѣ, кто здѣсь меня знаетъ, подтвердятъ, какъ трудно мнѣ всегда было принудить себя говорить на людяхъ, и какъ легко было получить отъ меня согласіе привѣтствовать Васъ сегодня. Я рискнулъ на это подъ тѣмъ непремѣннымъ для меня самымъ условіемъ, чтобы сказать Вамъ и то, чего никто никогда Вамъ не говорилъ до сихъ поръ и никто, вѣроятно, никогда не скажетъ послѣ. Вѣдь, сегодня, м. б., послѣдній подходящий къ тому случай; м. б., многихъ изъ насъ Вы и не увидите больше.

Если бы можно было оставить будущимъ молодымъ историкамъ наше товарищеское завѣщаніе! Мы бы сказали имъ: какъ бы ни были разнообразны ваши историческіе интересы, они безъ труда найдутъ удовлетвореніе въ многообразіи университетскаго преподаванія, но если вы хотите получить строгое научное воспитаніе и внутренне-культурный закалъ,—идите въ аудиторію Александра Сергѣевича. Тамъ вамъ не дадутъ мыслить не строго, тамъ приучатъ васъ уважать чужую мысль; тамъ упорно вяжется культурная традиція, тамъ неугасимый очагъ честной мысли. Въ свое время ваши предшественники, носившіеся по пыльному корридолу и душнымъ аудиторіямъ, жили всей полнотою неустроенной университетской жизни. Въ аудиторіи Александра Сергѣевича, о чемъ бы ни шла рѣчь, они многому могли научиться. Но то принципиальное, въ чемъ сходятся логическія и этическія нити человѣческой природы, постигалось ими интуитивно—сквозь призму личнаго облика Александра Сергѣевича.

Намъ не нужно Васъ видѣть, чтобы его—не забыть.

II ¹⁾.

Смерть А. С., роковымъ образомъ совпавшая съ 10-лѣтнимъ юбилеемъ Историческаго Кружка, обращаетъ юбилей въ поминаніе. Но, вѣдь, и утрата, понесенная Кружкомъ столь значительна, что можно опасаться его распада. Мучительны будутъ поиски преемника А. С.—чу, и трудно будетъ положеніе преемника. Въ этомъ смыслѣ А. С. оставилъ по себѣ плохое наслѣдство—неподвижный, неизгладимый

¹⁾ Читано Б. А. Романовымъ 15 апрѣля 1919 г. въ юбилейномъ (10-лѣтіе существованія) засѣданіи Историческаго Кружка, посвященномъ памяти А. С. Лаппо-Данилевскаго. Ред.

въ памяти, властно отчерченный зрительный образъ: заслонить его легче дерзнуть, чѣмъ сумѣть до конца это выдержать. Въ свое время, привѣтствуя здѣсь А. С—ча по случаю его 25-лѣтняго юбилея, мы, не стѣсняясь его присутствіемъ, говорили, что „въ аудиторіи его—въ семинаріи и на лекціяхъ—можно было многому и безконечно учиться, но то принципиальное, въ чемъ сходятся логическія и этическія нити человѣческой природы (и чѣмъ такъ крѣпко прельщала и въ мигъ укрощала А. С.), мы познавали интуитивно—сквозь призму личнаго облика А. С—ча“. И прибавили: „намъ не нужно Васъ видѣть, чтобы его не забыть“...

И его не нужно вызывать сейчасъ, потому что онъ у всѣхъ насъ передъ глазами. Точь въ точь, какъ бывало при жизни. Но кто не видалъ А. С—ча на этомъ предѣдательскомъ креслѣ въ засѣданіяхъ Кружка, тотъ рискуетъ остаться въ невѣдѣніи относительно одной любопытнѣйшей подробности душевнаго обихода А. С—ча.

Нѣтъ сомнѣнія, что А. С. былъ хорошо расположенъ къ академической молодежи, и всѣ, прошедшіе черезъ его семинаріи, это на себѣ испытали. Я даже думаю, что въ ея средѣ онъ чувствовалъ себя хорошо и, м. б., лучше, чѣмъ въ иной. Но въ семинаріяхъ отношеніе А. С—ча къ участникамъ осложнялось и подгибалось подъ тяжестью точно продуманнаго и неумолимо проводимаго режима, который былъ продиктованъ учительскимъ долгомъ и велъ къ образованію того, что слѣдуетъ назвать школой А. С—ча. Только въ Историческомъ Кружкѣ А. С. попадалъ въ обстановку такого сочетанія свободы и необходимости, которое искупало затрату времени и, иной разъ, скуку и дѣлало изъ предѣдательства здѣсь для него какъ бы отдыхъ. А. С., вѣроятно, чувствовалъ себя въ этихъ случаяхъ, какъ взрослый, котораго маленькіе зазвали на свой дѣтскій спектакль и чай изъ игрушечнаго самовара, а онъ у нихъ—гость. На нашихъ засѣданіяхъ оттого и намъ было такъ тепло и уютно, что нигдѣ въ столь чистомъ видѣ не обнаруживалась прямая расположенность къ намъ А. С—ча. Если угодно, и тутъ былъ актъ учительскаго долга, но онъ на рѣдкость счастливо совпадалъ съ произвольнымъ душевнымъ движеніемъ. Было исключительно легко наблюдать А. С—ча, потому что не всякій могъ себѣ въ томъ отказать—такъ особенъ и прекрасенъ былъ весь обликъ его. Но именно выдержанность самаго облика и, при природной подвижности, скупость на жестъ и движеніе требовали пристальнаго вниманія, чтобы уловить оттѣнки; а они были. Настаиваю, что въ этомъ креслѣ и на засѣданіяхъ Кружка поза А. С—ча была покойнѣе, и ясный взглядъ его былъ ласковѣе, и весь онъ былъ мягче и проще. Такъ

казалось, по крайней мѣрѣ, рядовому посѣтителю засѣданій Кружка, семинарія, Историческаго Общества.

10 февраля мы проводили въ могилу любимаго и чтимаго руководителя. При жизни его Кружокъ и въ тяжкихъ обстоятельствахъ не могъ бы прекратить свое существованіе: настолько ни у кого изъ насъ не хватило бы смѣлости заговорить о его закрытіи съ А. С-чемъ. Тѣмъ болѣе теперь: нашъ долгъ передъ ушедшимъ—уберечь Кружокъ отъ распада и поддерживать его научную жизнь. Усвоеніе ему имени А. С. Лаппо-Данилевскаго ¹⁾ было бы лучшимъ знакомъ нашей благодарности и любви къ покойному. Десятилѣтнее руководство А. С-ча неопѣнимо для Кружка, и пусть Кружокъ крѣпко держится за имя А. С-ча, какъ крѣпко живой А. С. смыкалъ насъ въ Кружкѣ той силой своей, что неослабно дѣйствовала въ нашей средѣ съ первыхъ дней нашей съ нимъ встрѣчи въ Университетѣ.

И замѣчательно, точно всѣ тогда сговорились о своемъ къ нему отношеніи: я не помню споровъ и разногласій вокругъ имени А. С-ча, кажется, что не было здѣсь ни порывистыхъ увлеченій, ни разочарованій. Попавая въ сферу дѣйствія его личности, мы, тогда еще молодые студенты, нечувствительно оказывались въ стихіи душевнаго равновѣсія и моральной устойчивости, безулыбочнаго и незлобиваго подхода къ предметамъ повседнежнаго наблюденія и научнаго изученія, и безотчетно и легко ей подчинялись сейчасъ же. Секретъ такого вліянія А. С-ча лежалъ въ цѣльности его моральной личности, а быстрота передачи—въ гармоническомъ воплощеніи ея въ мельчайшихъ чертахъ и всемъ контурѣ А. С-ча.

Секретъ этотъ А. С. безвозвратно унесъ съ собою. Поколѣніе, которое будетъ знакомиться съ А. С-чемъ только черезъ научно-литературное его наслѣдіе, насъ понять не сумѣетъ. Но передъ нимъ зато не будетъ стоять та мучительная для любившихъ А. С-ча проблема примиренія двухъ ликовъ его: цѣльнаго и яснаго въ учительскомъ дѣйствіи и мученическаго и мятущагося въ уединеніи творческаго усилія и одиночествѣ глубокой научно-философской неудовлетворенности.

Б. Романовъ.

¹⁾ Предложеніе это было принято въ этомъ же засѣданіи единогласно.

Воспоминаніе ученика ¹⁾.

Тотъ семинарій по дипломатикѣ, участникомъ котораго мнѣ пришлось быть въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ окутанъ въ университетской средѣ дымкой таинственной неизвѣстности. Что было предметомъ нашихъ занятій, неясно представляли себѣ не только наши сотоварищи, но подчасъ такъ же себя чувствовали почтенные сотоварищи покойнаго Александра Сергѣевича. Въ разговорѣ съ однимъ изъ участниковъ семинарія профессоръ-юристъ удивленно спрашивалъ его (тоже юриста по университетскому образованію), какимъ же образомъ онъ дошелъ до занятій дипломатіей, занятій внѣшней политикой. Студенческая молодежь боялась итти въ семинарій, судя о работѣ въ немъ по общему малодоступному для нея лекціонному чтенію А. С. Другіе, наши сверстники, войдя было въ семинарій, но почему либо отошедши нѣсколько отъ напряженнаго въ немъ труда, потомъ быстро оказывались въ положеніи отставшихъ и тоже лишь заинтересованныхъ нашей работою чужаковъ.

И подлинно, то, что такъ случилось, что нашъ семинарій даже въ первые годы своего существованія сталъ пользоваться славой чего то малодоступнаго, хотя доступъ туда былъ всемъ открытъ, это было не случайно, какъ не случайно было и то, что уже попавшій туда новичокъ попадалъ здѣсь въ искусь и первый годъ пребывалъ въ нашей средѣ однимъ прислушивающимся къ суровому дѣлу молчальникомъ. Не случайно было это потому, что наша семинарская работа неизбѣжно должна была явиться творческою, созидательною. Дипломатика частныхъ актовъ—область знанія, почти неизвѣстная русской научно-исторической литературѣ, мало разработанная и въ передовой западно-европейской. Бѣглыя общія замѣчанія, въ родѣ тѣхъ, что у Giry или Meister'a, едва могли удовлетворить даже только присутствующихъ къ дѣлу.

¹⁾ Было читано въ Историческомъ Кружкѣ при Петербургскомъ Университетѣ на собраніи, посвященномъ памяти А. С. Лаппо-Данилевскаго. На этомъ собраніи дѣятельность А. С., какъ руководителя студенческихъ кружковъ и семинаріевъ, очерчена была въ четырехъ докладахъ. На долю пишущаго эти строки выпала задача характеристики семинарія по дипломатикѣ.

Первоначально казалось, что семинарій имѣлъ задачу узкую до крайности, казалось, что задачу чисто библиографическую. Составить каталогъ частныхъ актовъ—что можетъ быть яснѣе этого? Но вы прекрасно знаете, что для А. С. всякое сужденіе было связано съ проблемою его основаній. И мы скоро перешли отъ нашей практико-библиографической работы къ глубокимъ и сложнымъ вопросамъ. Само понятіе частнаго акта явилось однимъ—логически первымъ—изъ этихъ вопросовъ. И судите, какъ сложно и разносторонне сталъ передъ нами этотъ вопросъ, если А. С. перенесъ его на обсужденіе особаго совѣщанія изъ своихъ коллегъ-юристовъ. Вслѣдъ за первымъ вопросомъ послѣдовали другіе. И это понятно, ибо каждый запросъ текущей работы не мыслился иначе, какъ въ своемъ принципиальномъ обоснованіи. Проблема элементовъ акта—того, что дипломатика знаетъ подъ названіемъ клаузулы—вотъ, что стало далѣе передъ нами. Отъ анализа мы переходили къ синтезу, отъ проблемы актовой клаузулы къ проблемѣ актоваго формуляра. Въ ходѣ практической работы постепенно вырисовывались передъ нами общія предпосылки изученія актовъ вообще, за которыми должно было послѣдовать и послѣвовало изученіе разновидностей частнаго акта. Такъ, естественно, съ сознаниемъ методологической принудительности, шагъ за шагомъ, мы переходили отъ работы библиографической къ работѣ дипломатико-юридической, какъ къ ея предрѣшительницѣ.

Эти пройденные нами этапы, въ полномъ смыслѣ этого слова пережитые нами, любовно отразились въ нашей семинарской средѣ. Нашъ составъ былъ мало измѣнчивъ. Почти въ одномъ и томъ же числѣ, въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы регулярно по четвергамъ собирались въ 'пріемномъ кабинетѣ А. С., и когда замѣчали, что за общей бесѣдой проскользнули академическіе четверть часа,—переходили въ столовую. Здѣсь за большимъ столовымъ столомъ у каждаго было свое, годами закрѣпленное, мѣсто; оно сохранялось за нимъ и въ отлучкѣ, и явившись снова, онъ находилъ около себя своихъ старыхъ традиционныхъ сосѣдей. Такъ вотъ, въ этой сроднившейся средѣ получилъ свое гражданство всеобразный парламентскій жаргонъ. У насъ была своя правая, свой центръ, своя лѣвая. Правая хотѣла библиографически и практически рѣшать наши колебанія и сомнѣнія, лѣвая неизмѣнно стремилась къ теоретическому ихъ разсмотрѣнію. Колеблющійся двуликій центръ обращалъ свое лицо то вправо, то влѣво.

Однако, въ этой индивидуально расчлененной дружной средѣ сказались не только тернистые пути нашихъ дипломатическихъ исканій. Здѣсь легко уловить и тѣ методы работы А. С., которые однимъ знакомы

по лекціямъ, другимъ—по печатнымъ трудамъ А. С. Но вотъ нѣсколько деталей для пониманія того многообразнаго вліянія, которое на насъ оказывалъ А. С. и изъ котораго каждый черпалъ то, что болѣе соотвѣтствовало его личному духовному укладу. Въ теченіе любого семинарскаго вечера намъ приходилось прочитывать не одинъ актъ. И случалось, что когда одинъ изъ насъ читалъ, А. С. обращался къ его сосѣду съ предложеніемъ слѣдить по книгѣ за правильностью чтенія. Вотъ другой примѣръ. Результатъ нашей библиографической работы заносился на листки, и непрестанно настаивалъ А. С. на томъ, чтобы форматъ листковъ оставался тождественнымъ, чтобы сокращенія были однообразны, чтобы, однимъ словомъ, внѣшняя чистота работы опредѣленно блюлась. То же и съ порядкомъ работъ. На обязанности секретаря семинарія было вести протоколы нашихъ собраній. Всякое принятое послѣ обсужденія практическое рѣшеніе заносилось, кромѣ того, еще въ особую тетрадку, съ которою часто, почти въ каждый очередной четвергъ, приходилось справляться. И это внѣшнее дѣло явно у насъ прогрессировало. Взглянувъ на всю совокупность нашихъ каталожныхъ листковъ, что была создана послѣдовательно развивающейся работой, всякій даже малоопытный взглядъ уловилъ бы здѣсь и ту пору работы, которую мы съ радостнымъ чувствомъ превозшедшихъ называли доисторическою эпохою, и время прогресса ея. Путь пройденъ былъ не малый, отъ наивнаго библиографическаго сознанія къ принципиально-обоснованному. На мѣсто случайнаго состава записи становился другой, цѣлеобусловленный. Теперь думается, вы поймете, быть можетъ, что стало съ работникомъ того психическаго уклада, что болѣе склоненъ къ библиографическому типу работы. Онъ чувствовалъ себя приподнятымъ и окрѣпшимъ лишь только эти элементы нашихъ занятій стали пріобрѣтать твердыя очертанія, онъ увидѣлъ здѣсь фактъ подлинно-научной работы, и увидѣвъ это, пересталъ тяготѣть къ другимъ проблемамъ, вновь и вновь волновавшимъ семинарій. Вотъ научно-психологическій моментъ, создававшій въ процессѣ непрерывнаго и систематическаго труда нашу правую и питавшій ее.

Другіе вслѣдъ за А. С. шли, конечно, дальше. Но и здѣсь опять на путяхъ семинарскихъ исканій часть отстала, создавъ въ нашей средѣ новую дифференціацію. Именно частный актъ давно уже вошелъ въ научно-литературный оборотъ. Не только въ трудахъ по исторіи гражданскихъ отношеній русскаго общества, но и при изученіи социальныхъ отношеній въ древней Руси нельзя уже было пройти мимо актовaго матеріала съ частно-правовымъ содержаніемъ. И въ любомъ подобномъ изслѣдованіи, хотя бы по исторіи крестьян-

ства, вы найдете пользованіе этимъ родомъ источниковъ. Пожалуй, что это въ послѣдніе годы стало привычнымъ. Но А. С., вѣдь, и не остановился на этомъ. Ибо самъ актъ былъ подвергнутъ критическому изученію, тому, что и принято называть дипломатическимъ изученіемъ акта. Чѣмъ дальше углублялась наша общая работа, тѣмъ понятнѣе намъ становились цѣли А. С.—это упорное привлеченіе насъ къ занятіямъ дипломатикой. Постепенно изученіе акта переставало для насъ быть единственно средствомъ для болѣе умѣлаго прикладного его использованія, онъ начиналъ жить въ нашемъ сознаніи особою своею индивидуальною жизнью. Составъ акта, его формуляръ, оказывался то устойчивымъ, то колеблющимся; то статическимъ, то эволюционирующимъ; съ типической точки зрѣнія то богато представленнымъ, то поразительно скуднымъ. Установить факторы созданія именно такого, а не другого характера данной группы актовъ, дать живую исторію акта—это была цѣль, новая для русской науки, и не сразу усвоенная всѣми нами. Но если для части изъ насъ дипломатика пріобрѣтала такое независимое значеніе области самостоятельныхъ проблемъ, то изъ остальныхъ одни продолжали тяготѣть къ исходнымъ точкамъ—къ собственно историческому изслѣдованію со стремленіемъ лишь служебно понять роль акта (они то и стали нашимъ центромъ), другіе же поняли дипломатику своеобразно, независимо отъ исторіи собственно, желая прежде всего и едва ли не только всего ключузульного анализа акта (наша же правая).

Не случайно здѣсь такъ детально охарактеризована наша внутри-семинарская жизнь. Рядъ такихъ крупныхъ расхожденій, будь онъ въ другой средѣ, обозначалъ бы расколъ группы, обозначалъ бы, что при такой разнородности индивидуальныхъ характеровъ сотрудниковъ и ихъ рабочихъ наклонностей нѣтъ той почвы, что могла бы ихъ объединить. А между тѣмъ мы все время чувствовали себя крѣпко сплоченными, и сказанныя разъ А. С. слова духовной Симеона, князя московскаго, о непрерывности труда: „свѣча бы не угасла“, они глубоко врѣзались въ коллективномъ нашемъ сознаніи. Въ нашей средѣ не разъ поднимался этотъ вопросъ, и надъ тѣмъ, что именно такъ тѣсно спланивалось насъ, мы одно время—оно совпало приблизительно съ научнымъ юбилеемъ А. С.—много задумывались и толковали. Были моменты, когда казалось, что въ будущемъ намъ суждено распасться, но все яснѣе становилось, что научно мы несомнѣнно представляемъ что-то единое. И было тогда произнесено то слово, что внѣшне, слишкомъ внѣшне характеризуетъ единство

учениковъ вокругъ творческой идеи подлиннаго учителя, мы заговорили о „школѣ“, стали осознать ея начала...

Когда мы собирались у А. С. въ обычный четверговый часъ, мы не такъ собирались, какъ приходятъ студенты въ привычный университетскій семинарій. Да, за послѣднія пять шесть лѣтъ почти весь семинарій, по крайней мѣрѣ, его подавляющее большинство уже распрощалось съ своею alma mater. На четвергѣ можно было увидѣть и того, кто, кончивъ университетъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, бывало, временно отходилъ и при первой возможности, жизненно возмужавъ, вновь возвращался; можно было увидѣть и того, подъ чьимъ руководствомъ начинало уже учиться слѣдующее университетское поколѣніе. И на четвергахъ у А. С. традиціонно царила атмосфера какой-то тишины, какой-то духовной приподнятости. Въ сознаниі отзывалось, что здѣсь мы не просто разбираемъ спорность одного или правильность другого утвержденія, но что въ нашемъ дѣлѣ есть что-то высшее, что-то сверхъ повседневно привычной работы. Слово мы переступали изъ міра эмпирической дѣйствительности и переходили въ предѣлы абсолюта. Характеренъ поэтому былъ самъ тонъ нашихъ занятій въ тотъ моментъ, когда мнѣнія расходились, обострялись, когда долженъ былъ вспыхнуть, казалось бы, отъ волненія бросаемихъ искръ крупный пожаръ—и этого не происходило и тогда произойти не могло. Было то, что насъ сдерживало, какое-то отчетливое цѣломудренное чувство. Иногда весь душевный задоръ разрѣшался дружески обращенною къ противнику улыбкою. Думается, что эта исключительная атмосфера, гдѣ знаніе и наука поднимались на надлежащія свои абсолютныя мѣста, она была первымъ изъ силочивавшихъ насъ элементовъ.

Но если попытаться глубже и проникновеннѣе осознать этотъ духъ нашего единства, отражавшій самое личное А. С., въ немъ почувствуются явно нравственныя чувства, этический императивъ. То, что мы дѣлали, не было для насъ „отвлеченнымъ началомъ“, оно проникало въ душу, какъ изъ живого родника цѣлостнаго міроощущенія. Чувство долга владѣло нами въ занятіяхъ, не только въ ихъ научной сущности, но и въ ихъ житейскомъ существѣ. Тотъ рѣдкій, кто манкировалъ ими, либо не выполнялъ принятаго на себя труда, возбуждалъ въ отношеніи къ себѣ отрицательныя чувства, о немъ не могли говорить иначе, какъ съ раздраженіемъ, и понятно: онъ нарушалъ то высшее, что для насъ было. И въ то же время возвращеніе всякаго времени отошедшаго воспринималось, какъ внутреннее наше торжество. Весь семинарскій трудъ для насъ былъ постепеннымъ осуществленіемъ требуемой нашимъ самосознаніемъ цѣли.

Быть можетъ, многимъ дается это чувство въ минуты исключительнаго подъема,—насъ въ чемъ воспитывалъ четвергъ, тѣмъ клалъ на всѣхъ неизгладимую печать личности А. С. и тѣмъ же самымъ создавалъ ту подоснову нашей психики, что, залегши въ насъ, болѣе, чѣмъ что-либо, насъ объединила. Въ связи съ осознаніемъ этого чувства можно понять одну сразу обращающую на себя вниманіе особенность нашей работы. Тотъ сборникъ, который былъ поднесенъ А. С., какъ посильная дань благодарныхъ учениковъ въ ознаменованіе его научнаго юбилея, заключалъ въ себѣ статьи почти-что студенческія. А вмѣстѣ съ тѣмъ, взглянувъ на научный аппаратъ работъ, на ихъ подстрочныя ссылки, нельзя не сказать, что рядъ примѣчаній оказался неожиданнымъ не только для средняго современнаго ученаго, но даже для знатока печатнаго актовaго матеріала. Это—въѣдъ черта, ставшая достояніемъ молвы, когда рѣчь заходила о трудахъ самого А. С. Они затягивались. Капитальнѣйшій трудъ А. С. по исторіи идей, о которомъ, какъ пришлось слышать отъ покойнаго В. И. Семеvскаго, говорили уже въ концѣ 90-хъ гг., такъ и остался посмертнымъ трудомъ. Изданіе грамотъ Коллегиі Экономіи—другой общеизвѣстный примѣръ этой длительной, быть можетъ, тягостной, но требуемой внутреннимъ чувствомъ затыжки. Прежде чѣмъ появиться въ печати, листъ могъ выдержать и 10 и 12 корректуръ, да и послѣдняя корректура могла залежаться, потому что А. С. понадобилась московская справка. Да, эта черта научной практики насъ заражала. Намъ бывало стыдно, если кто-либо позволялъ себѣ строить свои заключенія, не привлекая всего возможнаго матеріала, удовлетворяясь тѣмъ, пусть даже многимъ, что безъ труда доступно. И самъ докладчикъ въ тѣхъ случаяхъ чувствовалъ себя виноватымъ, и А. С. не могъ сдержать своего неудовольствія. Такъ вспоминается одинъ докладъ незабвеннаго А. В. Тищенки, котораго А. С. не допустилъ къ обсужденію, такъ какъ не былъ использованъ надлежащій матеріалъ. Это блюденіе матеріала, кирпичей нашего рабочаго зданія, просвѣтляло нашу душу. Проработавъ тему, представивъ ее на судъ А. С., мы творили въ себѣ психологію научной увѣренности, твердой научной устойчивости.

Сама наука представала въ новомъ для насъ свѣтѣ. Тѣ, кто слушалъ лекціи А. С., помнятъ характерное для А. С. выраженіе, которымъ часто А. С. начиналъ новое предложеніе: „съ такой именно точки зрѣнія“. И вотъ эти-то „точки зрѣнія“, это выясненіе, прежде всего, того, почему я такъ могу думать и говорить, и только потомъ переходъ къ конкретному думанію и говоренію о данномъ предметѣ, оно клало на насъ особый отпечатокъ, общій всѣмъ намъ. Для всѣхъ насъ этотъ новый подходъ къ наукѣ долженъ былъ сопровождаться

кризисомъ мысли. Мы переживали чувство духовнаго перелома, не только одного лишь интеллектуальнаго, въ сферѣ исключительно лишь мышленія. Концы становились для насъ началами, начала—концами. Думается, что пережить это пришлось всѣмъ намъ, кромѣ тѣхъ развѣ, что были на четвергахъ случайными гастролерами. Вновь постепенно приобретаемый навыкъ становился уже произвольнымъ, инстинктивнымъ движеніемъ мысли. И не только въ узкой сферѣ научной методологіи: вся психика перерождалась. Нами уже не владѣли конкретные факты, почему-либо сами по себѣ притягивавшіе насъ. Позади міра фактической множественности настоятельно всякій разъ вставали проблемы его предпосылокъ, тѣхъ непоколебимыхъ предпосылокъ, что наше сознаніе несетъ въ эмпирической міръ, и которыя однѣ только и даютъ возможность его опознать. Наука выростала въ нашей душѣ. Все, что мы ни дѣлали, пусть этимъ была элементарная запись на библиографической карточкѣ, и та должна была предварительно быть пережита нами, какъ нѣчто научно-творческое. Характернымъ съ этой точки зрѣнія былъ въ семинаріи порядокъ обсужденія докладовъ. Тотчасъ послѣ прочтенія доклада, А. С. обычно бралъ слово себѣ, и всегда для одной и той же темы—не для того, чтобы дѣлать замѣчанія по существу доклада, что дѣлалось А. С. лишь послѣ обсужденія, въ его заключительномъ резюме. Его первыя замѣчанія были исключительно методологическими: способы использования матеріала, архитектоника доклада и т. д. Кто слышалъ А. С. на университетскихъ диспутахъ, тотъ могъ уловить въ его возраженіяхъ тѣ же самыя, что только упомянуты, черты.

Быть можетъ, изъ всѣхъ этихъ бѣглыхъ, еще слишкомъ волнующихъ воспоминаній, вы сумѣете уловить психологію нашего научно-нравственнаго подъема.

Если до сихъ я все говорилъ о нашемъ единствѣ, то теперь хочу указать на одну характернѣйшую для учительскихъ пріемовъ А. С. черту. Въ обычномъ семинарскомъ собраніи, послѣ вступительныхъ къ преніямъ замѣчаній А. С., о которыхъ только что упоминалось, наступалъ обмѣнъ мнѣній. И пока говорилъ одинъ, другой, третій, А. С. чаще всего не произносилъ ни слова по существу. Даже болѣе: когда возгорался споръ, былъ предѣлъ, до котораго А. С. не тушилъ его, оставаясь все время единственно въ положеніи посторонняго зрителя. И лишь когда стороны заходили въ тупикъ, когда становилось ясно, что ни у одной нѣтъ рѣшающихъ аргументовъ, лишь тогда вмѣшивался А. С., то указывая на слабость обѣихъ защищаемыхъ позицій, то критически оцѣнивая сравнительную крѣпость одной изъ нихъ. Но именно въ этихъ замѣчаніяхъ, отъ

которыхъ такъ и вѣяло методическою осторожностью, подчасъ граничащею со скепсисомъ, понятнымъ становилось молчаніе А. С. Это было глубокое уваженіе къ молодой нашей мысли, стремленіе дать ей развернуть свою затаенную сущность, не разъ неясную въ неполнотѣ своей лишь мужающему уму ея обладателя. Быть можетъ, многіе замѣчали тотъ пристальный взглядъ, съ которымъ А. С. слѣдилъ за говорившимъ. А. С. переживалъ, это ясно было, пути и муки нашей мысли. Вѣроятно, это свойство давало А. С. такую удивительную чуткость въ отношеніи къ нашей индивидуальности, такое исключительное стремленіе А. С. подойти къ нашимъ личнымъ запросамъ, и никогда—поставить насъ въ услуженіе своихъ собственныхъ. Кто приходилъ къ А. С. за выборомъ темы, будь то для студенческаго зачетнаго сочиненія, будь то для монографической работы, всегда находилъ одно и то же: А. С. обсуждалъ прежде всего интересы своего собесѣдника и, изъ нихъ исходя, предлагалъ ту или другую тему. Такъ и могло создаваться то, что среди предлагаемыхъ А. С. темъ оказывалась и тема по исторіи хозяйственнаго быта, и тема по исторіи идей, и по исторіи Новгорода, и по Московскому государству, и по эпохѣ Имперіи, и по XVI в., и по XIX в. Чуткость къ нашей индивидуальности, признаніе ея цѣнности, ея права самостоятельно и по своему рѣшать мучащіе ее вопросы ярко сказывались и тогда, когда дѣло шло о вопросахъ практики, жизни. Когда въ 1911 г. вспыхнула памятная, послѣдняя крупная студенческая забастовка, отъ имени семинарія часть членовъ его отправилась къ А. С. съ просьбою не являться на обычные, теперь пустующія семинарскія занятія, мотивируя тѣмъ, что мы считаемъ себя не вправѣ ихъ посѣщать, съ просьбою и о томъ, чтобы А. С. велъ съ нами на дому занятія, но на другую тему, которыхъ нельзя было бы считать продолженіемъ начатаго семестра. А. С. только заявилъ намъ, что разъ мы для себя морально полагаемъ невозможными эти занятія, то онъ, конечно, ихъ вести не будетъ. Именно это рѣшеніе было шагомъ къ преобразованію семинарія въ тотъ „дипломатическій“ кружокъ, съ которымъ связаны всѣ сеголшняія воспоминанія.

На лицѣ А. С. не часто видали улыбку, когда онъ или предсѣдательствовалъ или руководилъ занятіями; но она именно въ такіе моменты бывала значащею. Это случалось, когда А. С. приостанавливалъ увлекшагося въ своихъ сужденіяхъ семинариста или вмѣшивался въ возникшій споръ. Улыбкою А. С. ловилъ ошибку и оплошность своего ученика, но именно она дѣлала мягкими и нѣжными замѣчанія А. С. Въ такія минуты у участниковъ работъ произвольно рождались и радостное чувство, и вчувствованіе съ ошибавшимся,

и товарищеская къ нему любовность. Думается, что и для самого А. С. эта улыбка имѣла большое значеніе. Она позволяла А. С. еще съ большею, чѣмъ обычно, осторожностью подойти къ настроенію чужой мысли и души, подойти чутко, по возможности чутко.

И еще. Вспоминается тотъ семинарій 1909—10 г. по дипломатикѣ актовъ, касающихся прикрѣпленія крестьянъ, въ которомъ нѣкоторые изъ насъ и начали свою научную подготовку. Онъ, какъ первый, особенно четко запечатлѣлся въ памяти. Согласно съ общимъ распорядкомъ, по окончаніи обсужденія доклада силами участниковъ семинарія, заключительное слово бралъ А. С. Это не была ни простая заключительная сводка сказаннаго, ни рядъ общихъ замѣчаній о темѣ. То и было особенностью этого семинарія, такого единственнаго въ университетѣ, что А. С. всегда приносилъ съ собою всѣ свои листки, относящіяся къ темѣ даннаго доклада, и раскрывалъ передъ нами всѣ средства собственной своей работы. Въ томъ же году началъ читать въ университетѣ лекціи одинъ пожилой ученый, и когда молодая группа его слушателей обратилась къ нему съ просьбою вести семинарій—у него вырвалось много горькихъ истинъ относительно семинарскаго руководительства. Насъ взволновали его слова, мы долго судили о нихъ, и одинъ изъ тѣхъ, кто не считаетъ себя ученикомъ А. С., со всею свойственною ему исключительною искренностью заявилъ, что только у А. С. занятія таковы, что имъ нельзя бросить подобныхъ упрековъ. И дѣйствительно, кто слышалъ эти семинарскія резюме, тотъ знаетъ, какимъ духомъ учебаго равенства въ отношеніи къ намъ они были проникнуты: ни въ нихъ ни въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ А. С. не слышно было даже малѣйшихъ нотъ авторитета, словно не юношами и учениками мы тамъ сидѣли, а столь же, какъ и А. С., сумѣвшими пріобщиться къ знанію. И незрѣлая наша мысль, научно лишь дебютировавшая, тѣмъ самымъ быстро шла къ осознанію своихъ индивидуальныхъ правъ.

Намъ приходилось вступать въ общеніе съ А. С. не только въ четверги, но и въ пятницы—въ обычный пріемный вечеръ А. С. Общее мнѣніе говорить о личной малодоступности А. С. Дѣйствительно, бывая у А. С. по пятницамъ, легко было подмѣтить въ бесѣдѣ, что въ значительной мѣрѣ она носила пассивный для А. С. характеръ. Темы бесѣды возбуждали не А. С., а большею частью это было задачею его собесѣдника, да и бесѣдой эти разговоры можно назвать лишь въ очень условномъ смыслѣ. Посѣтители не очень засиживались: типичнымъ для пятницы былъ не общій, а индивидуальный разговоръ съ А. С. Была предпоследняя пятница декабря 1918 г.,

когда А. С. еще принималъ у себя. Къ нему зашелъ прїѣхавшій въ Петербургъ на нѣсколько дней одинъ изъ его учениковъ. Можно было удивляться: разговоръ шелъ объ общеполитической конъюнктурѣ прежде всего; чувствовался холодокъ отношеній хорошихъ, но далекихъ знакомыхъ. Кабинетъ, казалось, гармонично съ этимъ сочетался: большой, со строгимъ порядкомъ сплошь переплетенныхъ книгъ на невысокихъ полкахъ, обычно мало освѣщенный, онъ былъ мало уютенъ. Къ тому же А. С. сидѣлъ почти всегда въ креслѣ въ полутьмѣ глубины кабинета, а собесѣдникъ довольно далеко отъ него на диванѣ.

Могло показаться, что эта малодоступность А. С. была и въ отношеніи къ тѣмъ, которые долгіе годы провели въ его семинаріи. Когда надо было переговорить съ А. С. безъ слушателей, не сразу рѣшались просить позволенія прїйти въ пятницу четвертью часа ранѣе, и тоже не засиживались. Когда А. С. писалъ рекомендательное письмо, здѣсь вѣяло большою осторожностью. Но многое измѣнилось въ послѣдніе годы. Счастливое сознаніе удачной семьи царило въ небольшомъ семинарскомъ кружкѣ. Тотъ, что былъ моложе всѣхъ—его въ семинаріи звали „Мишей“, былъ старѣйшій—„Несторъ“, третій—обладатель неизмѣнной трубки—такъ и былъ для насъ „трубкою“. Разъ невольно у самого А. С. вырвалась эта, постоянно насъ смѣшившая, на сей разъ отсутствовавшая „трубка“, и, пусть А. С. самъ смутился нѣсколько за свои слова, но ихъ сопровождала улыбка той сдержанной любви къ намъ, которой не воспринять было постороннему человѣку. И связывавшія насъ узы все росли. Одинъ, ставшій едва ли не самымъ близкимъ изъ учениковъ А. С., любилъ въ товарищеской бесѣдѣ называть А. С. „нашимъ Сергѣичемъ“. Если въ давнія времена намъ было трудно оставаться наединѣ съ А. С., то теперь намъ хотѣлось только такъ видѣться. Послѣдніе отъѣзды, все болѣе разрѣшавшіе нашу семью и лишавшіе каждого изъ насъ нужной въ такіе дни дружеской поддержки, вызывали и жалобы и одну реплику: ходите чаще къ А. С. Темы пятничныхъ бесѣдъ, если имъ только не мѣшалъ нежданный и нежеланный для насъ чужакъ, становились интимными, близкими. А. С. говорилъ о своихъ работахъ, строилъ свои предположенія, мелькали замѣчанія о личной судьбѣ А. С. Мы вмѣстѣ сговаривались, бывало, приходило къ А. С. пораньше, но бесѣдъ такой суждено было прерываться благодаря новому посѣтителю. И опять внѣшность становилась господствующей. Лишь при прощаніи, когда А. С. нѣсколько удерживалъ насъ, когда онъ провожалъ насъ къ дверямъ, опять оживала нить взаимной близости, вспыхивала радость общенія.

Да, А. С. казался сдержаннѣе, холоднѣе, отчасти и оттого, что не легко отыскивались и у него эти нужныя иногда слова. Вспоминается нашъ праздничный четвергъ, юбилейный майскій четвергъ 1915 г., когда всѣ слова были замѣнены рукопожатіями и поцѣлуями.

С. Валкъ.

